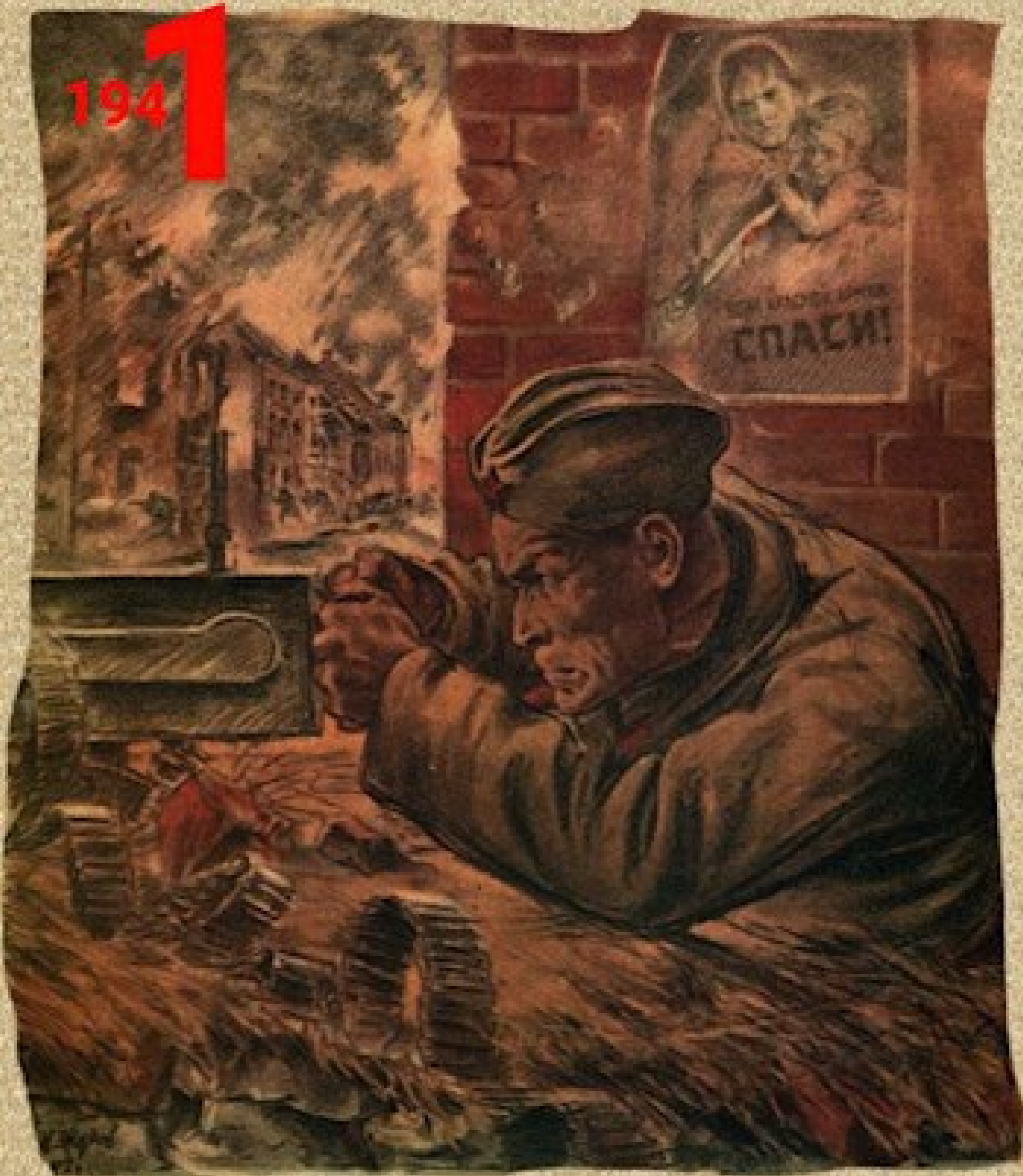

194

1

Там вам нетута

Из 21-го века на поля сражений Великой Отечественной.

В теле пятнадцатилетнего парня пожилой пофигист и у него есть цель — оставить послание для себя в будущем. Проблема в том, что место, где ему нужно оставить капсулу оккупированно немцами. У него два варианта. Пробираться туда тайком, или ждать освобождения этих территорий.

Получив при переносе в прошлое специфические способности, он выберет свой путь, по крайней мере, он так считает.

Глава 1

— ... меня хорошо понял, Макарыч?!

Закончив распекать своих подчинённых, Увалов перевёл грозный взгляд на стажёра.

Будущая гордость советской милиции выпрямился на шатком стуле, постаравшись не выдать своё волнение.

— Ивушкин. — Капитан, с лёгкой усмешкой, оглядел ладную фигуру Семёна, задержав внимание на его сильно оттопыренных ушах. — Тебе персональное поручение. К четырём утра прибудешь в гараж, найдёшь старшину Нефёдова, нашего шофёра. Зовут его Минай Петрович. На моём автомобиле доедете до станции, нужно встретить одного товарища из Могилёва.

Увалов достал из кармана кителя свёрнутый вчетверо лист бумаги и протянул сидящему рядом сержанту Кривцову из участковых, кивком давая понять, что нужно передать дальше.

— Эту бумагу передашь начальнику станции Ефименко. — Продолжил он, дождаввшись, когда документ после непродолжительной эстафеты окажется в руках стажёра. — Он скажет, кого и где встречать.

Капитан поднялся и, оправив форму, ловким движением подбросил лежавшую на столе фуражку, как опытный цирковой поймав её на свою коротко стриженую голову.

— Хорошего дежурства товарищи.

Дорога была хорошо накатанной, но Семёна всё равно немного укачивало. Эту особенность, своего несовершенного вестибулярного аппарата, юноша осознал ещё в детстве, в немногочисленных поездках на автотранспорте.

Первый в учёбе, с разрядами по боксу и шахматам, он был тем, кого отправляли на школьные олимпиады, практически по всем дисциплинам. Отличник, спортсмен и просто смекалистый парень, Ивушкин мечтал о небе. С третьего класса, как вживую увидел низколетающий аэроплан, грезил стать лётчиком. Но проклятые приступы слабости, когда он выходил с городских автобусов, не остались секретом для мамани. Тошнота и дрожащие в коленях ноги её ненаглядного сыночка, стали ему приговором — никаких лётных.

Работая в райкоме, маманя перекрыла ему все пути к мечте, предупреждая заранее всевозможные медицинские и военно-учебные учреждения в родной области о его слабой вестибулярке. Так расписав недуг сына, что Семёна не взяли даже на авиатехника. Была у него и такая попытка.

— Значит по призыву к нам? — задал пожилой старшина вопрос, который Ивушкин за последние три дня слышал уже много раз.

— Да, Минай Петрович. Я же двадцать третьего года, поздно учиться пошёл. Повестку получил и как-то всё так закрутилось, что направили в части НКВД, а оттуда к вам.

Семён лукавил, такое решение районного военкома было для него очевидным, слишком уж часто он видал его с маманей, а с ней не забалуешь.

— Ничо. У нас тихий район, довольствие хорошее и вообще...

Расписать все прелести службы в милиции Нефёдов не успел. На въезде к станционной площади, в проулке, они увидели двух сотрудников, скручивающих руки белобрысому пареньку, весьма уголовного вида.

— Помощь нужна?! — Старшина, заглушив фырчащий мотор "Эмки", высунулся из окошка.

По всему выходило, что старшину Нефёдова они знают. Махнули руками, один из них поприветствовал шофёра. — Доброго дня, Петрович.

Пригладив пожелтевшие от махры седые усы, Минай Петрович вышел размять больные колени и поболтать со своими знакомцами.

— Не бзди Семён, поезд ещё не скоро подойдёт, — Успокоил он дёрнувшегося выйти Ивушкина. — И к начстанции успеем, и даже пообедать.

Новоиспечённый милиционер, через незакрытую дверь машины, поневоле слышал весь разговор более опытных товарищей.

Ночью, в дежурное отделение поступил сигнал на вооружённый грабёж, после чего был задержан один из грабителей, а раненого потерпевшего доставили в местную лечебницу.

— ...идём, значит от бедолаги того, лицо ему сильно порезали. Тот гуторил, что двое их было, одёжу и рост описал подробно, а тут этот малец. И всё сходится! И пиджачок, и шарфик имеется, и сам невысокий! — В руке старшего патрульного солнечным зайчиком сверкнула финка. — Во, видал, какие игрушки теперь у детишек?

Нефёдов повернулся к задержанному.

— Он что дурной? Его ищут, а он срок в кармане таскает?

Старший милиционер, мужчина чуть ниже среднего роста, с заметно выпирающим пузом, смущённо объяснил. — Да не... это Васька фельдшерский отдал. Ножик у Попова в подкладке застрял. Ну, у потерпевшего, в общем.

Милиционеры закурили, обсуждая какие-то другие новости, а Семён, сидя в машине, заинтересовался странным поведением юного преступника.

— Минай Петрович! Гляньте! Он куда-то показывает.

Паренёк, пальцем, связанных за спиной рук, указывал в сторону, откуда они приехали. Это было видно только Семёну.

— Да он молчит. Мы же не сразу его вязать стали. Мычал что-то, а ничего не понять. — Сказал державший парня за ворот пиджака второй патрульный. Был он высоким, с чуть рябым от заживающих оспин лицом.

— Смотри. На перо кивает. — заметил Нефёдов. — Знаешь чьё?

Парень кивнул и, вывернувшись боком, показал щуплой рукой направление.

— Айда проверим.

Милиционеры оперативно погрузились в автомобиль, зажав мелкого блондинчика с двух сторон на заднем сиденье.

"Ему же не больше пятнадцати, — подумал Семён. — Наверное, из беспризорных, сирота, а может сын репрессированных. Странно, почему он не разговаривает, неужели немой".

Изредка оглядываясь, Ивушкин замечал, как смешно задирая подбородок, подросток указывает направление.

"Маруся", как ласково называл свой служебный транспорт старшина Нефёдов, пропетляв по улочкам посёлка, выехала на окраину.

— Там что ли? — раздался сзади голос рябого.

Все посмотрели на связанного парня. Хотя, других вариантов вроде бы не оставалось, кроме дощатого, посеревшего от времени, заброшенного здания, вокруг ничего другого не наблюдалось.

— Ивушкин, сторожи. — Нефёдов, вместе с патрульными двинулся проверять ветхую деревянную постройку.

Принявший строгое выражение лица, Семён пытался одновременно следить за задержанным и за строением, получалось не очень.

Когда впереди раздался выстрел, он уже собирался заговорить с пацаном, скрывая своё волнение.

— Чёрт! Что там у них?!

Вскрикнув, он бросил быстрый взгляд назад. Блондин, по-прежнему был спокоен, даже не заинтересовавшись выстрелом, осматривал салон автомобиля. Это, и то, что вскоре показались ушедшие, подавило возникшую лёгкую панику.

Три милиционера вели перед собой человека, сильно похожего на немого проводника. По устному описанию их было немудрено перепутать. Также невысок, пиджак и шарф в наличии, встретить таких в темноте — не разберёшь.

Найденный держался за простреленное плечо, а на изрытом глубокими возрастными морщинами лице застыла гримаса боли.

— Представляешь, хотел Демьяныча доской приголубить. — Размахивая револьвером, заявил рябой.

— Ага. Только Вася раньше успел пальнуть. Спас, можно сказать. Эх. И форму и картуз изгваздал, — сплюнул Демьяныч в заросли дикорастущей малины, пытаясь отряхнуть гимнастёрку с фуражкой от клочьев паутины и грязи.

Перевязав раненого рукавом, оторванным от его же рубахи, Демьяныч, злорадно ухмыляясь, с силой хлопнул ладонью прямо по красному пятну, расплывшемуся на повязке.

— Садись Качуба, домчим куда надо с ветерком.

Нефёдов, решивший что-то проверить под капотом, с укоризной покачал головой, глядя на это. Но, несколько не смутившись, милиционер показал на свою руку.

— Петрович, это личное. Эта гнида, два года назад, на облаве мне руку пропорол. Может быть этим самым ножичком.

Не обращая внимания на жалобные вопли, он накинул на перевязанного пиджачок и затолкал ноющего рецидивиста на заднее сиденье.

— Пусть скажет спасибо, что не шлёпнули. — добавил он, захлопывая дверь.

— Что с малым делать будем? — Спросил старшина, ни к кому конкретно не обращаясь. — Помог гада найти, но наверняка с ним знаком, иначе бы не указал на схрон.

— Не наше это дело. Отвезём в отдел, там у нас есть капитан, ему по должности положено следствием заниматься. Но, про помощь доложим, тут пацанёнок помог, не поспоришь. Если не успел ничего натворить, Максимов отпустит.

Забросив пассажиров в оперотдел, два проголодавшихся милиционера поспешили к начальнику станции. После короткой беседы с сильно занятым своими проблемами главным железнодорожником, вышли к привокзальному парку, где в тенёчке стояла припаркованная "Эмка".

— Давай Сеня перекусим пока ещё чего не приключилось. — Предложил пожилой старшина, своему юному коллеге.

Из небольшой котомки, Нефёдов извлёк пару вареных в мундире картофелин, яйца с пучком зелёного лука и большой ломоть серого ноздреватого хлеба.

В кармане галифе у Семёна лежали завернутые в газету бутерброды из дорогого белого хлеба с маслом и колбасой. Собираясь вчера на ночное дежурство, он не рассчитывал на долгую поездку, но утром они заехали к нему домой, где заботливая маманя всучила ему

этот свёрток.

Масло успело подтаять, что при такой температуре было не удивительно. Стараясь не посадить жирное пятно на выданную два дня назад форму, Ивушкин ел с аппетитом и, как и старшина, с вожделием поглядывал на ларёчницу торгующую квасом.

— Эх, хороша! — Произнёс прожевавший последний кусок старшина.

С удивлением, повернувшись к Нефёдову, Семён понял, что в отличии от него, в глазах коллеги горела жажда совершенно другого типа.

— Кх-м! Пойду, возьму нам по кружечке.

Минай Петрович неторопливо поднялся, убрал котомку в машину, opravил гимнастёрку и, подкручивая кончики усов вверх, двинулся на штурм.

Небольшой брезентовый полог, под которым был пристроен покрашенный светло-синей краской металлический ларь на колёсиках, являлся центром сосредоточения у прогуливающейся публики. Невдалеке, среди молодых берёзок, шумной, но дружной компанией сидели выпускники, у которых был патефон. Оттуда звучала завораживающая мелодия для вальса. Празднично одетые люди ходили по парку, здороваясь друг с другом, приветствуя даже незнакомцев.

Дамочка, торговавшая квасом, наверное, чувствовала себя этакой царицей. Благоклонно улыбаясь страждущим живительной влаги, терпеливо ожидающим своей очереди, сноровисто отпускала свой товар. Вся налитая молочной свежестью, одетая в ситцевый сарафан женщина, крутилась на тенистом пятачке. Принимала у покупателей деньги, отсчитывала сдачу из кармашка своего накрахмаленного передничка и подставляла кружку под краник. Вот, одарив прохладным напитком девушку в матроске, потрепала по лохматой головёнке мальчишку с бидончиком, тут же переключившись на двух статных артиллеристов. И всех одаряла улыбкой, даже хулиганистого обходчика со станции, попытавшегося щипнуть её за всякие пышности.

— Кх-м! — с грозно сдвинутой назад фуражкой, кашлянул подошедший милиционер. — Порядок нарушаем?

Прыснувшая весёлым смешком ларёчница увидела, как бойкий пролетарий испуганно отдёргивает свою, тёмную от вьёвшегося мазута, пятерню.

Спровадив незадачливого горе-соперника, старшина занял очередь, оставаясь при этом подле торговли-хохотушки, как бы охраняя её от возможных посягательств.

Довольно прижмурившись, Семён, сидевший на травке, откинулся назад, опёршись на локти. Дальше к востоку, над тёмной кромкой леса, кружил серебристой птичкой И-16 конструкции Поликарпова. Наблюдая за юрким истребителем, молодой человек предавался мечтаниям. Воображая себя опытным ассом, он громил франкистов в небе Испании, совершая отважные манёвры. Он уже успел приехать к мамане и хвастал полученным лично из рук товарища Калинина орденом Ленина, как был безжалостно прерван на самом интересном месте.

— Хватай кружку Сеня.

Облокотившись на капот "Маруси" Нефёдов протягивал ему литровую кружку. Желтоватая эмаль приятно охладила руки Ивушкина и хмельная свежесть кваса прокатилась через всё нутро.

Покряхтев, старшина достал из нагрудного кармана жестяной портсигар. Запыхтев самокруткой, проводил взглядом красноармейскую мотоколонну, запывлившую в сторону города. Исполняемая бойцами задорная незнакомая ему песня вызывала радость на лицах у

отдыхающих. Открывались окна и двери в избах, из которых выглядывали любопытные. Рубя хворостинами крапиву, с гиком промчалась ватага ребятишек, догоняя машины с сидящими на них красноармейцами.

Ощущая от выпитого и летней жары лёгкое опьянение, Семён нащупал в кармане полтинничек, с целью рассчитаться.

— Минай Петрович, вот...

Договорить ему помешал паровозный гудок приближающегося поезда.

— Почти без опоздания. — резюмировал старшина, взяв протянутого Семёном "Молотобойца".

— Иди, встречай. Покараулю тут.

Спровадив молодого, он, стряхнув из кружек остатки кваса, сновп направился к понравившейся ему барышне.

Артём Фёдорович, направленный из Могилёва для ознакомления местными сотрудниками НКВД с новыми вводными по противовоздушной обороне и борьбе со шпионской деятельностью, уже усаживался в присланный за ним автомобиль, когда к машине подбежал старший милиционер транспортной милиции и какой-то школьник.

— Петрович, выручай! — выдохнул он. — ф-у-ух... Надо мальчика к вам переправить. Срочно. — выделив последнее тоном, протянул пожилому шофёру запечатанный сургучом пакет. — это, вместе с ним, нужно передать Лигачёву. Особая важность.

Изумлённо подняв брови, Жугин, пытался сообразить какая в пареньке может быть особая важность. Ощущая какой-то подвох, он уже собрался отчитать встречающих и этого вспотевшего индивидуума, как тот опять заговорил. Видимо почувствовал намерения лощёного капитана.

— Максимов распорядился, приказ старшего майора Лигачёва.

Убедившись, что приказ "страшного" майора будет выполнен, шофёру, для росписи, был представлен акт приёма-передачи, что было совсем удивительным.

— М-да, странные дела у вас тут происходят, — протянул капитан. — что скажешь Семён Георгиевич?

Иронично глянувший Нефёдов, хмыкнул. Мол, не по Сеньке шапка.

Уши Семёна от смущения предательски запунцовели. Представляясь bravому лектору, он важничал, о чём, сейчас очень сожалел.

— Мы... тут... грабителя поймали. — начал невнятно объяснять.

— погоди, Георгич, — Нефёдов прервал стажёра, при этом, его усы задрались вверх, показывая, что ему весело.

Шофёр обратился к нежданному попутчику, руки которого теперь были свободными от пут. — Голодный? Есть хочешь?

Тот, с силой затряс головой. В подтверждение, в его животе звонко забурчало.

В руках милиционера мигом появилась уже знакомая котомка, откуда, жестом фокусника, были извлечены горбушка накрытая полоской сала с розовыми прожилками и очередное яйцо.

По собственной инициативе, Семён сходил за квасом, где, проявил характер, заявив о служебной необходимости, взял кружку кваса без очереди.

Пока блондинчик перекусывал немудреной снедью, Минай Петрович внятно и чётко доложил капитану из Могилёвского НКВД о недавних перипетиях.

— А этот Лигачёв, он кто? — спросил Артём Фёдорович.

— Хм. Второе управление НКГБ. Известная в городе личность.

Жугин смотрел на жующего школьника, пытаясь сложить два плюс два.

— ... и не говорит? Может придуривается? Бежать не пытался? — Нефёдову посыпались вопросы.

— Молчит. А там, кто его знает. Спокойно себя вёл. Да и чего гадать? Наше дело приказы выполнять. Без нас умников хватает, — рассуждал Минай Петрович. — А то, не ровён час лишнего узнаешь. Или ляпнешь.

— Это да. Болтать не следует, — опомнился лектор, но оставил последнее слово за собой. — Семён, относил тару, нам ехать надо.

Пять минут спустя, чухнув чернящим выхлопом, "эмка" развернулась и начала выезжать из парка в сторону станции.

Капитан, сидя рядом с подозрительным пареньком, пытался решить этот странный ребус, но ни к каким конкретным выводам прийти так и не смог.

Интересно, кто именно заинтересовался парнем? Политический отдел, или контрразведка? На курсах в Минске предупреждали о случаях внедрения детей из-за границы, ведущих шпионскую и подрывную деятельность.

"Завтра зайду к Зорину, старый хрыч может быть в курсе", — подумал Жугин, вспомнив о друге, служившем в местном НКВД.

Очнулся валяющимся на зелёном ковре из спорыша перед крашенным в зелёный цвет палисадником бревенчатого дома.

Линии заборов с калитками по обе стороны от дороги — обычная картина для частного сектора.

Огляделся, общупал башку и между ног.

Та-ак. Я одет, обут и являюсь подростком мужского пола, а доносившиеся со двора отрывки чьей-то беседы подсказали, что тут говорят на вполне понятном русском языке.

Вышел на дорогу и осмотрелся повнимательнее.

Ожидаемо — вокруг не было заборов из профлиста, или пластиковых окон. Дошчатые крыши одноэтажных домов соседствовали как с соломенными, так и с крытыми железом. Под ногами колышется пыль грунтовки, что тоже ни о чём не говорит, а вот провода на деревянных столбах, то ли большого посёлка, то ли окраины города, подсказывали, что цивилизация здесь не совсем в зачаточном состоянии. Наличие электричества в такой глуши давало разброс от раннего Сталина, до позднего Брежнева. А кое-где и до моих лет так оставалось.

Двинувшись вдоль линии электропередачи, вышел к двухэтажным домам, преимущественно с каменным низом. Такие, знаете ли, с высоким цоколем и окошечками в нём, а выше бревенчатые срубы. Почему-то, в памяти мелькнуло "купеческие". По логике — камень не дешёв, и два этажа не так легко протопить. Так что вполне, пусть будут "купеческие".

Следуя прежним курсом, углядел в конце улицы длинное одноэтажное здание с высокими оконными приёмами. До него было ещё довольно далеко — пройти вдоль нескольких домов, а затем пересечь площадь. Но, главное я уже увидел — на всю высоту здания красовался плакат с до боли знакомым прищуром над широкими усами.

Временной разброс сократился примерно до тридцати лет, при Хрущёве изображения "Отца народов" не вешали — это я точно помнил.

Теперь бы найти свежих газет, местечко для лёжки и при этом не попасться в "ежово-ягодо-берийные" руки "кровавых" чекистов с холодным сердцами. Лютых волкодавов, которыми страдали все последующие поколения.

— Гражданин!

Упс. Накаркал? Повернулся к окликнувшему меня.

Ну, что же, они родимые. Оп-пачки! Петлицы. М-да, лучше бы погоны. Ладно, с этим потом, сейчас попробуем отбрехаться.

— Кто такой будешь? Откуда? Документик имеется? — Спросил высокий рябой парень лет тридцати.

"Проездом..." — Хотел было начать, но всё заготовленное осталось в уме. Открыв рот, я не смог выдать из себя ни единого звука. — "Твою ж налево!"

Посмотрев на мои потуги и, не добившись от меня ответов, рябой схватил меня за шиворот. Второй, тот что постарше, начал сноровисто вязать мне руки обрезком припасённой верёвки. Стянутые запястья сразу заняли от грубых волокон и пережатых сосудов.

"Изверги! Мля! Нахрена связывать?!" — Приходили нецензурные мысли о творщемся

беспределе, но, вдруг я забыл о таких мелочах. В голове возник другой вопрос, для меня, куда более важный. Какого хрена я вообще дал себя схватить и добровольно завёл руки за спину? И речь не о том, что в данный момент я мелкий, а они взрослые мужики. Ответка на такие действия у меня всегда была на автомате. Был бы я самим собой, эти мудаки сейчас бы имели, как минимум вывихи.

— Помощь нужна?!

О! Ещё менты подъехали! Только эти отличались. Если первые двое были в синих галифе и серых гимнастёрках с фуражками, то новенькие — полностью синие. Видать разные функции выполняют. Из подъехавшей машины (тот самый? Знаменитый чёрный воронок?) вышел только водитель. Второй, самый молодой из этой четвёрки, остался сидеть на переднем сиденье, уставившись на мою скрюченную фигуру.

Краем уха прислушиваясь к их разговору, пытался разобраться в своих ощущениях. То, что я не могу произносить звуков, плюс мои (не мои) реакции, требовало ответов, и желательно скорых. Без возможности защитить себя словами и действиями, чувствую, ночевать буду в камере. Что ждёт дальше? Не знаю, но точно мне не понравится.

— ... срок в кармане таскает?

В руках того, кто связал меня, серебристой рыбкой мелькал нож.

Охренеть! Кого-то порезали и вешают на меня! Неужто мой ножик? Млять! Выпутаться становится всё сложнее.

Конечно, тот, кто отправляется в неизведанное, должен быть готовым ко всему. Но, здесь и сейчас, я растерялся. Просто замер, гипнотизируя полоску железа в руке пузатого мента, единственного не с пустыми петлицами(на тех красовалось по одной серебристой полоске).

Мой нож?... нет?... если не мой, тогда чей?

Стоп, слишком много паники для этого малохольного тельца. Я с предельной концентрацией, глубоко задышал, вентилируя лёгкие.

На одном из длинных выдохов, пришло знание. Там! Хозяин ножа там!

Информация. Не какое-то необъяснимое ощущение, а стопроцентная уверенность. Даже не сто процентов — тысяча, миллион. Если бы я видел своими глазами этого неизвестного и то, как он теряет свой нож на месте преступления, был бы меньше уверен, чем в этот момент.

Понимая, что хуже уже не сделаю, решил привлечь к себе внимание.

— Минай Петрович! Гляньте! Он куда-то показывает. — Ушастик сидевший в раритетной тачке, на которого и был расчёт, наконец-то заметил мои кривляния.

Да! Поняли и решили проверить.

Плотно зажав телами, меня усадили в машину.

Время будто замедлилось. Мысли, чувства, боль в связанных руках, всё перемешалось. Это не я крутил головой, показывая направление, это не я ловил внутренним радаром (чутьём) этот след. Раздвоение личности? Шизофрения? Не знаю. Но, после очередного поворота, неожиданно всё устаканилось. Почему?

Благодаря фильму "Иван Васильевич меняет профессию". Фильму и крылатой фразе оттуда. — "Собака с милицией обещала прийти".

Милиция;

собака;

идти по следу;

чутьё;
нюх.

Откуда в мозгу возникла эта фраза и последующая за ней цепочка ассоциаций не знаю, может за окном псину какую увидел, но меня, как обухом шарахнули. Вдруг всё поменялось. Это просто моё обоняние, а я взял след и иду по нему, как ищейка.

Стоило прийти к такому умозаключению, как вокруг проявился образ. Нечто среднее между разноцветной дымкой, струящейся вдоль нашего маршрута и фантомной фигурой грабителя движущейся по нему. Похоже, мой мозг обработал эту идею и самостоятельно начал выстраивать нужную ему картинку, добавляя визуализацию к моим ощущениям.

Чтобы не сбить мистическое наваждение, старался не думать о том, как у меня выходит чувствовать запахи из движущейся машины. Отвлекал себя от лишних мыслей тем, что представлял эту галлюцинацию интерфейсом своеобразной компьютерной игры.

В какое-то мгновение, получилось, как в графическом редакторе, нажать стоп-кадр и выделить отдельный объёмный скриншот. Трёхмерная фигура застыла в раскоряченной позе у шпакетника, ограждавшего садик с молодыми яблоньками. Тот, кого мы ищем, срезал здесь путь, перепрыгивая невысокую ограду.

Мы уже остановились, а я всё ещё крутил на своём вымышленном экране, присевшего перед прыжком человечка.

Прокручивая барабан своего старенького нагана, водитель проверил в нём патроны.
— Ивушкин, сторожи.

Оставив меня наедине с ушастым Ивушкиным, мои конвоиры ушли на проверку древней халабуды, торчащей посреди заросшего невысоким кустарником лужка.

Юный ментёныш старался не показывать своего волнения, но меня не проведёшь. Рядом со мной сидел типичный призывник, державший оружие только на присяге. Жуткая смесь из чьих-то рассказов, книжной романтики, уже нафантазированных подвигов и страха. Боязнь быть убитым, или жутко раненым. Возможно плен, где над тобой будут издеваться? А вдруг ты впадёшь в ступор, когда не можешь пошевелиться и даже нажать спусковой крючок. В общем, перечислять можно долго, но бессмысленно — до хрена всего.

Прекрасно зная, где прячется преступник, был в полной уверенности, что проблем не будет. Он один и без оружия спрятался на потолочной балке, куда залез, заслышав звук двигателя. Три вооружённых милиционера должны были легко найти и скрутить мерзавца, так неудачно подставившего меня.

***

Пойманный, похожий на "Бармалея" в исполнении Ролана Быкова, стонал так жалобно, что казалось, будто ёжика рожает. "Серые" милиционеры, перетянув ему простреленную конечность, тем временем рассказывали, как героически справились с напавшим на них преступником.

Хорошо, что за мной никто не наблюдал, когда менты выдавали свою версию захвата. Феноменально! Эти два клоуна, не стовариваясь, на скорую руку сочинили простенькую легенду. Сидя в машине, беззвучно хихикал, слушая про нападение с доской. В отличие от Ивушкина, я "видел" как там было на самом деле.

Пока седоусый обходил строение вокруг, эти юмористы зашли внутрь. Осматривать особо было нечего. Покосившиеся стены прятали в себе две небольших комнатки, кладовку и центральное помещение. Сообща проверив всё и ничего не найдя, Пузанчик спровадил товарища, а сам присел в кладовке, с целью облегчиться.

Картина маслом.

Рябой со Старым стоят у входа, дымят папиросками. Вдруг, внутри грохот и матерные крики. Это подломилась балка и перепуганный уголовник свалился на собравшегося погадить милиционера. Пузан со спущенными штанами лежит на животе, на нём (чутка оглушённый) ворочается злодей. Рябой, став свидетелем такого надругательства над советской милицией, стрельнул в потолок, добавляя этим в голоса злосчастной парочки истеричных ноток.

Два обстоятельства спасли засранца от большего позора. Во-первых, он не успел начать процесс дефекации. (То, что оба не обосрались от испуга, говорит лишь о крепости советских людей — не более.) Во-вторых, он успел натянуть штаны, до подхода Седого.

***

Когда, вместе с раненым разбойником, меня высаживали у здания оперпункта железнодорожной милиции, заметил у входа стенд с висевшей на нём стенгазетой за июнь сорок первого. И так нерадостный от предстоящих проблем в ментовке, совсем приуныл. Великая отечественная, млять, война. Сколько дней осталось, какое сегодня число?

Передав нас дежурному, Пузанчик и Рябой умотали куда-то. Но, вопреки моим ожиданиям, нас не посадили в обезьянник, а отвели к начальнику отдела.

— Качубаев Арнольд Селиверстович, 89-го года рождения. Был осужден и отбывал наказание по статьям 142-я, 162-я часть(в) и 167-я.

— Так и есть, гражданин начальник. — развалившись на стуле, цедил через губу раненый Качуба.

Просидев в кабинете полчаса, устал охреневать. Такой оперативности от предков я не ожидал. Сначала притащили дело Качубаева, затем притаранили свои рапорта, привёзшие нас милиционеры и чуть позже был доставлен потерпевший с перебинтованной башкой. Со злобой зыряка на нас единственным глазом (другой был под бинтами), он не смог указать ху из ху.

Проводив болезного, дядька в наглаженной белоснежной гимнастёрке попытался провести беседу и со мной, но обломался. Я расстроился не меньше следака, сам был не рад своей немоте.

***

Капитан транспортной милиции, Максимов Иван Захарович, с раздражением смотрел на двух подозреваемых. Щуплый подросток с неустановленной личностью и матёрый уголовник. По приметам оба подходят, но кто из них грабитель?

Первый задержанный лежит в больнице без сознания и соответственно не может дать показаний, а описание данного Поповым, недостаточно для ареста. С одним подозреваемым было бы намного проще, особенно с таким рецидивистом, как Качубаев. С ним миндальничать не надо, часик в допросной и в камеру. Быстрый и проверенный способ, как раз успел бы в столовую на обед.

Из задумчивого состояния милиционера вывело появление гостя из ГБ.

— Иван Захарович, там старший лейтенант из госбезопасности, вас спрашивает. — Заглянул в кабинет дежурный.

Максимов удивился. — Кто таков?

— Говорит командировочный.

— Выведи этих в коридор.

Капитан застегнул верхнюю пуговицу и поправил портупею. — Зови.

Гость зашёл в кабинет, пожав протянутую Максимовым ладонь, представился. — Товарищ капитан, старший лейтенант Клименко прибыл для выполнения особого задания. Вот командировочное предписание.

Коренастый, с великолепной выправкой, старлей НКВД протянул служебное удостоверение и сопроводилровку.

Внимательнейшим образом, проверив документы, капитан поинтересовался. — Э-э... Дмитрий Анатольевич, в вашем предписании не уточняется цель вашего задания. Поясните?

Жестом, предложив гостю присесть, Иван Захарович, сложив пальцы в замок, приготовился слушать.

— Ожидаются провокации на вверенном вам участке. Предположительно, диверсии завербованными агентами. Я должен провести проверку несения караульной службы, пунктов связи и охраны железнодорожного моста.

Максимов задумался. Проверка, это понятно, но причём здесь он? Будет требовать сопровождение? Так у него личного состава впритык, свободных людей нет.

— Что от меня требуется? Людей у меня... — Его прервал шум за дверью.

— Дежурный!! — Извинившись перед Клименко, крикнул капитан.

Со стороны коридора, где чем-то неслабо бахнуло, донёсся непонятный скрип. А затем, дверь резко распахнулась и ввалился один из задержанных — мелкий шпанёнок. Станным, шатающимся шагом, он подошёл к повернувшемуся к нему энкавэдэшнику и навалился на него всем телом.

***

Когда нас вывели и посадили на лавочку в коридоре, дежурный, убедившись, что мы остаёмся под его присмотром, ушёл к себе за конторку. Что он там делал, видно не было, но благодаря моей охрененной способности, зрение стало не таким уж и важным. Мужичок решил попить чайку и сейчас закопошился с примусом.

Сидящий рядом покоцанный уголовник начал клевать носом. Я усмехнулся. Конечно, по ночам людей грабит вместо того чтобы спать, как все нормальные граждане.

А чем там начальнички заняты?

Сосредоточиться, втянуть ноздрями воздух и протянуть виртуальный щуп своего любопытства за дверь.

Сидя в нескольких метрах от закрытой двери я услышал их разговор, словно вернулся в свой век и в ушах беспроводные наушники. Это радовало, значит запахами дело не ограничилось.

Оп-па! Не дремлет контора. Знают и бдят. Возможные диверсии? О, да! Скорс всяческих шпионов-диверсантов будет хоть пруд пруди. Помимо немцев, хватало всяких предателей. Кто за деньги, а кто за идею. Противников у новой власти хватало. Одних раскулачили, у других родня поумирала с голоду, а третьи вообще с царских времён шифруются. Были и четвёртые, пятые и двадцать пятые.

Пошмыгав носом, принимаюлся. Что-то меня беспокоило. Чёрт! Мне бы чутка времени, так сказать потренироваться в свободной обстановке (пожрать бы тоже не помешало).

Млять! Понял! Догадка казалась невероятной, но я решил уже для себя, что буду доверять своим чувствам. Приезжий гэбэшник и есть диверсант.

Не теряя времени метнулся к дежурному. В затылок мужичка, наклонившегося к чайнику, пришлось бить двумя руками. Ручонки у меня сейчас хилые, потому бил со всем уважением, то есть не жалеючи. Подставив коленку, смягчил его падение на пол, потом

спасибо скажет... наверно.

Спящего урку усыпить было проще. Усталость, плюс потеря крови. Секунд на двадцать пережать сонную артерию и дело в шляпе. Конечно была подлая мыслишка подержать палец подольше, но... хрен с ним, пусть живёт. Может ещё повоюет против немчурь.

Теперь цыганочка, с выходом из-за печки. Ботнув ботинком в низ двери, шевельнул скамейку по полу и, навалившись на массивную бронзовую ручку, боком протиснулся в кабинет.

Я для них сейчас не угроза, всего лишь пацанёнок, с которым произошло что-то непонятное. То ли плохо стало, то ли ударенный, или вообще (а вдруг)пьяный. Всем своим невеликим весом растёкся по человеку, от которого пахло иначе — не русским духом. Незаметно расстегнуть кобуру и достать тэтэшник оказалось нетрудно. Мне он пока нужен в качестве кастета, для остального у меня есть наган дежурного, который уже взведён.

— Что с ним?! — Ошарашено спросил старлей, пытаясь встать со стула и скинуть с себя обмякшее тело пацана.

Шокированный таким внезапным появлением, Иван Захарович стал свидетелем того, как паренёк, которого скорее всего он отпустил бы, повесил на себя немаленький срок, а то и вышку.

Пацан, ещё мгновение назад прилипший к командированному, стоит перед ним с двумя пистолетами, а старлей, получив рукояткой своего же ТТ в висок, падает лицом на стол. Ещё бы ему не упасть, после такого-то смачного удара.

Увидев направленный на свою персону револьвер, Максимов прошептал. — Охренеть.

Находиться под прицелом Ивану Захаровичу было не впервой, особого страха не испытывал, но сюрреализм происходящего мешал сосредоточиться. Ещё этот уверенный взгляд прямо в глаза.

Револьвер, по всей видимости принадлежавший дежурному, направлен ему чуть пониже солнечного сплетения. Ствол не дрогнул, даже когда парень схватил старлея за ворот и потянул на себя, откидывая того на спинку стула.

Капитан успел оценить скорость действий и твёрдость руки хрупкого на вид мальчика. Шпион? Диверсант? Такому на улице не научишься — однозначно где-то обучали. Может из семьи военного специалиста? Пластуны?

Он бы продолжал обдумывать, дойдя до самых безумных вариантов, но тут гляделки закончились. Паренёк отступил в сторону и начал показывать немое кино, вынуждая следователя напрячь все имеющиеся у него извилины, чтобы понять его намерения.

В начале, это было несложно. Прижатый к губам ствол нагана истолковать легко. Дальше — труднее. Хлопки по правому боку и направленное на него оружие, он разгадывал пару мгновений. Нахмурившись, медленно и аккуратно достал из кобуры оружие и также медленно положил на стол. Взмах руки и он, подчиняясь произволу, отошёл к окну.

В карманы пиджака перекинул его револьвер, а затем и ТТ старлея.

После, белобрысый поганец, соорудив странную мину на своём лице, полез к старлею в нагрудный карман. Тонкая стопка документов легла на стол, откуда он взял партбилет гэбэшника. Ну, а потом, как не старался, капитан так и не смог понять чего от него хочет добиться этот ненормальный.

Пацан показывал на него и на раскрытую посередине книжицу. Что-то пытался объяснить, размахивая наганом. Максимов честно пытался понять, но нет.

— Может, ты напишешь? — Устав угадывать, сдался и предложил очевидный вариант.

Этот немой полудурок с силой зарядил себе по лбу наганом. Так, что даже скривился от боли. Взял из бронзового стаканчика химический карандаш и написал на папке с делом Качубаева странную фразу.

Сравни скрепки.*

Так так. Судя по дате, этот Клименко получил свой партбилет в октябре тридцать восьмого, но скрепляющие страницы проволоочки сверкали как новые.

Капитану даже не понадобилось доставать свою книжечку и так помнил, что у него скрепки поржавели давным давно, когда он попал под ливень.

Он посмотрел на пацана.

— Что это значит?

Карандаш опять зашуршал по картону.

Это немецкий диверсант. По скрепкам можно определить. У них они из нержавеющей стали.

Дописав, парень выложил из карманов пистолеты на стол, а на револьвере дежурного вернул взведённый курок на место.

Первым делом Максимов спрятал свой пистолет в кобуру, затем убрал ГТ в ящик стола.

Из того же ящика достал наручники и, под одобрительным взглядом пацана, сковал энкавэдэшнику руки за спиной. Называть его диверсантом он пока не торопился. Даже про себя. Мало ли.

Не помешает связать ноги.

Нужен острый ножик, или ножницы.

Какое сегодня число?

Следящий за тем, что пишет парень, капитан сначала согласно кивнул, затем прищурился, а в конце сделал брови домиком.

Перочинный нож он всегда носил с собой, передал его без всяких колебаний.

— Сегодня суббота, двадцать первое июня. Ты что делаешь? Зачем?... Бляха муха!

Извлечённая из распоротого голенища сапога диверсанта бумага с текстом на немецком языке стала ему ответом и веским аргументом для звонка в городской НКГБ.

* Прошу прощения за скрепки(всё-таки это альтернативная история).

***

Вечер понедельника. Подвал. Хоть и заперт в одиночной камере, мне не скучно, есть чем заняться. Испытываю свои новые возможности и восстанавливаю в памяти события первых месяцев войны.

Попасть туда, куда стремится каждый второй уважающий себя попаданец — такого не было в моих планах. Да, знал, что моё сознание проявится в другом теле. И да, знал, что попаду в прошлое, но чтобы так точно? Нет, такого я точно не хотел. Но, с другой стороны, могло забросить и глубже, где мне, жившему в веке компьютерных технологий, было бы намного хуже. Хотя, что может быть хуже войны?

Собранная из разрозненных кусочков мозаика плохо складывалась в цельную картину. Рассказанное ветеранами, пройденное в школе и в училище, прочитанное в художественной литературе и увиденное в фильмах с сериалами. Наконец — заугленное. словно играя в чехарду, эти пазлы вертелись в голове и наслаивались друг на друга. В конечном итоге, признался себе, что суперпамяти у меня нет. Практически, за редким исключением, никаких точных дат вспомнить не удалось.

Параллельно, с копанием в закромах памяти, тестировал органы чувств. Вывод после этих тестов был однозначным — мои способности не имеют никакого отношения к носу и ушам. Вообще!

Эксперименты и элементарная логика разрушили мою первоначальную теорию и, чтобы остаться в здравом уме и не погрязнуть в построении новых теорий, "забил" на научный подход, оставив всё как было. Пускай будет мутация. Обоняние со слухом изменились из-за облучения при переносе сознания (бред, но и хрен с ним). Неважно, как это называть, хватит того, что буду этим пользоваться.

Небольшая концентрация и я слышал, что происходило тремя этажами выше. Запахи, разговоры, стук пальцев по столу, звонки по телефону. А выход газов из кишечника долбодятла Лигачёва слышал так хорошо, как будто прятался под его стулом. Вне пределов

здания было сложнее, всего в нескольких метрах от внешних стен переставал что либо ощущать.

До меня доносились звуки множества взрывов от бомбёжек и шума стрельбы ПВО. Город бомбили второй день. Громкие звуки, но, это уже было не то. На уровне, как слышал раньше — не было визуализации событий.

Особый нюх для меня стал не менее полезным. Дополненный слухом, позволял определить время суток, или, кто спал ночью с женой, а кто бухал с соседом. Много становилось явным и часто это было противным, если меня не расстреляют, то руки большинства людей пожимать не смогу. Культура мытья рук, здесь и сейчас, оставляла желать лучшего.

Зрение, вкусовые и тактильные ощущения остались на уровне обычного человека, или даже чуть хуже. Не знаю. Всё познаётся в сравнении. Взяв в расчёт гипертрофированные обоняние и слух, следовало учитывать слишком много факторов.

Мозгу хватало информации, чтобы перестать пользоваться глазами. Уши и нос были в стократ круче при ориентации в пространстве. Закрыв глаза, не прекращал видеть. Мне нет нужды дотрагиваться до моей лежанки, чтобы понять, что она сделана из пересушенных сосновых досок. А стена, слева от меня, на один градус холоднее противоположной, потому, что она наружная и за ней толща непрогретой солнцем земли.

Из проверенного источника, знаю, как зовут моего реципиента. (Лигачёву сообщили о моей "настоящей" личности) Я теперь Чванов Аркадий Валерьевич, пятнадцати лет отроду. Беглец из какого-то местного детдома, откуда приходила воспитатель на опознание. Парнишка, в чьём теле нахожусь, оказался сыном врагов народа. Главной врагиней назначили мамашу, её расстреляли три года назад, а Чванов старший, отбывал десятку по 58-ой, за недонесение на жену.

Нет, читать ушами, или носом не могу, узнал благодаря привычке "страшного" майора шевелить губами во время чтения. Про мои личные подвиги там тоже понаписали, но майор не дочитал, срочно отбыл контролировать эвакуацию партийных архивов. Это было смешно и одновременно грустно. Вчера, в общую камеру посадили зам секретаря первички, предложившего начать сбор документации. Всё потому, что несвоевременная инициатива с мест, это разжигание паники. За это можно заработать перелом челюсти и место на шконке.

Собираю информацию и ожидаю допроса, возможно даже с пристрастием, вот только думаю, что допрашивать меня будут уже немцы. Большинство в здании понимает, что приход немцев в город неизбежен, вот и носятся пытаюсь везде успеть. Мобилизация и эвакуация — в эти часы самые употребляемые слова. Чуть менее интенсивно идут разговоры о подготовке подполья и минировании значимых объектов. Про ловлю шпионов и врагов народа все временно подзабыли.

Ночью в здание забежали несколько человек, среди которых был Лигачёв. По их разговорам, стало понятно, что дела совсем хреновые. Началось время, когда каждый сам за себя. Пока военные защищают город, из него бегут все, кто может. Уже выпустили заключённых из тюрьмы, включая политических.

Обрадовавшись, что будут выпускать здешних арестантов, в нетерпении стал ходить по камере. Такие новости бодрят. Но, радовался недолго, ровно до того момента, как пошли первые выстрелы.

Старший майор госбезопасности лично руководил расстрелами. Два лейтенанта и пяток бойцов с винтовками заходили в камеры, зачитывали дурацкий, состряпанный на коленке

приговор, после чего лейтенанты начинали стрелять из наганов.

В двух общих камерах по двадцать и восемнадцать человек, осталось двенадцать и семь человек соответственно. По каким-то непонятным мне причинам кончали не всех. Дальше пошли одиночные и на четверых. Ещё пятерых людишек в расход. Этих тоже стреляли не всех подряд.

Не буду бахвалиться — испугался. Сдохнуть я хотел там, но мне пообещали ВОЗМОЖНОСТЬ. Да, всего лишь мизерный шанс и может быть я сам виноват, что не справился. Но, чёрт возьми, обидно! Год в клетке СИЗО, месяц в лабораторном комплексе, удачный прыжок и помереть от пули в подвале НКВД?

— Чванов на выход.

Твою дивизию! Пронесло.

Спрятав перочинный нож в носок, вышел из парашного угла. Быстро оделся под удивлённым взглядом молодого энкавэдэшника, которого отправили выпускать пацана в одиночку.

— А чего это ты удумал?

Помахал руками, изображая глухонемого дурачка, вроде прокатило и он отстал со своими вопросами.

М-да. Как неговорящий должен объяснить, что кукла, сооружённая из матраса и пиджака, была нужна для отвлечения внимания и дать мне возможность выскочить в коридор? Конвойный даже не догадывается какой участи он сейчас избежал. Я собирался взять на душу очередной грех смертоубийства.

Вслед за остальными счастливыми, меня вывели наверх и, чуть ли не пинком под зад, вытолкнули из здания. Неверя в свою свободу, я огляделся.

Из разговоров гэбистов знал, что местами городские районы просто перестали существовать. Сегодня налёты продолжались до половины девятого вечера и, кроме жилой застройки, немцы в хлам разбомбили аэродром с военным городком.

Здесь обошлось малыми жертвами.

Улица была освещена огнём догорающей крыши одного из домов. Её снесло взрывом и отбросило на проезжую часть.

Дома вокруг были сплошь двухэтажными. Фасады вычурные, даже помпезные, их первые этажи были приспособлены советской властью под торговлю и организации.

Можно было сказать, что этому элитному району повезло. Из видимых повреждений, воронка посреди дороги, побитые осколками стены и, уже упомянутая, сорванная крыша. Скрепленные листами железа доски обрешётки поливали водой из колодца и растаскивали в стороны.

Несмотря на ночное время, куда бы я ни повернулся, всюду сновали людские фигуры, многие из которых были в военной или милицейской форме. В сотне метрах справа, четыре женщины и помогающие им дети загружали полуторку вещами. Мягкие тюки сбрасывали из окна второго этажа, а тяжёлые или хрупкие предметы носили по лестнице дети постарше. Они не шумели, на идише не разговаривали, но по лицам и одежде угадать в них евреев было не сложно. Видать товарищ Сталин не всех в Сибирь выслал.

Переулком вышел в частный сектор, где залез в первый попавшийся пустой дом. Калитка, как и дверь, оказалась не заперта. Странно, вроде не похож двор на заброшенный. Ещё не паранойя, но тревожность появилась.

Когда поднялся на низкое крылечко и принялся более основательно, ноги сами

дёрнулись бежать. Но рука, помимо моей воли, вцепилась в резную периллину крыльца с такой силой, что даже пришлось вклеить себе нехилую пощёчину. После кратковременного приступа паники, вернулось самообладание и прошла дрожь в коленках.

Охренеть! Поначалу пропущенный мной, возле ступенек, из земли торчал хвостовик неразорвавшейся авиабомбы, сантиметров двадцать в диаметре.

Хозяева, скорее всего, убежали после такого-то гостинца. Но, к гадалке не ходи — вернуться обязательно.

Толкнул дверь и на негнущихся ногах прошёл внутрь, где обессиленно развалился на хозяйской кровати. Стёр со лба пот, осмотрелся через окна и, насколько получилось, просканировал округу.

Свет в окнах не горел, но жизнь кипела вовсю. В хатах гремели горшками, щёлкали застёжками чемоданов, вязали узлы и чистили оружие. Один интересный кадр закапывал на огороде пулемёт Максим.

Приблизительный план дальнейших действий вчерне уже накидан. По нему — уходить из города сейчас не следует, нужно будет наведаться в то негостеприимное заведение, из которого меня так невежливо выдворили. Потому, следовало подкрепиться и выспаться.

Обдумав свои планы на завтра ещё раз, пробежался по сараям и дому. Поменял штаны и рубаху, собрал два холщовых мешка всяких полезностей и вкусностей. Как белый человек перекусил за массивным круглым столом, потом обустроил местечко для ночлега, забравшись на душное горище. Внутри дома была приставная лестница, по которой поднял подушку, несколько одеял и с комфортом устроился возле открытого слухового окна.

Утро поприветствовало меня солнечным лучом, щекотавшим мой нос и близкими разрывами бомб.

С крыши обильно сыпался мусор, а стропила так угрожающе скрипели, что я поспешил на улицу.

Небо усеивали кучки разрывов от зенитных снарядов. На запад уходила пара десятков бомбардировщиков с чёрными крестами на крыльях.

— Тьфу. "Суки позорные". — Сплюнув, беззвучно выругался, не сдержав эмоций.

На удивление, в доме было действующее электричество и нашлась электроплитка. Вскипятив чайник, заварил чай с мятой и мелиссой. Плотно позавтракав, добавил часть найденной заварки к своим припасам.

Собранные мной два тощих мешка связал между собой и перекинул через плечо. Ну, как говорится, с богом.

Покинув приютившую меня избу, направился к горотделу НКГБ.

План, как проникнуть внутрь, составил сидя в камере. Осталось немного подкорректировать способ, как подобраться незамеченным с нужной мне стороны.

В принципе, это совсем несложно, с моими-то способностями. Обошёл здание с номером десять на табличке, забрался на гараж и спрыгнул во внутренний двор. Главное не торопиться и контролировать возможных свидетелей моего проникновения. Поднявшись по пожарной лестнице до последнего этажа, проник в окно через форточку.

Этот кабинет я присмотрел, как самый оптимальный. Его хозяина следовало бы сдать товарищам гэбэшникам, как злостного нарушителя режима секретности. Человечек был из категории людей, которые оставляют ключ под ковриком, а пароли и шифры пишут на бумажке и прячут на рабочем столе под стекло.

Открыв сейф запасными ключами из гардеробного шкафчика, выложил на стол

тэтэшник с патронами, печати и по несколько штук разных бланков. Посмотрел в папках с делами принцип оформления и то, как капитан Ивашов Е. К. подписывал документы.

На то, чтобы подготовить N-ое количество записок и заполнить пару бланков, ушло сорок минут.

Дождавшись, когда коридор опустеет, вышел, направившись к Лигачёву. Тот был у себя, отсыпаясь после бурной ночи. Интересно, а кровавые мальчики ему во сне являются?

— Товарищ полковник, с Гродно связаться не можем!! Только с вами! Обстановка тяжёлая, информации где проходит фронт у меня нет! Жилые кварталы, станция и аэродромы подверглись бомбардировкам! ПВО города за сутки сбило до семнадцати самолётов противника!

Майор Барановский кричал в трубку, пока окончательно не сорвал голос. После чего передал трубку связисту.

Подле него переминался посыльный, которого он отправлял в комендатуру.

— ...?

— В городе паника. Ни коменданта, ни военкома найти не смогли. Распущена тюрьма. На складах начались грабежи. Много мародёров и дезертиров.

Сиплым голосом майор принялся ругаться, но тут же схватился за горло и шёпотом попросил связиста принести чая.

— Позови Шалдина и Блеймана. — Приказал он посыльному, выпив два стакана подряд.

Вскоре, прибывшие командиры делали доклад о нынешнем состоянии дивизиона. Затем составили списки погибших, нужных продуктов, боеприпасов и тому подобного.

— Шалдин, возьми полторку, четверых бойцов и поедешь на станцию. В одном из разбитых эшелонов были 167-ые снаряды. Бронебойные, трассеры... в общем, номенклатуру ты знаешь. Все, что найдёшь — привези хоть скольконибудь.

Барановский перевёл взгляд своих красных от усталости глаз на Блеймана. — Петь, добудь хлеба, поезжай в нашу пекарню, проверь что с ней. Если целая, то организуй выпечку.

***

Надя Кувшинова очнулась в высокой траве, возле железнодорожного полотна, куда её выбросило через окно, чудом не переломав кости. Она пролежала без сознания больше часа, пока кто-то случайно не обнаружил оставленную её телом просеку в густых зарослях молодого подлеска.

Оглушённые, посеревшие от грязи и копоты пассажиры бродили вдоль путей с потерянными видами, ожидая чьей-нибудь помощи. Вокруг стонали раненые, командирские голоса раздавали приказы, гремело железо.

Свой вагон Надя нашла не сразу, тот превратился в груды чёрного искорёженного металла. Он и ещё два соседних были разбиты и перевернуты. Пассажиры вместе с солдатами сейчас оттащивали обломки в сторону от рельс.

Всё время, до загрузки в уцелевшие вагоны, девушка просидела возле длинного ряда тел накрытых авизентом.

Больно стиснув плечо, её потянули в сторону и она безропотно пошла за какой-то женщиной, оставляя маму и Колю лежать холодных камнях насыпи.

До города они не доехали, впереди тоже бомбили и пути были разрушены. Нестройной колонной добрались до места, с которого увидели озаряемый пожарами город.

Как она добиралась до бабушкиного дома, Надя не помнила. Пришла в чувство, лишь услышав скулёж Дружка, почуявшего знакомый запах. Войдя во двор, девочка сбросила с плеча уцелевшую мамину сумку, обняла повизгивающего пса. Как сообщить бабушке? У неё слабое сердце и совсем нельзя волноваться.

Из-за закрытых ставень в доме был полумрак и стоял душный запах сирени. Баба Шура лежала на своей перине свесив с кровати руку, почти касаясь ею лежащей на полу старой-престарой иконы. Надя поправила холодную руку, положив её вдоль тела, поцеловала пожелтевший лоб.

Первым делом, взяв в доме ведро с водой, напоила обрадованную собаку. Растопив печь в летней кухне, поставила варится картошку. Выпустила запертых курей, насыпав им корма. Похозяйничала на грядках, насобирав зелени и моркови.

Скоро, стол сколоченный папой, украсился миской парящей картохи посыпанной укропом и аккуратно нарезанным салатом. В центре стояла трёхлитровая банка вишневого компота.

Ехавшая из Бреста к своей бабушке, девушка сидела в беседке обвитой виноградной лозой и горько плакала. Слезы катились по загорелым щекам, падая на их семейную фотографию. Пальчики с грязными, обломанными ногтями гладили родные лица. Строгий, но самый лучший папка, Коля, её старший брат-погодок и обнимающая их мама. Надя на фотографии стояла чуть в стороне, "телячьи нежности" ей категорически не нравились.

Всего неделю назад, майор Кувшинов получил на обоих детей путёвки в пионерский лагерь. Как они радовались, сколько эмоций было в туземных танцах, исполняемых детьми. Маме дали отпуск и она повезла их сама, намереваясь навестить по пути бабушку. Предъявив с трудом выбитые папой билеты сели в переполненный поезд...

***

Зенитчки спрыгнули из кузова остановившейся машины.

Водитель хлопнул лейтенанта по руке, показывая на колодец, спрятавшийся между двух домов. — Видал? Если не знаешь, ни за что не найдёшь.

— Товарищ лейтенант, разрешите зайти в тот дом.

Шалдин недоумённо посмотрел на веснушчатого красноармейца. — На что?

— Там мой бывший командир жил, майор Кувшинов, хочу узнать, где он сейчас.

Мужики плескали друг другу на руки, умываясь, после пыльной дороги и Марк разрешил. — Туда и обратно, две минуты.

Боец припустил быстрым шагом к дому с красивыми резными наличниками. Время было раннее, вполне может быть, там ещё спят. Подёргав запертую калитку, красноармеец залез в палисадник, постучал в закрытые ставни.

Переполошив местных собак, он крикнул. — Хозяева! Есть кто?

Скрип несмазанных петель подсказывал, что он был услышан.

— Надюха?

— Я, дядя Серёжа.

— Выросла-то как. Надь, а где Иван Васильевич? Здесь? В городе?

Девушка заправила светлую прядку под тёмный платок и покачала головой. — Папа в Бресте остался, а нас в пионерлагерь отправил.

Зенитчик смотрел на дочку бывшего командира, не зная как попрощаться.

— Езжайте дядя Серёжа. У меня всё хорошо. — угадала мысли молодого человека.

— Ладно, Надюшка ты не обижайся. Действительно пора нам. Маме и Коле привет передавай.

Сергей уже вылез палисадника и отошёл на пару десятков шагов, поэтому не услышал тихий шёпот.

— Помру — передам.

В доме Надежду ожидала соседка помогавшая обмывать и переодевать тело покойной. Тётя Юдита пришла поздно вечером. Пол ночи успокаивала Надю и практически в одиночку сделала всё необходимое для погребения.

Бабушка рассказывала про тётю Юдиту. Гордячку, ранее никогда не здоровающуюся ни с кем из их семьи, приехавшую сюда два года назад из Овруча.

Соседка была женой польского офицера, погибшего от рук украинских националистов в тридцать четвёртом году. Она успела уехать перед началом войны и осела в их городе, у дальних родственников.

Запрет украинских школ, преподавания украинского языка и невозможность украинцам занимать какие либо должности, в двадцатых годах, привели к терактам против поляков.

В ответ, правящий режим решил начать "нацификацию". Ими были созданы специальные отряды. Радикалов арестовывали тысячами, сожжены около пятисот домов украинских семей. Был открыт концлагерь, где в общей сложности побывало до десяти тысяч человек, как украинских националистов, так и коммунистов.

Несмотря на протесты ОУНовцев, и шумиху в прессе в тридцать втором году, международное расследование Лиги наций постановило — вина лежит на самих украинцах (ещё бы, американцы с Европой сотни миллионов долларов и тонны оружия вбухали в польскую армию, включая помощь своими инструкторами и американскими лётчиками. А потом, вдогонку, послали 70-тысячную армию французов, посланных воевать против большевизма).

Притеснения, аресты и пытки продолжались, что в будущем выльется для поляков в "Волынскую резню". Нацисты из УПА не пожалеют и бывших друзей из Абвера.

***

Негромкий стук разбудил, чутко спавшего гэбэшника. Старший майор бесшумно (как он думал) поднялся с дивана, накинул китель. Десять секунд и он открывал дверь, уже застёгнутый на все пуговицы и даже был причёсан.

— Чванов? Э-э...

Доброе слово и пистолет? А если слов сказать не получается? Остаётся только пистолет.

Втолкнув гэбэшника внутрь, расстегнул на нём пояс с кобурой и отбросил в угол.

Первая записка легла перед Лигачёвым. Обезоруженный и усаженный за свой стол, он внимательно её прочитал.

Я не Чванов. Являюсь секретным сотрудником ГУ ГБ. Мне необходимы документы чтобы покинуть зону военных действий, так как обладаю важными сведениями и способностями.

Он скептически повертел мои каракули.

— Кто является твоим непосредственным начальником? Какие сведения? Способности? Удерживая быстро наглежащего майора на мушке, достал следующую записку.

Обладаю экстраординарными способностями. Для проверки спрячьте руки под стол и покажите любое количество пальцев.

"Страшный" майор положил листочек поверх первого, разглядел их и сунул руки под стол.

Я широко улыбнулся, когда он показал одной рукой два пальца, а другой скрутил фигу.

Вспомнив "загадку Сталина" про средний палец, показал на левой руке указательный и средний, потом согнул их, выставляя между ними большой. Выпускать пистолет я не

собирался, потому использовал одну руку.

Повторив эксперимент ещё несколько раз, Лигачёв проникся.

— Что конкретно от меня требуется? — Спросил, очевидно, задумав какую-то гадость.

Мне нужен документ, которому поверят. Фокус с пальцами, это мелочь. Помимо прочего могу мгновенно вычислять немецких агентов. Вспомните из-за чего я к вам попал. Как думаете, стоит мне попадать в плен к немцам?

С нормальными документами я смогу выбраться к своему начальству.

Судя по напрягшимся мышцам и вспотевшей спине, Лигачёв собрался броситься на меня.

Сделал шаг назад и погрозил ему пальцем.

Тот расслабился.

— Без сопровождения не отпущу. — Выставил он ультиматум.

Я неопределённо пожал плечами, ожидая продолжения.

— Хорошо! — Шлёпнул по столешнице. — Сделаем!

Он связался по телефону с дежурным, попросив пригласить к нему сержанта Цуканова.

Не теряя времени, положил перед ним последнюю из заготовленных бумажек и в темпе вальса покинул помещение.

Уходил также, правда теперь под внимательным взглядом из окна Лигачёва.

В последней записке, указывал время и место, где буду ожидать провожатого с документами. Встреча с гэбэшником была назначена на вечер у пожарной каланчи.

Покинуть город требовалось быстро, но в темноте у меня преимущество и нужно было время подготовиться.

Достав припрятанные у гаража припасы, прорезал в одном из них отверстие для ТТ. Крупы в мешочках, соль, заварка, кусковой сахар и шматок перчёного сала, надёжно держали пистолет в нужном положении. Теперь, повесив мешки на плечо и сунув руку в прорезь, мог в любой момент выстрелить.

Ни в коем разе не собираюсь изображать из себя универсального солдата. Никакой ненужной партизанщины. Моей целью было выбраться из предстоящего окружения, стараясь не привлечь к себе внимания, а для этого надобно хорошо укомплектоваться. Практичная одежда и обувь, ранец и накидка для леса стояли в моём перечне на первом месте.

Обворовывать дома, или лавки в разбомбленном городе не хотелось, по нескольким причинам. Прежде всего, это опасно — могут попасться злые хозяева, мародёры, или бдительные служивые. А ещё, это было противным. В доме, где ночевал, я не забирал последнее, или какие либо ценности, но даже от этого было противно.

Где лучше всего разжиться снарягой? Правильно, на складе. Всё едино разбомбят, или достанется немцам.

Я неспешным шагом потопал к железнодорожной станции. Где она находится, узнал ещё двадцать первого. На ментовской машине мимо неё проезжали.

Предстояло пройти трудный, смертельно опасный квест, чтобы пересечь линию заграждения из милиции, разбавленную красноармейцами. Был на грани, караульный не давал подойти к нему и показать бумагу. Только приход начальника караула позволил мне подняться с земли, на которую, под угрозой пустить в расход, меня заставили лечь и запретили шевелиться.

Грамотно составленный бланк с грозным штампом избавил меня от неприятных и долгих изысканий. Приказ, по первому требованию обеспечить Иванова Андрея

Сергеевича(возраст, рост и особые приметы прилагаются)любимым запрашиваемым обмундированием, продуктами и оружием, был предъявлен усталому старшине с пушечками на петлицах.

Прочитал, посмотрел мои жесты, затем спросил. — Что потребно, болтун?

А мужик с юмором, уважаю. Извлёк из загашника список.

Наручные часы.

Компас.

Фляжка.

Бинты, йод, стрептоцид.

Крепкие удобные ботинки 37 — 38-го размера.

Брюки.

Тёплый свитер.

Прочная легкая куртка.

Нижнее бельё.

Рюкзак, или ранец.

Плащ-палатка 2шт.

Лопатка.

4шт. Ф-1.

6 шт. запасных магазинов к ТТ.

— Юный пионер, ты куда собираешься? Всю немчуру в одиночку желаешь победить? —

Не прекратил он юморить.

Смеха в его глазах не было. Видно, что мужик на последних морально-волевых общается. А балагурит больше по привычке, образ у него такой.

Сейчас бы ответить, поддержать прибауткой, но чёртова немота никак не пропадала.

— Ладно, пойдем пороемся. Я здесь новенький, так что быстро у нас не получится.

Ну, что сказать, рылись мы недолго, интенданта позвали к зернохранилищам. Он махнул на меня и приставил ко мне какого-то вояку из мобилизованных, с которым я шурудил среди разбросанных пирамид, стеллажей и чёрно-бело-зелёных куч всевозможной амуниции.

Полтора часа!! Полтора долбанных часа, два раза прерываемых налётами немецкой авиации.

Не отыскал я ни брюк, ни куртки, ни нормального рюкзака. Свитер был шикарный, но сорок восьмого размера. Ещё, мне повезло с ботинками, нашёл целую кучу фабричной обуви отличного качества. Офигенные! На всякий случай слямзил оттуда сразу две пары — 37-ые и 38-ые. Скинул старые чёботы, натянул те, что поменьше. Если будут натирать, возьму другие.

Напоследок, взял второй ТТ с кобурой, ремень, портупёю и моток шёлковых ниток. Попробую соорудить плечевую, для скрытого ношения.

Сложив вещи на одну из плащ-палаток, увязал узлом.

Дождавшись затишья после налёта двух мессершмиттов (По марке самолётов меня просветил Толик, мой сопровождающий), мы пошли на поиски товарища Мухамедьярова, того, что с пушками на воротнике.

Татарина слышно было издалека. Переругиваясь со здоровенным военным, который тряс деревянным коробом, виртуозно использовал русский матерный, посылая лейтенанта пешим ходом в далёкие дали.

— Не знаю!...! Оглоблей...у в...у! Командир... посмотри, что в...у здесь творится! Те кто мог знать убиты...й! Хочешь?...! Ищи... сам! И не маши своим...им приказом, не поможет...ть!

Матерщинник сплюнул тягучей слюной под ноги, покосился на мою персону.

— Насобирали пионер? Не всё? Ха! Ну, ты хитрож...жук. Ладно, держи пропуск на выход.

Выдал мне талон с печатью и галочкой росписи, потрепал по голове — Давай, воюй витязь.

Перекинув узел на другое плечо, собрался уходить, но следующие слова татарина меня остановили.

— Здесь не интендантов надо, а розыскных собак. Где я ему эти снаряды сыщу?

Мля-а-а! Распоследней скотиной буду, если не помогу.

Пошёл к здоровяку. Скинул свой хабар, постучал по коробушке у него в руках.

— Чего тебе?

— Лейтенант, парень немой. — Пояснил ему старшина.

Карандаш и листок, были наготове.

Такие же нужны?

— Такие. Разные. Любые, мы разберёмся.

Я кивнул на свой узел и пошёл вдоль путей.

Скрученные рельсы, поваленные вагоны, воронки от взрывов. Везде бегают люди с вёдрами и мешками, тушат последние очаги. Целые складские помещения чередуются с обугленными развалинами.

Двести шагов среди всех этих нагромождений и я поднял руки вверх, попеременно скрещивая и разводя их в стороны.

Гигант зенитчик примчавшийся на мой призыв, видать позабыл скинуть свой груз. Пока он срывал пломбы с указанного вагона, попробовал приподнять его ношу. Охренеть, как он с этим ящиком бегал? В нём килограмм шестьдесят, не меньше. Силён!

Летёха оглушительно свистнул, подзывая своих к себе.

Судя по маркировке, в каждом таком чемоданчике по тридцать выстрелов. Зенитчики перегрузили в кузов порядка двадцати штук, значит около шести сотен. В этом времени много? Насколько хватит?

Аккуратно вложил свою ладошку в протянутую могучую лапу лейтенанта.

— Спасибо брат! Выручил! — Услышал на прощание.

В обратный путь отправился с намерением не нарываться на неприятности. Не срезал, в частный сектор не заходил, ствол постоянно держал наготове.

Приближаясь к своему временному убежищу, стал свидетелем стихийного собрания местных пионеров-комсомольцев. Сгрудившись, они заняли весь перекрёсток. Недолго думая, принял решение обойти другой улицей. Толкаться, вступать в полемику, это не для меня.

На углу остановился передохнуть, заодно послушать, о чём они спорят.

Разговоры велись о том, куда им податься. То ли идти к военкомату за оружием, то ли на склады к милиции. Некоторые уже сейчас предлагали уходить в леса — строить землянки для партизанского отряда.

— ... у-у-у-у-у-у... — Чёрт! Только этого не хватало. Поначалу казавшийся фоновым шумом, среди прочих звуков, выделился заунывный скулёж.

Протяжный стон иногда пропадал, но я уже понимал, что он прекратится нескоро. К сожалению, мне уже приходилось слышать такое. Словно скулящий кутёнок, подвывающий в поисках мамкиной сиськи. — ... у-у-у-у-у-у...

Забросив на спину тюк с добычей, выгнал из башки все мысли. Пошли нахрен эти пионеры и туда же всё остальное.

Но, чем ближе подходил к хате с бомбой во дворе, тем явственней становилось, что я приближаюсь к проблемам. Пришлось потрясти головой — заунывное нытьё в ушах не ослабевало, а усиливалось. Мля! Да как так-то! Хоть доставай вату для берушей из собранной на станции аптечки.

По сердцу резануло воспоминанием, как я стою на коленях перед гранитной плитой с двумя фотографиями. Лучше бы растолкал толпу молодёжи и пошёл напрямую.

Чёрт, ну нахрена мне это надо!

Перестав сдерживать свой порыв, вместо того, чтобы свернуть налево побрёл дальше, прямо до тёмно-зелёного забора.

Через узкую приоткрытую калитку был виден посыпанный жёлтым песком ухоженный двор. Девчонка, ростом явно выше меня, уцепившись за металлическую проушину, тщетно пыталась открыть вросшие в землю ворота. За её спиной стояла двухколёсная деревянная тачка с лежащим на ней телом, зашитым в серую льняную простынь.

Она повернулась. Опухшее лицо, с дорожкам слёз по бокам покрасневшего носа. Короткие светло-русые волосы. Серые глаза с полопавшимися капиллярами, безучастно следившие за моим вторжением.

Молча, по понятным причинам, прошёл мимо неё. Отложив изрядно надоевшую поклажу, направился в сторону потемневшей от старости баньки. Прихватил из близлежащей поленицы толстую чурку и метровое брёвнышко.

Отстранил притихшую девицу, бросил деревяху под ворота, а бревном зацепил нижнюю перекладину одной из створок. Своего веса не хватило, мягкая почва держала крепко. Показал плаксе, что для рычага нужна её помощь. Вдвоём, дело у нас пошло быстрее. Словно прощаясь, с громким чмоканием напоследок, земля выпустила жертву из своего плена.

Для проезда было достаточно одной полутораметровой половины. Мы вытолкали тачку на дорогу, вернулись и общими усилиями вернули воротину на место.

Задержавшись, переложил ГТ из мешка за пояс, прикрыв полый пиджака. Распаковал добро, добытое на складах у военных, взял лопатку и моток ниток. Под покойного подложена доска и я понимал, что на разбитой дороге эта конструкция будет съезжать.

Старательно привязав небольшое худощавое тело, мы взялись за разошедшие ручки. Правда, вскоре мне пришлось отогнать девчонку. Тяжеловато конечно, но от такой помощницы толку мало — толкать и управлять легче одному. Не прекращая хлюпать носом, она побрела впереди, задавая направление.

Через пару километров показали покосившиеся кресты вперемешку с пятиконечными звёздами, низенькие каменные надгробия и редкие памятники из гранита и мрамора.

Война уже успела здесь отметиться. Одна из бомб, скинутых на город, разворотила обширный участок на более старых захоронениях, но, это не отпугнуло людей.

В основном, здесь были женщины в возрасте и совсем старушки, мужчин мало. На всех — десяток, не больше. То есть, очень мало копщиков для стольких покойников.

Моя провожатая довела нас до могилы с надгробием из белённого известью кирпича.

1854-1936 Збигневский Ян Станиславович.

Гласила латунная табличка.

Девчонка хорошо подготовилась, под доской нашлась большая лопата с крепким черенком.

Только когда мы забросали опущенное на подгнивший гроб тело грунтом, догадался кого и к кому подхоронили.

***

Скоро будет смеркаться и я уже не успевал на запланированную встречу. В желудке что-то хрюкало, заваливая мозг сигналами о помощи.

— Спасибо.

Чумазое личико по цвету стало почти неотлично от её чёрного платка. Часто вытирающая слезы, девочка забывала, что непривычные к такой работе ладони измараны суглинком.

Намеревался забрать тележку и её лопату, но был остановлен. — Не надо. Пойдём.

Что ж, не буду настаивать. Очистил свой инструмент и зашагал на выход.

Неявка на встречу спасла его от смерти. Старший майор ГБ не собирался выполнять просьбу подозрительного малолетнего гипнотизёра. Цуканов зря просидел в назначенной точке, где должен был ликвидировать Чванова. Утром, когда сержант доложил, что объект не появлялся, Лигачёв поручил ему новое задание и о парне больше не вспоминал. Жить им останется три дня. Двадцать восьмого июня, как и многие другие, они погибнут в обороняемом ими здании управления.

— Пожалуйста, останься.

Поднятая щеколда калитки медленно опустилась обратно. Я повернулся.

— Пожалуйста. — Повторно прозвучал просящий голосок.

Грязные ноги девчушки мелькали по начисто отмытым полам. Хозяйственная, но неумытая, выставляла на стол всё, что было в доме. Словно старик, покачал головой, осуждая такое непотребное свинство.

Хозяюку, взволнованную тем, что я собираюсь выйти, успокоил, взяв в сених топор и ведра.

Отправился затапливать баню и носить воду из колодца. Идея лечь спать грязным меня откровенно не прельщала.

Отскобливший с себя килограммы грязи и осоловевший от обильного ужина, сидя на маленькой скамеечке кромсал старую одежду на длинные ленты.

Надя сидела на высокой железной кровати, покрашенной синей краской и примётывала полосы к плащ-палатке. Я не просил, сама решила помочь, увидев чем я занимаюсь. Только показал, как правильно пришивать.

Когда распаренным вернулся в дом, она прошмыгнула мимо меня с охапкой белья, включая мои грязные вещи. Спасибо конечно, но я не собирался их больше носить, так что отнял и бросил на пол. К моменту её возвращения мои вещи были разложены, а на столе лежал мой арсенал. Штаны уже распорол и начинал портить рубаху.

— Ой, а что ты делаешь?

Провел ликбез, театром немого актёра. И даже не спрашивая, зачем мне это, она взялась за иголку и нитки.

Так мы и сидели. Надя шила, рассказывая о своей жизни, я слушал. Про папино назначение в Брест, про новую школу, друзей, её увлечения, про поезд и оставленных маму и брата возле железной дороги.

Распоров всё, что можно, стал делать вторую накидку, уже не заморачиваясь с нитками. Прокалывал по две маленькие дырочки рядом и привязывал ленты узелком. Грубовато конечно, но, если добавить листвы, укрыться от любопытных глаз хватит.

В перерыве устроили чаепитие и я был удостоен показа семейных фото, которых было совсем немного. Студийные, карточки производили сильное впечатление.

Настоящая дружная семья. Особенно мне понравилась фотография деда. Ян Станиславович стоял в прикольной четырёхгранной шапке опираясь на обнажённую саблю. Цвет формы был непонятен. На её тёмном фоне выделялись только два ряда пуговиц и погоны.

— Дедушка очень любил Колю, называл его прирождённым наездником.

Я в который раз кивнул, мол понятно.

Она отложила картонную коробку с фотографиями в сторону. — Ты очень на него похож, только поменьше ростом. погоди, сейчас вернусь.

Взяв керосинку, ушла в пристроенную к дому крытую веранду.

— Вот, смотри какая. Это папа ему дарил. — На руках грустной девчонки лежала светло-коричневая кожанка. — Примерь, пожалуйста.

Я встал и обнял Надю, зажав между нами её подарок.

Умыв зарёванную мордашу, комсомолка, спортсменка и несомненно красавица села доделывать накидку. Я же, довязав свою, занялся чисткой оружия.

К пяти часам утра, устав ждать когда она заснёт, начал собираться в дорогу. Носки, трусы, майка, Колины брюки из которых он вырос, свитер и сверху куртка. Обычный вещмешок с продуктами, сменным бельём и прочими мелочами, догрузил "железом", оставив при себе один ТТ с запасным магазином и одну "эфку". Скатку с накидками собирался приторочить сверху.

Ловлю на себе внимательный взгляд из под чёлки. Сейчас будет очевидный вопрос.

— Ты уходишь?

Кивок.

— Я могу пойти с тобой?

Епт-тыть! А это было неожиданно. На мой категорический отказ, последовало очередное слезливое пожалуйста.

Чёрт! Ещё час и выходить будет поздно.

В ответ на сжатые кулачки у груди показал часы и пять пальцев.

Понятно, что в пять минут она не уложилась. Маленькой женщине понадобилось полчаса. Были забракованы: чемодан; платья; туфельки; кофточки; расчёски и иже с ними. Вынужденно поменял свою обувь на большую, отдав ей 37-ой размер. Также одобрил брюки на завязках и бушлатик из серого драпа. На голову девочка надела смешную беретку тёмно-бордового цвета, сказав что мамина. Скатки и флягу ей — лопатку мне. Выходим.

***

Дальше иду один. У меня есть задание. Должен его выполнить. Останешься с теми военными. Они недалеко.

Сука! Сука! Зарекался же связываться с бабами! И нет бы она стонала, или жаловалась на трудности, усталость я бы мог понять. Не-е-ет! Это недоделанная мать Тереза, мать её разтак. Перевязать раненого — она; взять с собой семью из трёх человек — опять она. Кто готов делиться продуктами? Точно! Надя Кувшинова! Ей больше всех надо! А жажда общения? Её так и тянет выйти из кустов (где мы прятались) и пообщаться с очередным отрядом РККА идущим на восток.

— Почему? Что я не так сделала? Не бросай меня!

И опять слёзы.

Скрытность. Это важно! Нельзя чтобы нас видели. С тобой сложно.

Писал, долго раздумывая. Врать не хотел — отделался общими фразами.

Она замотала головой. — Я как мышка буду. Тихо тихо. Буду слушаться. Честное комсомольское.

Тьфу! Не срослось.

***

Следуя команде, оружие крутанулось, но последняя обойма уже выпущена, стрелять нечем.

Заряжающий простодушно развёл руками. — Всё командир, кончились.

— Связи так и нет. — Не спросил, а констатировал наводчик Демьян Галеев.

Сергей развернулся к нему. — Ну?!

Остальные из расчёта притихли.

— Я к чему веду. Из всего дивизиона стреляли только мы, ПУАЗО разбит, с кухни никого уже второй день. Надо что-то думать, не пропадать же зазря.

Капитан устало присел на лафет зенитки.

— Доложи комиссару, будем минировать оружие и отходить к седьмому посту. — Приказал, обращаясь к заряжающему.

Подрыв осуществили с помощью гранат и специально оставленного снаряда. Затем выдвинулись в расположение штаба.

— Сергей Владимирович, майор Барановский убит, принимайте нас под своё командование.

Ванштейн провёл хмурым взглядом вдоль строя. Тридцать восемь красноармейцев, один лейтенант и два сержанта. В наличии два ЗиСа, бочка бензина, стрелковое оружие и гранаты.

— Выдвигаемся! Будем пробиваться в направлении Минского укрепрайона. Шалдин, поедешь во второй машине.

В последующие дни, их отряд терял людей, но чаще вбирал в себя новых. После того,

как их колонну расстрелял одиночный Мессер, они старались держаться поближе к деревьям. В какой-то момент услышав звуки боя, бросили машины и побежали через посадку, где вскоре оказались свидетелями, как немецкий танковый полк, при поддержке пехоты и артиллерийского дивизиона, атаковал переправу через реку Клеву.

Рядом с капитаном остановился Марк. Тяжело дыша после бега, тот мигом оценил обстановку. — Товарищ капитан, надо помочь нашим. Перестреляем расчёты с прикрытием и попробуем взорвать гаубицы.

Сергей обвёл взглядом скопившихся в посадке бойцов. Без раненых, почти полторы сотни винтовок, должны справиться.

— Слушай мою команду! Рассредотачиваемся вдоль деревьев и ждём, когда пехота противника дойдёт до того оврага. По моей команде, разом атакуем вражескую батарею. Боги войны! После захвата стреляем по танкам. Сапёры, вам задача уничтожить орудия в случае вражеской контратаки. К выполнению боевой задачи приступить.

***

Стрельба, взрывы, русская речь, беларуская мова, немецкий лай. Машины, мотоциклы, танки, пушки и броневики.

Я старался избегать открытых мест. В лесу врубал свои радары на полную. Если кто-то приближался к нам слишком быстро, мы прятались, пережидая под накидками. Других обходили дальней дорогой.

В первый день мы шли десять часов. С перерывами на перекус и отдых. По моим прикидкам, наша средняя скорость должна составлять три — четыре километра в час. В итоге, из точки А в точку Б (место, где мы остановились на ночь.), получилось километров двадцать по прямой. В полтора — два раза меньше, чем могли бы.

Спать заныкались в зарослях какой-то хрени зонтичного вида. То ли гигантский укроп, то ли мелкий борщевик. Местечко, не в последнюю очередь, выбрал из-за отсутствия мошкары.

Разведя костерок, используя веточки с рогульками, заварили в кружках чай.

— Как тебя зовут?

Приехали. Наконец-то догадалась спросить.

Вместо ответа, достал из куртки комсомольский билет и свидетельство о рождении Надиного брата. Его документы вытащил из потёртой женской сумочки, пока Надя мылась в бане.

Мягко говоря ей это не понравилось.

— Ты ползал по чужим вещам? Ты вор? Ты соврал про задание, а я как глупая коза иду с тобой?...

Устал. Морально устал. Не хочу этих разборок, слёз и упрёков.

Девчонка завелась, и прекращать не собиралась. В чём меня только не обвиняла. Спасибо, хоть фашистом не назвала.

Я достал блокнот, которым теперь постоянно пользуюсь, добавил пару строк и бросил к её ногам вместе с документами.

Завтра отведу тебя к нашим.

Спокойной ночи.

Сходил до ельника выломать лап помягче, а заодно успокоится.

Когда вернулся, блокнот с билетом и свидетельством, сложенные аккуратной стопочкой, лежали на моём мешке.

Проснулся ощущая низом живота тощую попу комсомолки. Во сне моя рука забралась к ней под бушлат и сейчас грелась на мягком пузике.

Красивая соседка, солнышко в ясном небе и чириканье пернатых на вершинах деревьев. Это успокоило бы любого, но не меня.

Вытащил свою шаловливую ручонку, зажал рот просыпающейся дурёхе и чуть потряс. Приложив палец к губам, натянул нашу маскировку, которая сползла во сне к ногам.

До фрицев метров сорок. Два мотоцикла, рядом четверо сидящих у костра и тридцать пять человек у двух грузовиков подальше. Вот пойдут сюда в поисках клозета и пипец котяткам, нам то есть.

— Немцы? — Шёпотом спросила Надя.

Я сжал ей руку.

Точно надо от неё избавляться. Один я легко уполз бы. Проблема не в том, что девочка, а в нашей с ней коммуникации. Постоянно писать? Сейчас, к примеру, это проблематично.

— Давай тихонько уползём. Я умею, нас папа учил, только покажи, в какую сторону.

Хм-м. А может и не проблема.

Дождавшись, когда немцы начнут завтракать, а соответственно издавать больше шума, мы вылезли из зарослей, таща за собой наши вещи. Пропустив её вперёд, старался ползти так, чтобы вытянутой рукой касаться каблуков пыхтящей девчонки.

Вскоре, мы достигли пологой ложбинки, где можно было выпрямиться не опасаясь быть замеченными. Бросил растрёпанный мешок на землю, обвёл его круговым движением и нажал на плечо, призывая остаться здесь. Сам поспешил вперёд, нужно предупредить группу красноармейцев, которых я засёк ещё вчера, что на их пути обосновались немцы.

Казалось, от адреналина в крови, чувствительность моего слуха возросла в несколько раз. Я пробежал почти километр до того, как увидел идущих мне навстречу бойцов в советской форме.

— Стой, стрелять буду!

Ага, кричи громче, не весь лес ещё услышал.

Присел на корточки, поднимая руки вверх, и стал дожидаться, когда ко мне подойдут.

Придурок с винтовкой, остановивший меня, всё не успокаивался. — Кто такой?

Прикладываю палец к губам, но этот дятел похоже из психических — замахнулся штыком. Пришлось уходить кувырком ему в ноги.

Потеряв с моей помощью оружие, парень немного утомился, но не его товарищи. На меня наставили кучу стволов и я поспешил выбросить отнятую у психа мосинку. Вычислив среди них командира, подошел, доставая блокнот с карандашом.

То, что я не могу говорить, было заранее написано на обложке, дабы не повторять этого постоянно.

900 метров. 39 немцев. 2 грузовика. 2 мотоцикла. 3 пулемёта.

Стоят на привале.

Здесь рядом меня ждёт сестра.

Неназвавшись, командир с ППШ на плече, спросил. — Сам видел, точно? Ничего не напутал?

Неопределённо повёл рукой, приглашая проверить.

Он и ещё двое отошли в сторону. Недолго посоветовавшись, вернулись, сообщая столпившимся вокруг них бойцам о решении вступить в бой. Особого энтузиазма не заметил, но вроде никто из них заднюю давать не собирался.

Раз солдатики хотят повоевать, то помогу им разведанными. Нарисовал им детальное расположение противника и стрелочками обозначил заход с двух сторон. Даже отметил какой группе в кого стрелять. Девятнадцать бойцов, все, кроме командира с винтовками. Пара удачных залпов и дело в шляпе.

То ли мужик реально лох, то ли фаталист, но он согласился с планом от непонятого мальчишки. На его вопрос пойду ли я с ними, покрутил головой из стороны в сторону. Показал на запись о девушке. Вроде как хотелось бы, но не могу.

Ведя их за собой, спустился в ложбинку. Встревоженная моим отсутствием, Надя собрала вещи и была наготове. Только злобный шёпот начальника, остановил неуместные шуточки по поводу нашей пары.

Немцы успели переместиться, поэтому уточнил на рисунке изменившуюся диспозицию. Поразмыслив, указал, что четвёрка мотоциклистов за мной. Вояка оторопело уставился на мою хлипкую фигуру. Продемонстрировал ему пару гранат и поднятый большой палец.

Попрыгал, проверяя себя на брэнчание, чем заработал удивлённый взгляд бойцов. Командир, не будь дураком, приказал своим людям сделать тоже самое.

Договорившись с ним, что взрывы послужат сигналом к началу атаки, оставил Надю скучать в неведении, а сам вернулся на место нашей с ней ночёвки. Мне оставалось только дожидаться, когда мужики займут свои позиции.

Пора. С секундной задержкой поочерёдно метнул обе гранаты в костёр и сразу залёг. Геройствовать надо в меру.

Двоих наповал, один крутится с ранением в живот, а последний целый и будто бы невидимый. Четыре выстрела из пистолета исправили эту несправедливость. А что, мне

нравится так воевать. Через гущу зелени, невидимый для врагов. Охрнительно!

Опьянённый этим чувством, увидел отличную возможность для шалости.

Зажатые с двух сторон, выжившие после первых прицельных выстрелов гитлеровцы прятались между грузовиков и ожесточённо отстреливались на оба фронта, делая бой опасно затяжным. Но они не знали, что в кустах прячется юный мститель, умеющий превосходно стрелять из пулемёта.

Пригибаясь к траве, опрометью бросился к мотоциклам. Отлично, просвет между машинами был передо мной, как на ладони.

Ну, привет MG34, давай знакомиться. Развернуть, снять с предохранителя, передёрнуть затвор и выпустить всю банку за пару длинных очередей.

У-у-ух-х! Мышиные черти, сразу прочувствовали убойную мощь этой зверюги. Четверо оставшихся в живых бросились в лес и были встречены в штыки. Короткая рукопашная схватка поставила точку в этом бою.

ТЬфу! Засранцы! Какого хрена вы все с карабинами? Где чёртовы автоматы? Точнее, пистолет-пулемёты.

Промониторив округу, сделал вывод, что поблизости живых немцев не осталось. Потому, резвым кабанчиком метнулся к трупам и, прямо таки выдрал из рук толстоватого унтер-офицера заветную "игрушку". Походу, передо мной командир отделения — надо мародёрить до конца.

Бинокль на фиг, фонарик и компас мне тоже не нужны. Свисток? Пригодится, буду сигналы подавать! А вот фляжку точно поменяю, немецкий алюминий получше будет. Ну, и Люгер естественно. Хо-хо!

М-да. Подсумок на три магазина к МР38 конечно не о чём, но мне не в окопе часами сидеть, да и машинка для набивки в наличии. Нормуль.

Галдящие, как сороки, красноармейцы рассосались по поляне, обирая мертвецов и подъедая остатки их завтрака. Прямо как саранча, такие же зелёные и всеядные. Мне бы стоило сходить забрать свою спутницу, но внезапно накрыл отходняк. Сжал трясущиеся ладони в кулаки и спрятал их в карманы, привалившись пропотевшей спиной к холодному металлу мотоциклетной коляски.

— Ранен?! Где?! — Подскочил вождь советских троглодитов.

Я покрутил головой. За заботу о моём здоровье было приятно, чёрт возьми.

— Молодец, какой же ты молодец. Герой.

Правильно, хвали меня, это я люблю. Теперь дай медаль "за боевые заслуги" и гуляй лесом.

Медали у него не было, даже конфетой не угостил. Ещё и на мои трофеи позарился — редиска. Еле отбил. Плюнув на люгер, отдал его на откуп, затем поднялся и ещё раз осмотрел трупы. Как говорится в старой русской поговорке — с мёртвого козла, хотя бы зольдбух заberi.

К командиру подошёл доложить один из подчинённых. — Товарищ младший лейтенант, Пряхина и Керимова убили. Ещё четверых зацепило. Несильно, но как бы лихорадить не начали.

Привлёк внимание, прерывая начатые ими обсуждения. Протянув ладошку и поочерёдно пожал им руки. Теперь ходу! Ни фиг такие приключения! Особливо с такими жадинами.

Пять? Десять? Эти насыщенные чужими смертями минуты боя, мне дались очень тяжело. Эффект "бейся, или беги" был моим частым спутником в прошлой жизни. В обычном

состоянии — культурный интеллигент, со средними физическими возможностями, разве что повыносливее большинства. Иное дело, если появлялся другой "Я". Когда планка падала, начиналась стадия "берегись, догону и поломаю". Отступать, в таком состоянии, я не умел.

Обратной стороной этого процесса было последующее состояние немощности, продолжавшееся часами. Наверное, именно поэтому, в своё время, не стал адреналиновым наркоманом.

Мне нужно было срочно поесть, поменять пропотевшую одежду и отлежаться. Так что, забрав Надюху, вывел нас в более спокойный район.

***

Звёзд не видно. От горизонта до горизонта небо затянуто густыми облаками. Тонкая полоска растущей луны лишь немного проглядывала сквозь тучи, практически не освещая землю.

Пыхтя от натуги, Марк обогнул возникшую преграду в виде трупа и пополз дальше. Где-то впереди сейчас ползли два пограничника, которых война застала возвращающимися из отпуска.

На фоне светлой песчаной отмели, на берегу, возвышаясь страшными громадами, показались стальные туши танков.

Вот на броне одного из них появилась фигурка Дениса с Орловщины, значит Захар пополз вправо.

У них был приказ демонтировать пулемёты с двух подбитых Т-26, забрать диски и заминировать проходы между танками. По возможности, взорвать вражеские четвёрки. На более лёгкие чешские 38-ые полковник сказал не отвлекаться.

Марк волок за собой мешок с толовыми пашками, проводом и танковыми минами, обмотанными в ветошь, а в кармане лежали капсуль-детонаторы. Кроме него, с такой тяжестью мало кто справился бы, а посылать людей больше Сабашвили запретил. Тем более, Шалдин, в отличие от большинства, знал как устанавливать заряды и умел пользоваться динамоэлектрической машинкой.

Совсем выдохшись, он перевернулся на спину, давая мышцам короткий отдых. До первого подходящего места было метров пятнадцать, и он решил не тащить весь мешок. Достав парочку удлинённых параллелепипедов, почти по семь килограмм каждый, он дополз до промежутка между нашей тридцатьчетвёркой и немецким Т-III.

Выкопав ямки перпендикулярно проезду, с небольшим смещением по диагонали, Марк установил взрыватели, после чего аккуратно вернул дёрн на место.

Вскоре, мимо лейтенанта проползли Денис с Захаром, подтаскивая за собой кусок брезента со танковыми пулемётами. Попросив помочь, они оставили ему запасные диски, чтобы он забрал их, когда закончит.

Через час, когда основная работа была завершена, Марк прислонился к холодному траку — перевести дух. Он просчитывал сколько ему понадобится времени, чтобы произвести минирование Т-IV-ых.

Вдруг его сапога кто-то коснулся.

— Шайзе. — Раздался сдавленный шёпот невидимого в ночи вражеского солдата.

Вроде и сил не осталось, а подбросило как на пружинах. Схватил и так сдавил, что наверняка переломал несколько рёбер наткнувшемуся на него немцу.

— Н-найн, найн.

Марк было вскинулся, но тут же замер. Почти в упор, сквозь круглые очки, на него

смотрели глаза ещё одного сильно перепуганного немчика.

— Н-найн, их бин комунист. Их бин...

Совсем молодой пацан с карабином в руках. Почему он не выстрелил? Чего он лепечет? Коммунист?

— Иди. Иди отсюда, — Марк устало оттолкнул его сапогом, нашаривая на поясе кобуру.

Солдат от удара покатился, вскочил на ноги и побежал к чёрной глади воды.

Прицелившись, лейтенант держал пистолет, пока враг не скрылся из виду.

Покачав головой над своей малодушностью, сделал в памяти пометку, что немцы были в сухой форме, значит, где-то тут спрятана лодка, или плот. Об этом нужно будет доложить полковнику.

Спрятав оружие, Шалдин продолжил работу.

Молодой сапёр, в которого Марк не стал стрелять из-за боязни привлечь внимание, погибнет на следующий день при попытке разминирования этих танков. Поворот рукоятки подрывной машинки оборвёт жизни многих гитлеровцев, в том числе и молодого Хартмана.

***

Десяти метров в диаметре, озерцо холоднющей родниковой воды, искусно пряталось в холмистом бору. Посматривая на довольную девчонку, подумал, что я получаю многократно большее эстетическое удовольствие от созерцания природных красот, чем любой другой человек.

Шлейфы запахов стекались в низину, заполняя объем над водой непередаваемым букетом. А звуки? Закрыв глаза, вслушался в эту музыку.

Ни единой симфонии не дано построить такие величественные картины. Почувствовал себя белкой, бегущей по смолистому стволу; рысью, свернувшейся клубком в молодом сосновом подросте; взлетел в теле сойки, несущей длинного жука в клювике.

Ощущая себя букашкой, в этом лесном царстве, на короткий миг ощутил, что сливаюсь с окружающим. Я сам стал могучим лесом, с чуть влажной душистой травой, скрывающей щупальца корней, пахнущих сладковатой прелостью.

Это было невероятно, словно вышел на новый уровень в компьютерной игре, когда получаешь карту местности. Видна вся округа, укрепления, техника, юниты противника и союзники. Не надо больше напрягаться, кого-то выискивать и из-за этого менять свои планы.

На спуске к роднику, торчал мощный выворотень всё ещё зелёного ясеня. Чутка поработав землекопом, выгреб под ним лишнее, создавая ровную поверхность. Прицепив к корням наши накидки, добавили ветвей, превращая получившийся шалаш в этакый куст. Немного веток потолще на выровненный земляной пол. Сверху щедро застелить лапником и вуаля.

Раздевшись до трусов, и намочив снятую майку, хорошенько обтёрся. Переодевшись в чистое, схомячил бутерброды с салом, приготовленные Надеждой. Перед сном написал, что надо отдохнуть и, при любой опасности, меня следует разбудить. После чего, стоило мне опустить свою тушку на мягкие еловые иголки, тут же вырубился.

***

Поднимая песчаную муть, девушка прополоскала в роднике грязные вещи. Развешивая их для просушки, ей пришло в голову, что сортировка её белья была не обычным самодурством. Отбрасывая тогда новые и удобные, мальчик оставлял только тёмные вещи. Подумав, как далеко была бы видна её любимая жёлтая футболочка, она перенесла

постиранное в более густые заросли.

От кожаной куртки, которую он подстелил на еловые ветви, веяло чем-то кисловатым. Этот запах Наде был хорошо знаком — порох и взрывчатка. Так пахло от папы, когда тот приезжал с учений.

Конечно, она понимала, что он был вместе с солдатами. Там, где страшно гремели взрывы и много стреляли. Пехотинцы и их командир почему-то его не прогнали, а взяли с собой.

Перекладывая оставшиеся продукты, провела небольшую ревизию в их мешках. Рубчатых металлических яиц осталось две штуки. Появился германский автомат, новая фляжка и поясная сумочка из зеленоватой кожи. В ней одиннадцать книжечек. Некоторые испачканы кровью, а орёл на одной из таких обложек был пробит пулей. Ужас какой, зачем ему немецкие документы? Вернув всё на место, Надя присела подле спящего. Грызла печенюшку и думала о войне. Так и задремала.

***

В нескольких километрах от них расположились лагерем остатки роты лейтенанта Гурьева.

— Я вот одного не понимаю, что здесь немцы делали? На разведчиков не похожи, да и нечего тут разведывать.

— Срать на фашистов. Лучше скажите, что про пацана думаете.

— Странный парень.

— Да уж. До сих пор не верю, что согласился на эту авантюру.

— Почему? Мы их постреляли, как в тире.

— Ну-ну. Ты Федя скольких убил? Одного? Двух? Я честно готов признать, ни разу не попал.

— Все стреляли, но, они же сразу попрятались. Я двух, а другой трёх. Главное не трусить. Почти половину первым выстрелом сняли.

— То-то же, что половину. А он один снял четверых гранатами и ещё семерых из пулемёта прострочил.

— Я видел, как он прыгнул из кустов к пулемёту, — ещё один боец присоединился к разговору, — если бы он их там не причесал, потерь было бы больше.

— Правильно Константин Васильевич говорит, авантюра и есть. — Произнёс старослужащий, имевший в их батальоне непререкаемый авторитет.

Младший лейтенант кивнул. — Тимофеич... он автомат взял у офицера, так я чуть в штаны не наделал, когда потребовал сдать его. Думал пристрелит бешеный. У него даже глаза почернели.

— Ты, Костя, учился военному делу. Знать должён, что к чему. Пацан за нас разведку провёл, по позициям расставил, уничтожил целое отделение, включая двух пулемётчиков. Так?

— Это что же получается Иван Тимофеевич? Ты хочешь сказать, что нами не командир руководил? — Фёдор вступился за Гурьева.

— Дурак ты Федя. Не о том речь, кому слава достанется. Ты мозгой покумекай. Я этому пацанёнку и пулемёт бы отдал. С людьми надо по-людски поступать.

— Прав. Всё так, Тимофеич. Сгоряча тогда был. Я о другом сейчас думаю. Где он всему этому научился и что ещё умеет?

Задумавшись, в наступившей тишине, бойцы смотрели на покрытые серым налётом

багровые угли.

***

После того, как мои способности развернулись на всю катушку, дорога превратилась в обычный туристический поход. Самой большой трудностью стали болотистые участки, попадались такие обширные, что приходилось возвращаться и обходить. Но в основном, лес был сухой и мы постепенно приближались к Минску.

Дивизии, полки, батальоны, сводные отряды. На всех дорогах и через леса, круглые сутки шли солдаты красной армии. Больших сражений мы не видели, я старался обходить их дальней стороной, но на четвёртый день стали свидетелями, как механизированная колонна с крестами на бортах подверглась пушечному обстрелу.

Четыре фашистских танка, против двух наших пушечек. Хороший размен получился, но подбитые танки тут же взяли на буксир и отволокли в сторону.

Поджечь технику у наших ребят не получилось. Одна сквозная пробоина, перебитые траки и прочие мелкие поломки.

Ремонт занялись, когда колонна ещё не ушла из прямой видимости. Восемь растрелянных из пулемётов и подавленных гусеницами артиллеристов лежали невдалеке от остановившихся грузовиков техслужбы.

Эх. Им бы следовало отойти метров на пятьсот дальше, там можно было бы запереть колонну перед подъёмом и бить танки на выбор. Пока сообразят, пока пустят вперёд пехоту. И делов бы наворотили и уйти бы смогли. Но, случилось то, что случилось. Жалко ребят — сами погибли, а подбитую ими технику скоро восстановят. Получается зазря?

— Гады! Ненавижу! — Трясла своим кулачком комсомолка.

Она уже свыклась с моим молчанием. Потому, на успокаивающее прикосновение к плечу, благодарно ответила. — Спасибо, Коль.

Она заглянула в мои глаза. — Зачем они на нас напали? Почему всё так?

Понимаю, что ответа не ждёт, ей просто нужно выговориться. Женщинам вообще трудно без общения, а снимать нервное напряжение постоянными слезами невозможно.

— Наш папа не мог так погибнуть. Он обязательно... он... — Она опять зарыдала и сквозь слезы пообещала. — ... я отомщу за них.

С высоты птичьего полёта было видно, как паутину жёлтых ниточек заполонили жирненькие чёрные гусенички ползущие на восток. И где-то там внизу, освещённые заходящим светиллом, два маленьких человечка стояли на пригорке, посреди одного из красивейших мест на земле.

***

Когда, после ночного происшествия, охранение усиленно бдило, а состав ремонтной секции сладко спал, техники Мартин и Франц горбатились во славу рейха.

Грёбаные русские равнины с их сумасшедшими солдатами. Сначала эта безумная восьмёрка, которая не побоялась напасть на целую дивизию? Потом эта дура с автоматом. Как можно быть такими идиотами? Чего они добились? Да ничего, кроме того, что ему пришлось работать всю ночь и жрать сухпаёк. Кухня уехала с основной колонной и они до завтра будут питаться консервами, а он их с Франции терпеть не мог.

Мартин, ковырявшийся со штурвалом поворота башни, с тоской оглядел фронт работ. Ему, как минимум, ещё два часа возиться.

Две машины из четырёх уже сделаны, там всего-то дел, что нарастить гусеницу, заварить пробоину и, естественно, отдраить салоны изнутри. А вот Францу не повезло как и ему, до сих пор срезает заусенцы с погона, забивая всё вокруг карбидной вонью.

— Ты-дых! — Разлетелись осколки, глухо от ricochetив от брони над головой Мартина.

Чертыхаясь, думая, что этот тупой поляк из верхней Силезии что-то напортачил с газовыми баллонами, он полез наружу.

— Франц? — негромко позвал сварщика.

Из четырёх подвесных фонарей горел только один, но и его света хватило, чтобы Мартин увидел внизу дергающиеся в предсмертной агонии ноги ефрейтора Зигеля. Механика ослепили яркие вспышки, близких выстрелов и он не видел кто именно начал громко кричать призывая comrades не паниковать. Вдруг, на корму танка кто-то запрыгнул и ударил его по затылку чем-то тяжёлым, отправляя в черноту беспомощности.

В себя он пришёл, уже после рассвета, от чьего-то жуткого крика. С болезненным стоном, обхватив голову руками, механик огляделся.

В центре лагеря вповалку лежали пятеро из назначенных в экипажи вместо погибших во вчерашней заварушке. Сверху, с неестественно выгнутой шеей и остекленевшими глазами, валялся идиот Франц, который так и не вернул ему карточный долг.

Из-под поваленных палаток виднелись неподвижные тела остальных солдат.

Крик, раздавшийся так близко, отдавался болью в затылке. Не понимая кто кричит, но, тем не менее осознавая, что в таком душераздирающем вопле ничего хорошего быть не

могло, Мартин медленно высунулся из башенного люка.

"О, мой бог". — Первое, что пришло ему на ум. Побойще. Нет, не так. Правильнее было назвать это скотобойней.

Спиной к нему стоял маленький человечек с окровавленным штыком в опущенной руке. Перед ним, со связанными за спиной руками, неподвижные тела с перерезанными глотками.

Человек провёл лезвием по горлу бедного Генриха стоявшего на коленях и толкнул ногой. Упав, тот подёргался и быстро затих. Рыжий верзила был ранен ещё раньше, во время ночного нападения той сумасшедшей. Генрих и так мог умереть в любую минуту, и без посторонней помощи.

Последний в этом ряду, геройский парень Ульрих с ужасом в глазах пытался вскочить на ноги и не мог. И только скрёб ногам в попытках отползти от страшного человечка. — Найн, битте нихт...

Пока смельчак Ульрих, так хорошо показавший себя в Скандинавии, обмочив штаны просил пощадить его, Мартин попытался незаметно вылезти, чтобы прыгнуть на этого карлика. Но тот резко повернулся с пистолетом направленным на механика и поманил к себе.

Подросток! Не карлик, а чёртов подросток, по возрасту годившийся ему в сыновья. Русский парень, обладал внешностью истинного ария, словно сошёл с агитационных плакатов Гитлерюгенда.

Державший их на прицеле парень отступил в сторону. Сорвавшиеся с клинка капли крови попали на лицо Ульриха, когда он махнул в направлении двух лопат, лежащих возле мёртвых тел.

"Бог меня не оставил". — У Мартина появилась надежда благополучный исход.

***

Чадящую у кромки леса немецкую технику бредущий красноармеец заметил издалека. Стараясь не потревожить перебитую ключицу, толкнул Звягинцева. — А-ам.

— Ого, кто-то постарался, — восхитился боец, увидев дым, — давай поближе посмотрим.

Савва осторожно выглянул из-за камня, осматривая разбитую технику. В спину дышал контуженный.

— Пошли. Только тихо, — Звягинцев сопровождал слова жестом.

У Василия была беда со слухом.

Оба красноармейца были ранены в одном и том же бою, но, если Савва отделался всего лишь пробитым пулей предплечьем, то Василию не повезло больше, помимо того, что поймал осколок мины, вдобавок получил сильную контузию.

— А-а-ы-ы немы-ы.

Действительно, на месте пожарища было много мёртвых немецких солдат. Одни в форме, другие в чёрных комбинезонах, но большинство белели исподним.

Танки были сильно раскурочены, как будто взорвались изнутри. Одна из башен глубоко зарылась пушкой в землю, возле лежавшей на боку ремонтной летучки.

— ...ый, богу душу мать, любись оно конём. Вася, смотри, этих зарезали. Закололи как свиней...дей этих. Смотри. — Савва переходил от тела к телу. — Четыре танка, автокран, грузовик, легковой автомобиль, два мотоцикла. Двадцать четыре трупа. — Перечислял он.

— А-в-ва!

Звягинцев повернулся. — Чего там Вась?

Василий стоял с другой стороны дороги. В поле, метрах в двадцати от контуженного, среди спелых колосьев яровой пшеницы, торчал деревянный крест. Судя по размерам, в братской могиле было похоронено несколько человек. На перекладине висели красноармейские пилотки, фуражка и женский бордовый беретик. Поодаль, с простреленными головами, лежали ещё два фрица.

***

Вытянув ноги, я сидел прислонившись спиной к одиноко стоящей берёзке, а между пальцев тлела сигарета.

Передо мной стояла полупустая бутылка трофейного Хеннесси, а на колене лежала фотография.

Смешная она здесь получилась. Более пухленькая, с бантиком в причёске. Взгляд, чуть исподлобья и немного нахмурен, словно у ребёнка, которого не пустили гулять.

"Хватит ныть", — мысленно сказал себе. Напоследок, сделав большой глоток, глубоко затянулся паршивой сигаретиной. Перебинтованное бедро заныло, когда отбрасывал опустевшую бутылку.

...нужно вставать и двигаться дальше, но сейчас... чёрт, башка кружится... уже вечер? ... полежу ещё немного и пойд...

Мне что-то снилось. Словно отдельные кадры, снятые на чёрно-белую плёнку.

Вот иду, опираясь на самодельный костыль... Тут, плыву, держась за корягу... Затем всё надолго пропадает. А когда просыпаюсь — с хмурого неба бьют ливневые струи. Я лежу на спине и сглатываю капли попавшие в рот...

Меня трясло и било о борт скрипучей телеги, когда окончательно пришёл в себя, с жуткой головной болью.

— Прачнуца? — Резкий мужской голос ударил по вискам, заставив скрючиться, переживая вспышку похмельных страданий.

— Табе трэба папіць.

Узловатые жилистые руки приподняли мою многострадальную черепушку, подставляя горлышко моей же фляги. Ощувив пересохшими губами влагу, присосался, как телёнок к титьке.

— Ты шмат крыві страціў.

Дыхание перехватило, но со словами "хлябай больш" меня продолжали поить.

Непроизвольно, на глазах выступали слёзы. Яркий солнечный свет, боль от похмелья и потеря крови конкурировали между собой, в попытках меня угробить. Фигура мужчины расплывалась в разогретом безжалостным светилем воздухе, а вислоусое лицо с бобриком седых волос, напротив, наклонилось ближе.

— Паспі трохі.

***

Вы же у себя в части были, а мы в городе стояли. Я сам, своими глазами видел, как из самолётов чем-то поливали. Потом горело, как адском пекле, — рассказывал сержант из взвода связи двадцать первого стрелкового корпуса, — даже бульжники на дороге горели. В штабе знакомый был, так говорил, что в Пинске тоже самое было.

Сергей устало вздохнул. Такие истории ни к чему хорошему не приведут, надо пресекать. Жаль, в отряде комиссара нет, некому людей подбодрить и направить их мысли в нужное русло.

— Сержант! Ко мне!

Капитан с удовлетворением наблюдал, как опередивший его Шалдин показал связисту свой пудовый кулак. Отличный командир, подумал он, мужиков держит в узде, как своих, так и недавно примкнувших к отряду.

Он хотел окликнуть лейтенанта, хоть на словах поощрить за его старания, но его самого позвали к полковнику Сабашвили.

— Капитан, свою задачу мы выполнили. Как минимум тридцать танков уничтожили. Но, сейчас дивизии нужно выходить из окружения к остальным частям корпуса.

Полковник прервался, достав из кармана пачку, предложил Сергею папиросу.

Пыхнув табачным дымом, продолжил. — Я забираю остатки дивизии и уйду с танковым батальоном в сторону деревни Бакшты, будем пробивать коридор оттуда. Ставлю тебе задачу. Со своим отрядом берёшь две сорокопятки, все зенитки и держишь переправу до двадцати ноль ноль. С тобой останется разведбат из пятьдесят пятой.

Ванштейну ничего не оставалось делать, как взять под козырёк. — Слушаюсь!

— Сергей Владимирович, ты со своими бойцами очень выручил нас с теми гаубицами. Если бы не вы, мы не смогли бы так долго удерживать фашистов.

Полковник вытер пот с покрытого грязью лица. —

Сергей, позволь дать пару советов. Не дай обойти тебя с левого фланга, там говорят парочка бродов есть. Ты не экономь снаряды, стреляй до железки и рви их ко всем чертям. Держитесь лесов, немцы в них почти не суются. Техники у вас не будет, так что старайтесь передвигаться в ночное время. Прощай капитан.

Капитан, потомок евреев из Германии, согласно кивнул, а затем обнял пожилого грузина, с которым держал оборону у небольшой реки в Белоруссии.

— До встречи, товарищ полковник. И удачи вам.

***

У деда Константина выхаживающего меня, я жил почти две недели. Хуторок, где он обитал со своей невесткой Олесей, находился где-то между Минском и Смоленском.

Первые четыре дня провалился с высокой температурой, почти не приходя в сознание. Хорошо, что нет голоса, я бы им такого наговорил.

В их хозяйстве, к моему появлению, уже было не всё ладно.

Заморенная лошадка, которой уже пятнадцать лет, маленькая коровёнка, почти не дающая молока и четыре оставшиеся курицы с крикливым петухом. Вот и всё, что осталось от некогда зажиточного хутора.

Гусей и уток позабирали советы, большинство курей, а также поросят с их мамкой съели немцы. Подробности, как это происходило, обстоятельно перечисляла сороколетняя Олеся, теребившая подол юбки. С любовью называя всю живность которой лишилась по именам.

Её терпению и спокойствию можно было позавидовать. Муж погиб в финскую, старший сын утонул два года назад, а младший убежал с отступающими войсками. Тесть, единственный мужчина в семье, известный по всей округе плотник, сидит без заработка с большой спиной.

— ... нічога. Ты ня думай, што я скарджуся, бывала горш жылі.

Да уж, куда хуже? Не померли и ладно? Баба практически одна на хозяйстве, так как Костя бывает по полдня разогнуться не может. Мужуку за шестьдесят. Сколько ему жить? Будет одна выживать? Может правду говорят про менталитет белорусов? Как в той притче, — А можа так и трэба?

Отёк на ноге спал на десятый день. А ещё через два дня решил попробовать подняться, или хотя бы сесть.

Потихоньку рассходился, пока только по двору, но лиха беда начало. Рана пока тянет, но вроде бы мясом уже заросла.

Орудя, мастерски вырезанным Костей из ясеневої доски, костылём, спрятался за дровником. Причина была прозаической. По дороге к дому приближался велосипедист.

Олеся, убиралась в стойле у Звёздочки и не сразу услышала крики гостя. А дед, сидевший с обратной стороны дома, почему-то не торопился отзваться.

— Константин Кириллович! Это Кошкин! Вы дома?!

Наконец Олеся вышла и, вытирая на ходу руки тряпкой, подошла к гостю.

— Здравствуйте Пётр Игнатьевич.

— Доброго дня хозяйюшка. А я к Константину Кириллычу приехал. Работа для него появилась. — Мужичок вежливо приподнял кепку здороваясь.

Оглядывая двор, речитативом начал вещать о предстоящей работе, условиях и о том, что только Костя может справиться с такой задачей.

Выслушав и пообещав сейчас же найти тестя, Олеся принялась за поиски.

— ... Господин оберст-лейтенант хорошо заплатит за работу, — давил он на дедовы уши. — У тебя же руки золотые. А там работа тонкая нужна.

Константин отмазывался, ссылаясь на радикулит, но, видать этого Петю сильно припёрли. Не находя понимания у старого плотника, он прибегнул к шантажу.

— Я с тобой по родственному так сказать. Вписал тебя в документах как сотрудничающего с новой администрацией. Ты, что думал, особенный? К тебе бы уже давно приехали. Продукты ты не сдаёшь, отметиться в село не явился. Может ты партизан у себя скрываешь?

Зло сплюнув под лавку, Костя на нервах ответил. — Что-то ты не вспоминал о родстве как Сашку посадили, ни разу не навестил. А продукты что? В колхозе всё забирали и теперь также...? Ничо, наматаем жилы и справимся.

После отъезда недовольного итогами переговоров велосипедиста, дед дождался, когда отойдёт невестка, подошёл ко мне и огорошил. — Ёцьяць табе трэба.

Мля. Умеет же в русский, а со мной на мове.

— Ён нешта ўбачыў. Неспакойна мне.

Ходить пока трудно, но подводить этих людей под монастырь не хочу. Пошёл собираться. Жаль вещички мои пропали, с ними было бы проще.

***

Марку было уготовано дважды выйти из окружения, но всё равно попасть в плен.

По лесному массиву, в котором они вели последний бой, отбомбилась немецкая авиация, а потом добавили из ста пятидесяти миллиметровых миномётов. Взрываясь в кронах деревьев, мины поражали осколками даже спрятавшихся в ямках и оврагах. Фрицы потом ходили по лесу и собирали выживших, как грибы. Получившим ранения, даже самые минимальные, не повезло, их добивали на месте. Отказавшихся идти, так же расстреливали.

Шалдина спас последний выживший боец из его родного дивизиона. Оглушённого, ничего не соображающего, поднял и повёл за собой.

Из более чем двух тысяч находившихся в лесу красноармейцев и командиров, выжило всего сорок семь человек.

Двадцать седьмого июля их повели по дороге на север, безжалостно отстреливая

упавших и отстающих. Остановились вечером на неубраном свекольном поле, где их присоединили к тысячам таких же бедолаг. Спали под открытым небом, в попытках согреться, прижимаясь друг к другу.

Утром, людское море из военнопленных взволновалось, но подчиняясь пулемётным очередям, начало успокаиваться, вытягиваясь широкой колонной в сторону Орши, которой достигли только через двое суток.

Километра три южнее города, небольшими партиями их загоняли в армейский сборно-пересыльный пункт, находившийся в зданиях бывших казарм, где пленных опросили, составив первичные списки, отсортировав старших командиров в отдельную группу для пересылки в офлаг.

Здесь, как и многие другие, он решил скрыть свою настоящую фамилию, но почему Шалдин тогда назвался именем погибшего майора Барановского, он и сам не смог бы ответить.

В самом городе, где находился транзитный дулаг, Марку удалось поесть.

Местные жители подкармливали их, передавая продукты сквозь колючую проволоку. Шалдину перепало немного хлеба, когда горожанка кинула в толпу краюху, куском которой с ним поделился Павел Васильевич. Полковник, уже четыре дня ожидавший здесь пересылки.

Формы, а соответственно и знаков различия, у полковника не имелось. Он был в нижнем белье, с накинутой на плечи плащ-палаткой и в сапогах без портянок.

В дальнейшем, когда они общались уже пару дней, тот признался, что на самом деле он полковой комиссар из двадцать девятой моторизованной дивизии. Зная, что всех комиссаров предписано немедленно расстреливать, Марк дал слово сохранять это в тайне.

Вечером третьего августа, их повели на вокзал, где загнали в открытые полувагоны, для отправки в немецкий тыл.

Схрон был простейшим. В глинистом склоне недалеко от дороги была выкопана ниша, где и нашёлся вещмешок.

Хитрым мужиком оказался дед Константин, припрятал моё барахлишко и две недели ни полслова. И ведь злыдень этакий, нычку устроил не рядом с домом, здесь я бы почувял. Два часа пришлось топтать, чтобы добраться до указанного им места.

В мешке кучка фашистских зольдбухов, кожанка, граната, один ТТ и к нему четыре полных магазина. На мне штаны, майка и ботинки. Вот, вроде бы и всё. Хотя, в кармане куртки нашлись документы Кувшиновых.

На глаза неожиданно навернулись слёзы. Сам не ожидал, что так привяжусь к этой девахе. Если спустя две недели меня до сих пор трясёт от смеси горя и злобы, то можно представить, что я почувствовал, когда той ночью её тащили за ноги по полю.

В ту ночь проснулся от взрыва гранаты. По лесу ещё носило эхо, когда осознал, что Нади рядом нет, а в стороне, где ночуют фашисты, стреляют.

До танков оставалось пол километра, когда её пробитое пулями тело осело посреди немецкой стоянки.

Сколько могла убить девчонка, недавно узнавшая, что такое смерть родных? Комсомолка Надежда Кувшинова убила троих и ещё четверо были ранены осколками.

Я скрежетал зубами, увидев как солдат переворачивает её пинком сапога.

Господи. Глупая, какая же ты глупая. Вот зачем ты просила показать устройство автомата. ТТ тебе наверное показывал отец и может быть учил стрелять. Дождалась, когда усну, взяла гранату, автомат с пистолетом и пошла мстить.

Ничего Надюшка, сейчас они успокоятся, лягут спать и я завершу начатое тобой.

***

Пётр накручивал педали торопясь в село. Он был вынужден пообещать фельдфебелю привезти лучшего краснодеревщика в округе к завтрашнему утру. Теперь, когда свояк отказал, надо ехать к заречным, искать Кондакова и молиться богу, чтобы этот алкаш был дома и, что важнее, не в запое.

Съехав с тропинки на дорогу ведущую к мосту, Кошкин вдруг остановился.

Он вспомнил. Во дворе висела рубашка, которую дарила его покойная жена своему племяннику Степану, старшему внуку Константина.

А это значит что? Или — от комунык вернулся их младший — Илья. Или, у Ковалевича скрывается кто-то другой. Хмм. Если с Кондаковым не получится, то это может помочь отвести от себя гнев господина Ноймана.

***

"Ничего себе! Свезло, так свезло". — Подумалось, когда встретил на лесной тропинке того самого гостя. Тот откуда-то возвращался, крутил потихонечку педальки и в ус не дул.

А чё мне? В шею никто не гонит, возьму и прослежу, что за великий начальник по деревням работников ищет.

Прихрамывая, шустрил за велосипедистом до самой деревни. Так-то, наличие церкви и школы делало эти тридцать дворов селом, но так бедно всё выглядело, что просто жуть, а не село.

Прилёг за пригорком, сканируя по площади, а как стемнело, пошёл знакомиться ближе.

Я смотрел в окна сельсовета сквозь занавески и понимал, что не зря задержался. Застолье у Петра Игнатьевича с четырьмя местными мужиками было весьма познавательным.

Из их разговоров выходило, что по обе стороны от села проходили две наиважнейших транспортных артерии.

Брест-Минск-Москва. Шоссе и железная дорога, а также дороги их пересекающие. Тут не было транспортного узла, как такового, но этот населённый пункт был важен для контроля и безопасности участка большой протяжённости.

Повреждённые машины, танки, орудия шли в составах на запад, а на восток перебрасывали пополнение, новую технику, ГСМ и продовольствие.

Вот и засели здесь дядьки из вермахта с оружием и лопатами наготове. Выявляют вредителей и устраняют неисправности. Попутно обустривают свой быт и развлекаются как могут.

Местные даже рады такой популярности у своего села. Потому что, как рассказывали эти мужички, становилось ясно, не всем так повезло. Многие деревни и сёла уже начали сжигать.

— ...мне Холенков передал, что в Толочин сгоняют жидов.

— И что?

— А то! Если подсуетиться и сдать их первыми, то можно поймать с этого.

— Это ты Семёну расскажи, а я не хочу к германцам под горячую руку попасть.

— Дурень! Петруша, хоть ты ему скажи, если мы притащим семью жида, кому какое будет дело, если у них из дома что-то пропадёт. У Бляхмана старшего корова дойная из колхозного стада и, если ты Коляшка её к себе уведёшь, никто не рыпнется.

Трусоватый Николай замер, — Что, вот прямо увести?

— Хоть прямо, хоть криво!

Агитирующий на грабёж, торжествующее указав пальцем в потолок, кивнул и добавил. — Нет! Не рыпнутся. К тому же, за них могут сами немцы заплатить.

Кошкин, как и остальные, уставился на односельчанина, не забывая пережёвывать квашеную капусту. — Терентий, так у тебя жена еврейка.

Вот это номер. Удобно устроившись на стожке сена, чуть не сверзился, услышав такое.

— А! Четыре года жили, а детей так и не нажили. Не жалко. — Выпив самогона, продолжил.

— А вот если я сам её не приведу, то и меня с ней за бейцы ухватят.

— Петруша, что с Костей? Он согласился? — Переводя тему разговора, спросил четвёртый. — Я видел сегодня господина Ноймана, говорит оберст-лейтенант уже в следующую пятницу приедет. Будут крахмальный завод запускать.

— Нет, отказал, говорит радикулит у него. Я с Гришей договорился.

— Вот паскудник! Так и не простил тебя за Сашку?

Пётр Игнатьевич фыркнул, разливая присутствующим. — Он не господь бог, чтобы прощать. Я, Даня, всё правильно тогда сделал, когда его брата в ГПУ сдавал.

— Никто не спорит. — Успокаивая занервничавшего Кошкина, Терентий заполнил возникшую паузу. — С органами шутить себе дороже. А Ковалевич знает, что это ты на его брата донос написал?

***

Проследив за этими гавриками из сельсовета, к своему удивлению понял, что не всё так

плохо с народом. Двое за нас, двое ссученых, а пятый — неопределившийся крысёныш.

Трусливый Николай прятал у себя в сарае раненого красноармейца. Пётр Игнатьевич, хоть и был крысой, а всё же деда Константина не заложил. Но Даниил меня удивил больше всех остальных.

Сижу сейчас перед ним и отчитываюсь о проделанной работе. Судя по выражению лица руководителя местной подпольной ячейки, представляю какой у меня сейчас видок.

Всё удачно. Ход нашёл и подготовил.

Теперь я настоящий подпольщик (шутка)

С подачи Даниила Титовича, проверил небольшой пакгауз под Толочином, куда, после двухдневной слежки, очень возжелал попасть.

Длинное кирпичное здание, с плоской крышей из бетона. Окон нет, а ворота круглосуточно охраняются двумя солдатами. Благодаря обходчику узнал об одной особенности этой постройки. Строители схитрили, не стали делать мощный фундамент с гидроизоляцией. Чтобы сохранить уровень пакгауза удобным для разгрузочных работ, под полом, вдоль всего здания, для отвода подземных ключей, был проложен кирпичный дренаж, через который я хотел проникнуть внутрь.

Держа наготове подготовленный щит, весь день, потихоньку откапывал этот горизонтальный колодец, унося землю подальше. Пока отсутствовал, прикрывал яму щитом, замаскированным под куст.

Самым трудным, оказалось проломить верх свода, приходилось ждать проходящих поездов.

Кому-то могло показаться, что я сумасшедший, вытворять такое среди бела дня в оккупированном городе. Но, за последние недели, это было не самым безумным моим приключением. Я теперь, как ниндзя, меня не видно и не слышно, пока сам не захочу показаться.

Наконец, отверстие было готово и я заглянул в прозондированные ранее внутренности. Всё, как и ожидалось. Стенки и пол сильно пропитанны влагой. Животности вроде крыс не наблюдается.

Перекрестившись, спустился в яму, заложив за собой ход щитом. Предстояло проползти двадцать пять метров в узком, сыром канале.

Достигнув нужного места и обмотав голову подготовленной тряпкой, принялся скоблить зубилом отсыревший раствор. Шаг за шагом освобождая первый кирпич. После, дело пошло легче, но жуткий холод и немеющие руки, затягивали процесс. Спина и задница хлюпали в сантиметровом слое склизкой воды. Час, пока я долбил выход на верх, показался мне вечностью.

Последним препятствием были толстые шестигранные плитки. Сцепляясь друг с другом замками, эти чугунные соты являлись половым покрытием пакгауза. Хух! Готово! У двух плиток отломлены замки и я смог выпрямиться, по пояс показавшись внутри.

Осматривать склад нужды не было, всё, что мне было нужно, высмотрел снаружи. Что либо брать тоже не стал. Передохнул, спустился обратно и, положив плитки на свои места, поспешил в село, до которого ещё четырнадцать километров топать.

"Теперь я партизашка, мне каждая дворняжка, при встрече лапу сразу подаёт". — Так бы мог пропеть, но голос не появился и лапы мне никто не протягивает.

Хотя, какой из меня партизан, если ни одного поезда под откос не пустил?

С этим я пока не торопился. Ведь, каково это быть первым? Задумывались ли об этом

наши предки. Ты пускаешь поезд под откос, а в ответ немцы расстреляют сто-двести мирных жителей. Да, не ты их убьёшь, но... трудная тема в общем.

Я уже сделал приспособу, чтобы поезд слетал с рельс, были готовы мины, благо арсенал у меня теперь богатый, но недавно стал свидетелем, как в городе повесили мужика убившего немецкого солдата, а с ним ещё двоих, для устрашения.

Действие и противодействие.

Если мыслить глобально, в масштабах всего союза, то теракты во вражеском тылу снизят мощь наступления, а после ответных репрессий, увеличится количество партизан, что в свою очередь повысит количество терактов. Схема действенная, но не бесконечная и будет работать, пока будет кому идти в лес. Больше репрессий — больше партизан. Население будут уничтожать, но оставшиеся сплотятся против врага.

Стать первопроходцем, провокатором репрессий? А так ли это?

С этим вопросом подходил к Даниилу.

— Для Германии эти земли — будущие колонии, а мы варвары. Ты думаешь, если мы будем хорошо себя вести, то они захотят нашей дружбы? Ошибаешься, им нужен страх и порядок среди рабов. И если крестьян проредят, но сколько-то оставят, то городские им точно не нужны — из них рабы никудышные.

Возьми к примеру сербов, там не было особого сопротивления, но всё равно убивали граждан. В концлагеря сажали евреев, цыган, коммунистов. Всего лишь за год уничтожили всех евреев в стране.

Откуда вы знаете?

Знал, что Даниил умный и начитанный, но иногда он мог выдать такие факты, что я рот разевал в изумлении.

Он наставительно покачал пальцем, увидев вопрос. — Настоящий коммунист должен быть политически грамотным.

Надеюсь скептицизм на моём лице не сильно проявился.

— Страна воюет, а мы тут будем приспосабливаться и жить себе поживать? Так может и остальным лапки кверху поднять? Тогда никто не умрёт? Нет, Коля, не бывает так. Поверь мне, будут массовые казни, расстрелы, или ещё что похуже.

Пострадает много невинных. Женщины. Дети.

— В Сербии также брали заложников и расстреливали. За одного раненого убивали пятьдесят, а за убитого — сотню. Но это отнюдь не следствие, наоборот. Убивали и убивать будут, нацисты всегда найдут причину чтобы оправдаться.

***

Когда паровоз обстреляли из пулемёта, Павел Васильевич подумал, что к ним пришло спасение и в лесу скрываются, как минимум до роты красноармейцев. Но стрельба не продлилась долго. Вскоре, к остановившемуся составу, на насыпь вытащили троих избитых пограничников. Под громкий смех, гитлеровцы футболили их ногами, пока руководящий ими офицер не приказал заканчивать.

Вставая на цыпочки, пленные выглядывали и комментировали происходящее для стоявших у другого борта.

— Штыками закололи суки.

Добиваясь тишины, над головами зашумевших русских простучала короткая очередь из крупнокалибного.

— Павел Васильевич, парни бежать будут. — Внезапно сообщил Шалдин.

Комиссар недоумённо огляделся. Видимо слишком сильно погрузился в свои мысли и не услышал начавшихся шепотков.

Пользуясь тем, что большинство фрицев находились с другой стороны, пленные рванули через борта. Подставляя руки, перекидывали друг друга наружу.

Конвойные на крышах соседних вагонов, офигев от такой наглости, нажали на гашетки. Злыми шмелями загудели пули. Раздирая тела, они летели дальше, забирая сразу по несколько человек, но обезумевшие от страха люди бежали к спасительной зелени.

Кулешов приземлился неудачно, попав грудью на чей-то выставленный локоть. Согнулся от боли, но лейтенант, который выбросил его, спрыгнул следом, схватил и потащил за собой.

Из четырёх вагонов по восемьдесят человек в каждом, убежать смогли всего лишь пятнадцать. Тремя неравными группами, они постепенно расходились всё дальше и дальше.

Когда, выбившись из сил, попадали на ковёр из сосновых иголок и задышающийся от боли комиссар увидел, что их только четверо, он до крови закусил губу, сдерживая крик бессильной ярости.

***

Заморосивший на следующее утро дождь испортил все мои планы на сегодня. В город по такой погоде лучше не соваться, там слишком много людей. Это не лес, где я чувствую опасность за километры.

В интересующем меня пакгаузе находились не менее интересные ящики со снарядами, о которых хотелось бы узнать подробнее. А зная обстоятельных немцев, был уверен, что кроме журнала учёта и прочих ведомостей, там вполне могла попасться инструкция к ним.

С утра хотел дойти до толстухи Инны, двоюродной племянницы Даниила, договорится о переводе складской документации. Но не судьба мне сегодня поковыряться в имуществе вермахта.

Во время скудного завтрака из стакана чая с чёрным хлебом придумал себе занятие на день.

Схожу в Смешанку, отнесу консервы и патроны.

Поразмыслив, Даниил Титович дал добро, посоветовав навестить Григория, нашего радиолюбителя, худо-бедно разбирающегося в этом деле.

— Посмотри, как у него дела с передатчиком, может ему ещё что нужно.

Забрав с печи высохшую за ночь спецовку, отправился на прогулку. Мне предстояло пройти сегодня более сорока километров и когда вернусь неизвестно.

Посаженный при царе Горохе смешанный лес находился на северо-западе от нас. Чтобы добраться до него, нужно пересечь шоссе, обойти стороной охрану аэродрома дальней авиации и ещё четыре километра до схрона. Там забрать часть припасов, отнести их подальше, чтобы вывести к ним группу окруженцев и местных комсомольцев, с моей помощью осевших в Смешанке.

Сложно и муторно, но отдавать всё сразу, тем паче показывать свои схроны я никому не собирался.

***

— Парень. Постой.

Ха, я здесь стою, поджидаю их уже полчаса, а они мне "постой" говорят?

Четверо оборванцев, очередные окруженцы и, судя по запахам, побывавшие в плену.

Даю блокнотик самому разумному на вид. Надеюсь дурить не будут.

Молчите. Идите за мной. Выведу к нашим. Делайте как я.

Смотрю на их реакцию, а сам держу ствол наготове.

ТТ в руке за спиной, Маузер в подмышечной кобуре, сшитой руками Даниила Титовича.

— Погоди, я тебя знаю! Ты..., где я тебя видел? — Встрепенулся заросший чёрной щетиной амбал.

Хм. Точно, где-то встречались.

— Это же ты был на станции? Помнишь? Ты вагон со снарядами нашёл.

"Ё-моё. Действительно, тот самый лейтенант". — Вспомнил этого бугая.

Киваю, показывая, что да, это был я.

Отступил на пару шагов, где присел на корточки и написал для особо одарённых.

Дистанция двадцать шагов. Смотреть на меня. Соблюдать тишину.

Пока писал, пистолет положил перед собой. Он у меня был своеобразной проверкой(патроны вытащил после того, как понял кто именно здесь шастает).

Отсутствие оружия и общее состояние говорили о многом, но их принадлежность к составу красной армии, в данном случае, не означала, что они не дезертиры, или добровольно сдавшиеся в плен. Если начнут бузить, или качать права, проще оставить их. Три дня назад из-за одного такого придурка, чуть не влип. Встретил, думал нормальный, а тот, услышав звук мотоцикла, пошёл к немцам сдаваться и меня ещё агитировал. Пришлось этому слизняку ножик в спину кидать.

Эти вроде бы не из таких. Знакомый мне артиллерист долго не думал. Зыркнул на остальных и ответил сразу за всех. — Договорились. Только ты нас не подведи, Павлу Васильевичу к доктору нужно.

Ну да, "вижу". С правой стороны два ребра треснули. Не страшно.

— Командир у себя?

Что ответили разведчику, Ефим не расслышал.

Брезентовый полог используемый вместо двери приподнялся.

— Товарищ Седой, там уцы Коля новеньких притащил. Опять все наши посты обошёл. — Наябедничал сержант Дзаитов.

Ефим Борисович улыбнулся, — Иди давай, уцы!

Натянув фуражку, он вылез из тесной землянки.

— Здравствуй. — Протягивая ладонь для рукопожатия, поприветствовал пацана. Искося, намётанным взглядом, оглядывая тех, кого тот привёл с собой.

Высокий командир, двое рядовых бойцов и непонятный фрукт, который без посторонней помощи даже стоять не может.

— Я командир партизанского отряда. Давайте, по одному ко мне в землянку, будем знакомиться.

— Здравствуйте. — Вперёд вышел высокий парень, которого "Седой" записал в командиры. — Лейтенант Шалдин, а это полковой комиссар Кулешов. Распорядитесь сначала ему помощь оказать.

Ефим Борисович повернулся к Николаю. Тот, уже зная что от него требуется, записывал свои наблюдения с рекомендациями.

Трещины в ребрах. Перетянуть грудь, но не слишком туго. Закрепить руку к повязке. Спать на спине. В общем, ничего страшного.

— Чихачёв, займись. Товарищ Коля тебе поможет. Да, покормите их пока мы с лейтенантом беседуем.

Протиснувшись в тесный проход, он показал Шалдину на глиняный очаг. — Садись к огню, а то сырой весь. Хоть согреешься.

Представившись полностью, Марк поведал ему о своих злоключениях. О том, как сражался и терял людей, к каким отрядам и соединениям примыкал, конечно, не забывая про своих командиров и их действия.

Ефим, внимательно слушая, вёл конспект монолога, записывая рассказ круглыми ровными буквами, словно прилежный ученик на уроке.

Школьная тетрадь на его коленях, как и многое другое отрядное имущество, была также добыта пацаном, буквально собравшим их здесь.

— По тем двоим рядовым точно ничего не можешь дополнить?

— Нет. Только познакомились.

Пригладив седые остатки некогда пышной шевелюры, Ефим стал расспрашивать о пленении и местах по которым их вели. Просил подробно рассказать о комиссаре Кулешове и прочих командирах, с которыми лейтенант общался в плену.

Закончив с расспросами, он отпустил Шалдина. Для начала, отправив его к отрядному каптенармусу. Не дело, когда командир красной армии выглядит, как оборванец.

С молодыми бойцами получилось куда быстрее. Обыкновенные красноармейцы, оба из деревень. Служили в одной роте, вместе сражались, а немцам сдались, когда кончились патроны.

Обвинять их в трусости и добровольной сдаче в плен? Расстрелять? А кто воевать будет

за них?

Осуждать их, или же судить, он не собирался. В лесах сейчас много таких. Его дело, как комуниста и руководителя, это дать им оружие и поставить задачу, а дальше он посмотрит, кто из чего сделан.

***

Пока Мага Дзайтов кормил меня обедом, подслушивал разговоры в землянке Седого.

Вранья в словах бежавших из плена не было. О чём-то могли умолчать, но, в том, что они говорили, лжи не почувствовал. Для полной уверенности, мне надо пройтись в тех местах, где они бывали, там легко могу "унюхать" все подробности.

Ведь я теперь, как в той передаче — "Сам себе режиссёр", только мне не нужно брать с собой камеру, чтобы просмотреть интересные моменты.

Набив пузо партизанским кулешом, отправился на поиски остальных беглецов, которые, при определённом везении, вполне могли выжить.

В лесу, вокруг аэродрома, царила нездоровая суета. Хоть и любопытно, но приближаться не стал. В последние дни, там все какие-то неприветливые. Охрану увеличили, противопехотных мин поставили.

Прижав локтем закреплённый на боку Маузер hsc улыбнулся. Стибрить наградное оружие прилетевшего из Берлина оберст-лейтенанта, пока он принимает вечернюю ванну, показалось тогда удачной идеей. Но, если мелкие пропажи прочего имущества, списывались на нерадивость кладовщиков, то эта явилась причиной построения всего личного состава на взлётке и длительной моральной экзекуции.

Ничего, в пятницу они конкретно попляшут. Мой старый(юношеский) разум, на фоне пубертата, такую шутку придумал, что зарево даже Даниил Титович увидит. Он конечно был против, когда расписал ему свою задумку, но, когда у ребёнка есть желание устроить фейерверк, кто ему может запретить?

На подходе к шоссе, обстановка стала накаляться — с той стороны появились больше двух рот загонщиков. Спрятавшись от дождя, присел под старой разлапистой елью, надо было обдумать ситуацию.

Странно, какие-то эти солдаты разномастные. Может напрягли первых попавшихся проезжавших? С бору по сосенке? Хотя, с их педантизмом и подчинением только своему начальству, в это верится с трудом.

Широко растянувшись, цепочка солдат ближним ко мне краем касалась обочины. Другим — терялась из виду на отметке в четыре километра. На более дальние расстояния мои способности пока не добивали.

Бродить здесь сейчас не лучшая идея, прижмут к болоту и всё, амба. Да и беглецам помочь не смогу. Пятерых уже спеленали, вон, сидят у дороги под охраной. Ещё двоих вот вот возьмут, слишком уж медленно двигаются. Больше никого не чувствую.

Если бы я не задержался с проводкой первой группы через шоссе, то смог бы засечь и этих. Но, увы, всех не спасёшь.

Чёртов дождь всё усиливался. Вчера под землёй на сырых кирпичках полежал, сегодня опять промок. Так и заболеть недолго. Нет, на ночь надо в тепло, но куда мне теперь податься? Окружным путём в село, или пересидеть в Смешанке? Монетку что ли кинуть?

Планов было громадье, а в итоге ни хрена не сделано. Упс. Тут я вспомнил о Грише. Просьба Даниила совсем вылетела из головы.

Ага, Григорий Онопкин. Этот студентик, внешне несурзанный юноша, оказался

настоящей находкой для местных комунистов. За неделю собрал три "радио-шарманки" из хлама, которым его снабжал один неразговорчивый пятнадцатилетка. По указанию Даниила, один приёмник срочно переправили в Борисов, а два других куда-то под Минск.

В последнюю нашу с ним встречу, студент корпел над сборкой мощного передатчика, в связи с чем просил надыбать всяких буферов, каскадов и модуляторов. Естественно, были названия и маркировки, но такие зубодробительные, что я даже не пытался запомнить — всё на бумажке в моём кармане. Являться без запрашиваемого, как-то не прилично, да и Даниилу обратная связь нужна, как воздух (его были слова).

Хрен с ним, схоячу банку тушняка, помокну здесь до темноты и наведаюсь к люфтваффлерам. У них в самолётах точно есть нужное. Свой вещмешок я всегда с собой таскаю, отвёртка и кусачки в наличии. Ночью транспортники подолгу стоят — найду зипы, или поскручиваю, что смогу, а после пойду ночевать к Онопкину.

Минные поля, сидящие под каждым кустом секреты, урук-хаи с пулемётами на вышках. Ей богу, как будто именно меня ждали.

Просочиться сквозь ряды охранения труда не составило, подгадывай момент и перебегай, вот и вся хитрость. Фрицы тоже люди, а они, как известно не железные. Кто закурил, а кто и устав нарушает — каску на лоб надвинул и дремлет.

Минут десять назад, отсюда взлетел тяжёлый трёхмоторник, полностью загруженный бочками с бензином. Такой гофрированный, вроде бы это Юнкерс, но не уверен. Таких же ещё пара штук стоит, но, как и думал, никто сейчас лететь на них не собирается. Пилоты спят в казармах, а обслуживающие самолёты техники только что убежали в свои каморки, снимают сейчас промокшую одежду. Самое время мне идти на экспроприацию.

Выбрал стоявший в сторонке небольшой двухмоторный самолёт. Вооружения нет, внутри салона место пилота и два отдельных пассажирских кресла, как в старых машинах, а за ними двухместный диванчик, чья откидывающаяся спинка скрывала пространство для багажа.

Этого малыша я выбрал не столько за то, что он стоял дальше остальных, сколько из-за более лёгкого доступа к аппаратуре и того, что двери в нём открывались с удобной для меня стороны.

Двигатель пах разогретым маслом, значит прилетел не больше двух часов назад. Запахи показали высокого тощего пилота и двух пожилых пасажигов. Несмотря на оставленные ими тубусы и чемодан на заднем диване, улетать они не собирались. Пассажир помладше, заседал в деревянном домике, в полукилометре от меня, выплёскивая из заднего прохода жидкие массы. Второй, седой морщинистый старикан, листал стопку документов на верхнем этаже административного здания. Пилот, наверное, видел приятные сны, так как весьма резко подёргивал ногой, лёжа на кровати.

Аккуратно прикрыв за собой откидную дверцу, уселся на место пилота. Тэ-э-э-экс, приступим...

Мля-я-а!!! Ахтунг! Епт-ыть.

На вышках внезапно ожили прожекторы, осветив путь от зданий к моему самолётику. Такого попадалова я совсем не ожидал, ведь точно знал, что остался незамеченным.

Сука. Пилота уже разбудили и он бредёт по взлётке, потягиваясь после короткого сна.

Отвёртку в мешок и к задней двери, может успею вылезти. От страха чуть сам не обгадился, как тот странный лысенький фриц, что даже срать садился с портфелем в руках.

Преимущество, в виде скрытой от вышек двери, моментально исчезло с появлением

группы офицеров, возглавляемых седым живчиком в кожаном плаще. Буквально десяток секунд и всё. Выход под прицелом многочисленных глаз. Даже если выпрыгну и смогу от них убежать, меня один хрен достанут пулемётами вертухай с вышек.

Чёрт! Куда?!

Извиваясь ужом, переползаю назад, планируя забраться в багажное отделение, но, не успеваю, оно закрыто на встроенный замок.

Обогнав остальных, прибежал пилот и полез на крыло. Мне не оставалось другого выхода, как прятаться за сиденьями.

Пистолет в руку и замереть.

Сходил мля за хлебушком. Возомнил себя неуловимым мстителем. Пропаду из-за чёртовых дефицитных ламп.

Шумно зевая, пилот щёлкал тумблерами и стучал по стёклышку какого-то прибора.

— Быр-быр-быр-быр-быр... — Звук бодро затарахтевших движков, постепенно сливался в сплошной рёв, добавляя оглушающего эффекта. Стиснув зубы, ожидал чуда, вдруг займут не все места, или вообще полетит кто-то один.

Наконец, длинный высунулся наружу и, перекрикивая шум моторов, что-то крикнул стоявшей рядом группе. Те, однако, продолжали чего-то ожидать, чем бесповоротно расшатывали мои нервы.

Они ждали "засранца". Не удивлюсь, если окажется, что они специально сюда садились, чтобы он сходил в клозет.

Минуты нервячки, пока все не откозыряли седому. Хух, вроде полетят только двое тех же самых. Для них вытащили лесенку и придержали за руки при их подъёме. Скукожившись, в ожидании фиаско, вспоминал слова из "Отче наш". Над головой прощуршали рукава мокрых плащей, это на диван положили портфели и фуражки...

***

Выслушав сообщение, Майор Ельнин был так сильно ошарашен, что забыл положить трубку.

— Вася, срочно на шифрование. Начальнику оперативного управления генерального штаба генерал-майору Василевскому.

Младший лейтенант приготовился записывать.

— Утром, пятого августа, из штаба тридцать восьмой СД, сообщили о сбитом на окраине деревни Суетово самолёте противника. Взяты в плен: командующий группы армий "Центр", генерал-фельдмаршал фон Бок и офицер его штаба, фон Тресков.

— ... Епаный в рыло и жопу! Товарищ майор... Как?! — Охренел адъютант, перечитывая текст.

— Бегом к шифровальщику!! — Заорал, Ельнин, не меньше Василия желающий узнать подробности. — Выполнять!

***

Мля! Хреновые у меня традиции, очухиваться раненым, а надо мной усатые мужики склоняются, нет бы медсестричка в коротеньком халатике.

— Жив курилка? — С участием в голосе спросил одноглазый сосед по койке.

— ...

— Чего дёргаешься? Не понимаю... Говорить не можешь? А меня слышишь?! — Прибавив в конце громкости, допытывался он.

О! Догадливый попался. Ещё бы объяснил всё. Ну, хотя бы где я и что со мной.

По обстановке, вроде не больница, но и не казематы ГБ, что радует. Больше похоже на классную комнату школы или училища.

— Мы в госпитале, недалеко от Вязьмы. — Показывая направление, он махнул рукой и замер.

Я приподнялся на локтях, сел и едва успел поймать потерявшего сознание усача. А самого в пот прошибло от слабости, как бы и мне тут не грохнуть. Хорошо мы здесь не одни и кто-то позвал медсестру.

— Сестричка! Нина!

Прибежавшая тётка расцепила нас и подхватив усатого, чуть ли не борцовским приёмом, уложила его на соседнюю кровать. И так у неё это ловко получилось, что я восхитился. Вроде бросок через бедро, но так нежно. Просто чумовая баба.

Повернувшись ко мне эта синеглазая мадам настороженно присмотрелась. — Очухался? Пить хочешь?

На мой осторожный кивок, она вышла за дверь и пошла к ведру с водой.

В это время застонал сосед. — Ох-ё. Мать честная. Опять сомлел?

— Ты бы поменьше скакал, недели с операции не прошло. — Подал голос ещё один больной... тоже на голову. Ээ, да они тут все такие. Получается... и я?

Приехали. Вся башка в бинтах. Швы, и тут швы, очень много швов. Походу с меня сняли скальп, а потом вернули на место. Ладно, кости черепа вроде бы целы и то хорошо. Найти бы тех дятлов, что обстреляли садящийся невооружённый самолёт и настучать им по мордасам.

Медсестра принесла кружку воды и помогла мне, придерживав за плечи.

За дни, что провёл в сорок первом, видел много глаз полных горя, отчаяния и усталости, но у этой женщины было что-то другое, отличающее её от остальных.

С жадностью выхлебав всю жидкость, изобразил движение ручки по бумаге.

Спасибо. Что у вас случилось?

Листок и химический карандаш она взяла здесь же на подоконнике. Место для писем?

— Отдыхай, после обхода доктор подойдёт, осмотрит тебя.

Проигнорировала. Конечно, раскрывать свои тайны какому-то мальчику да ещё в присутствии других больных и я бы не стал, но могла бы и написать.

— Нельзя, доктор запретил вставать. — Накинулся коршуном молодой парень, с марлевой плямбой на месте уха, когда я пошёл к подоконнику.

Вставать действительно было рановато, качало и усилилась головная боль. Но, лежать и плевать в потолок не по мне, нужно чем-то себя занять, а раз моих вещей в здании нет, займусь налаживанием контактов и поиском новых шмоток.

Сунулся с листком к самому говорливому.

Меня зовут Коля. У медсестры что-то случилось, хочу ей чем-нибудь помочь. Расскажи, если знаешь.

После небольшого развода на слабо, мне шёпотом было поведено о пропаже лекарств. Пока никого не трогали, ожидали приезда следователя, а Ниночка, в вину которой никто не верил, дежурила, когда пропали лекарства и теперь её могут забрать под арест.

Пф-ф-ф! Всего-то? Тайны мадридского двора. Делов на две минуты.

Позови Нину.

На зов одноухого явилась подозреваемая в краже Ниночка.

Ампулы в подвале, в помещении с большой бочкой посередине. Спрятаны в ящике на

стене. Мужчина, который их взял, сейчас таскает дрова на улице.

Это надо было видеть. Таких метаморфоз с лицом, не у каждой актрисы увидишь. Тут и неверие с надеждой, и счастье с разочарованием.

— Какой мужчина? Где? — Спросила срывающимся от волнения голосом.

Я бы написал, но уж чересчур сильно она потрясла меня за плечи. Привет обморок.

***

— Егор? Салют.

Военюрист второго ранга Шапочка, взяв телефонную трубку и услышав голос своего друга Родиона Осипова, сильно обрадовался. Текучка и суматоха военных будней, уже накладывали на него свой отпечаток, погружая в состояние робота, механически выполняющего положенные обязанности.

— Егор, ты у себя? Мне надо с тобой переговорить по одному важному делу, — Тараторил Родион. — у меня тут странности со следствием. Поможешь?

— Здание архива горисполкома знаешь? Я сейчас туда выдвигаюсь. Приезжай, расскажешь о своих странностях. Посидим, у меня бутылочка есть по случаю.

— Всё, жди. Скоро буду.

Не совсем скоро, но через три часа, они встретились на входе в церковь, где был расположен архив.

Пока, эту часть города бомбёжки обходили стороной, потому решили пройтись по парку ведущему к реке.

— Родя, так не бывает. Я материалист и не верю во всю эту чушь. Наверняка есть логическое объяснение.

— Какое? В медсанбате, откуда его перевезли, что-то нахимичили со швами и накануне кражи парня доставляют в бессознательном состоянии. Это раз! Хищение произошло, когда его повторно оперировали. Это два! А на утро, он указывает преступника и на место, где лежит похищенное. Это три!

Егор Дмитриевич с силой запустил плоский камешек по поверхности воды. Наблюдая за полувившимися "блинчиками", размышлял об услышанном.

— Вот что, давай вези этого колдуна ко мне, а я пока созвонюсь кое с кем.

Родион хмыкнул. — Везти? Ты чем слушал? Он после операции.

— Ты на машине? Поехали тогда ко мне, я позвоню, а после выпьем. Когда ещё так встретимся.

Выпить они смогли только ночью. После того, как отменив вывоз раненого полковника, отправили парня на санитарном биплане в Можайск.

Едва Егор произнёс в трубку про оскальпированного парня, привезённого из медсабата, как на него посыпались маты вперемешку с благодарностями. Оказалось, что этого мальчика разыскивают очень высокие чины из ГБ.

Спустя несколько минут после разговора со своим непосредственным начальником, ему перезвонили из штаба фронта. Начальник особого отдела товарищ Цанава, спокойно, но голосом не терпящим возражений, приказал немедленно организовать доставку Николая Кувшинова в Можайск, вместе медицинской картой и со всеми бумагами следователя Осипова.

***

В этот раз, вопреки ожиданиям, разбудили не усатые, не медсестры и даже не в халатах. Два хмурых мордворота в форме НКВД пришли в палату и растолкали меня без всяких церемоний.

— Кувшинов Николай Иванович?

— ...???

Сотрудники переглянулись. — И как нам его опрашивать? — Задал вопрос тот, у которого было две шпалы в петлицах.

Второй (одношпальный) промолчал, предоставив решать возникшую проблему старшему по званию.

Общаться с этими "товарищами" желания не было. Падлы, не могли нормально разбудить? Опять башка разболелась. Слабость даже изображать не надо. Вот, уже и температура поднимается.

Помучавшись с расспросами, но, к их сожалению, ничего не добившись, они отстали от моей истерзанной тушки.

Сразу после них ко мне зашли два местных "айболита". Всё у них как положено, круглые очки и бородки клинышком, различались только ростом и возрастом.

Поверхностный осмотр, измерение температуры, артериального давления, реакция зрачков и прочие медицинские способы утомить больного. Поэтому, когда ко мне пришёл медбрат ставить укол, я уже крепко спал.

Сон — обед — сон — ужин — сон. Утром завтрак и опять НКВД. Не вчерашние. На этот раз гость был один и в штатском.

— Привет герой.

Начало положительное, посмотрим, что дальше будет.

Мужчина в цивильном костюмчике. Сразу видно опытный, за пятьдесят, с обильной сединой, прихрамывает. Взгляд радушный, со смешинкой. Ну вылитый майор Уколов, особист из моего прошлого(будущего).

— Меня зовут Геллер Юрий Сергеевич, мне надо с тобой побеседовать. Ты не против?

Был бы против, что бы смог сделать? Отвернуться?

Так как я лежал опёршись на две высоких подушки и мог нормально писать, он подsunул под мою ладонь плотный альбом для рисования и дал карандаш.

— Ты головой не дёргай. Самуил Иосифович, твой лечащий врач сказал, что тебе нельзя волноваться и как можно меньше использовать мимику. Понимаешь?

Да.

— Чудесно. Тогда давай так. Я буду спрашивать, а ты ставь плюс, если да, а минус — нет. Если станет плохо, мы трудные вопросы оставим на потом.

Он, убедившись что я всё понял, достал из кармана Колины документы.

— Первое, что меня интересует, это как тебя зовут. В самолёте было найдено вот это свидетельство о рождении, на имя Кувшинова Николая Ивановича.

Моё, оно было в вещмешке.

Пишу мелко, но разборчиво, мне не надо косить глазами для этого. Так выйдет быстрее, чем ставить плюсики.

— Очень хорошо, что ты помнишь такие детали. Тогда, как ты можешь объяснить немецкие документы, которые нашли там же?

Забирал у убитых мной фашистов.

— Ээ... Сорок девять человек?

С пилотом самолёта было бы пятьдесят.

— Твою мать! Ты из меня дурака делать собираешься?!

И куда делся вежливый и обходительный мужчина?

Не верите насчёт немцев? Обойдусь. А мать погибла от фашистской бомбы, не надо её упоминать такими словами.

После того, как швырнул ему альбом, по моему лицу потекла струйка крови из лопнувшего шва.

— Извини! — Всё ещё нервный, Геллер встал со стула и поднял упавший альбом. — Обещаю, впредь буду максимально уважительным к твоей маме

И к отцу, оставшемуся в Бресте, и к бабушке погибшей в первый день войны и к сестре убившей перед своей гибелью семерых фашистов.

Играя роль обиженного подростка, добавил драматизма, немного приврав про количество убитых Надей немцев. Думаю она бы не расстроилась.

Ещё раз извинившись, Геллер промокнул платком кровь с моего лица. В дальнейшем, он делал вид, что верит каждому написанному слову.

М-да, внушительная эпопея вышла, на четыре с лишним листа мелким почерком.

... обоих оглушил так, чтобы лётчик не заметил. Связал засранца, а затем седого, а когда начали снижаться, перелез вперёд и убил пилота ножом в сердце. После направил самолёт дальше на восток, но при снижении был обстрелян нашими солдатами. Дальше помню как

очнулся в госпитале.

— Допустим... Допустим я поверю во всё, о чём ты написал. Но объясни мне, где ты научился управлять самолётом?

Смотрел за пилотом. Запоминал его действия.

Геллер поправил тугой ворот рубашки и задал пару провокационных вопросов. — Смотрел через спинки кресел? В темноте? Так же как нашёл украденные ампулы в госпитале?

Запахи. После контузии в поезде очень хорошо чувствую запахи. Я как бы вижу что происходит вокруг, но не глазами.

В вашем правом кармане брюк фигурка слоника с отломанным хоботом. В коридоре стоят два человека, которые пришли вместе с вами. У лысого патрон в стволе, может случайно в кого-то выстрелить.

— Охренеть...

Выйдя из палаты, майор обратился к обриту налысо сержанту — Владимир, покажи свой пистолет.

Убедившись, что парень и тут не ошибся, пошёл искать телефонный аппарат. Спустя пять минут Юрий Сергеевич докладывал по телефону о проведённой беседе.

— Да, товарищ народный комиссар. Да... Несмотря на последствия ранения дал краткие письменные объяснения... Есть некоторые странности, о которых необходимо доложить лично.

Выслушав указания Лаврентия Палыча, майор Геллер, оставив своих людей для охраны палаты, выехал в сторону Москвы.

***

Из сводок Совинфрмбюро

— ... *взгуста наши войска продолжали вести бои с противником на КЕКСГОЛЬМСКОМ, СМОЛЕНСКОМ, КОРОСТЕНСКОМ, БЕЛОЦЕРКОВСК* направлениях и на ЭСТОНСКОМ участке фронта...

... районе Н. Витебской области действует партизанский отряд, которым руководит член правления колхоза "Красный Октябрь" Д.Т. Денисенко. Смелые бойцы из отряда, руководимого тов. Денисенко, за три дня взорвали два моста, уничтожили четыре немецких грузовика и одну штабную легковую машину. Особенно отличился боец М.К. Шалдин, из трофейного миномёта поразил склад горючего на фашистском аэродроме. От взрывов были уничтожены семь самолётов...

***

Несмотря на уверения врачей в скорой выписке, пришлось ещё три недели скитаться по больничкам. То ли дело в последствиях сотрясения, то ли в неудачно проведённой операции. Медсанбаты редко могли похвастаться квалифицированными специалистами.

Перевозили два раза, местоположения не сообщали, но, куда их секретности против моего слуха. Сейчас нахожусь в Московском Коммунистическом Военном госпитале, то бишь в Лефортово. Под присмотром, чересчур умного доктора, Александра Романовича. Этот высокий, похожий на циркуль, сороколетний еврей, вызывает у меня немало опасений, был бы у меня голос, махом вывел бы на чистую воду. И так, своими реакциями, палюсь по страшному, а со словечками из будущего, уже давно был бы признан шпионом. В общем, пришёл к выводу, что немота, это дар, а не проклятье — ещё одна сверхспособность.

В местных реалиях, от разоблачения, также спасает всеобщая занятость подступом

немцев к Москве и подготовкой к эвакуации. Наверное, до моих супер-пупер способностей у госбезопасности просто руки не доходят.

Оп-па. Неужели Юрий Сергеевич едет. Не ко мне ли?

— Здравствуй Николай. Мне Александр Романович звонил. Сообщил, что тебе швы сняли и ты готов к выписке. Как самочувствие? Нормально? Ну, тогда собирайся, я за тобой приехал.

В смысле собирайся? Все мои шмотки на мне. Трусы, халат с тапочками, да и то выданны на время.

В связи с отсутствием в госпитале нормальной одежды, пришлось закосплеить раненого красноармейца. В здешней каптёрке ничего приличнее гимнастёрки и галифе не нашлось.

Попрощавшись со всеми новыми знакомцами, загрузились в машину, пробудившую во мне воспоминания о первом дне в этом времени.

Молодой веснушчатый водитель, пообещав приехать в течении часа после звонка Геллера, высадил нас на территории необычной воинской части. Глазами не видно, но за длинным зданием казармы бегают кругами группа полуголых молодчиков, выбивая из сухой земли клубы пыли. Там же, под широким навесом, два десятка бойцов суетятся вокруг длинного стола с разобранными пулемётами. Ещё человек пятьдесят рассредоточились по классам, слушают лекции по взрывчатке, оружию и прочим игрушкам настоящих мужчин.

Газанув на прощание, "Эмка" умчалась прочь, оставляя нас с Сергеичем в школе для советских диверсантов. Ничем иным, эта часть быть не могла.

В двадцати метрах от нас находилось административное здание школы, на второй этаж которого мы направились.

Прихрамывая, майор провёл меня по неосвещённому коридору в совершенно типичную ленинскую комнату. Как в моей бурной молодости: обязательный бюст вождя революции; на стенгазете лозунги, политинформация; карта мира и портреты видных политических деятелей страны.

— Заходи. Я скоро вернусь.

В ожидании Сергеича, отправившегося в сторону местного стрельбища, вышел прогуляться. Как оказалось зря. Был вынужден куковать возле бдительного вояки, охранявшего тумбочку с телефонным аппаратом, возле кабинета здешнего главнюка — майора А.А. Данилина. Дальше меня не пустили, недоверчивый дневальный приказал стоять на месте, угрожая новеньким ППП.

Идут. Злобный солдатик вытянулся, приветствуя идущих по коридору. Начальник школы, Геллер и два бравых командира в звании капитанов, державшихся у них в кильватере.

Оба майора зашли в кабинет начальника оставив нас троих ожидать в коридоре.

Через пару минут Данилин вызвал одного из капитанов. Высокого, смуглого, внешностью смахивающего на Брежнева в молодости.

— Степан Витальевич Крапивин. Пятого года. Киев. Русский. Та-а-к, школа погранохраны в тридцать четвёртом. Первый выпуск?

— Так точно, товарищ майор.

— Не тянись Крапивин, не на параде.

— Как с языками? — Геллер закрыл личное дело капитана, откинувшись на спинку стула.

— Финский немного. Немецкий получше, но с акцентом.

Выбивая дробь кончиками пальцев по столу, майор о чём-то задумался.

— Так точно, сдал экзамен на радиста второго класса.

Во как! Они там морзянкой общаются. Ни хрена себе, я тоже так хочу.

— Родственники за границей? Судимости? Участие в антисоветской деятельности?...

Задав ещё множество подобных вопросов, Сергеич отпустил Степана и вызвал второго.

Шигалез Виктор Иванович был ровесником, однокурсником и другом Крапивина, но, уже из Воронежа.

Во время их собеседования, а иначе это не назовёшь, местному майору позвонили из наркомата, с приказом явиться завтра к восьми ноль ноль.

Мысленно ему посочувствовал, на заднем фоне у звонившего звучали чьи-то грозные обещания загнуть майора Данилина в интересную позу.

Шигалеза отправили в коридор и я зашёл внутрь, провожаемый любопытствующими взглядами капитанов вставших поодаль от дневального.

— Николай Иванович Кувшинов, будущий герой советского союза. — Начал обзывать Геллер.

Шучу. Приятно звучит.

Майор Данилин представился Аристархом Абросиевичем.

— У нас тут спор вышел с..., — Тут он запнулся. — ... преподавателем радиодела. Никак не может поверить в такие м-м... подвиги. Говорит, мол привирает комсомолец.

Честное слово, как дети. Хотите устроить проверку. А сказать напрямую не судьба?

Хотя... Я и сам хотел попрактиковаться после госпиталя. Небольшая "Зарница" будет весьма кстати. Лишь бы не переусердствовать во время тренировочного процесса.

Мне бы в туалет выйти?

Почему-то поухмылявшись над моим вопросом, майор показал на двор.

***

— Уже шесть часов вечера, где его черти носят? Столько народу ищет и не могут найти?

— Успокойся! — Геллер уже сам был не рад, что позволил Николаю выйти из кабинета без сопровождения.

Измеряя шагами расстояние от стола до окна, Аристарх в очередной раз набрал дежурного по району. Ничего нового ему не сообщили.

Только он положил трубку, как зазвонил аппарат внутренней связи.

— Товарищ майор! С третьего поста докладывает сержант Евсеев! Оружейка взорвана!

— ... Что?!!

— Следуя приказу капитана Стеблова, мною было проверено помещение оружейной мастерской. Открытие двери спровоцировало падение учебной гранаты на открытый ящик с тротильными шашками. Здесь записка с просьбой сообщить вам, что оружейка взорвана. — Сержант Евсеев грамотно оттарабанил доклад, но, в конце допустил вольность — не удержался от вопроса. — Это выпускники экзамен проходят?

Услышав подробности, майор слегка подуспокоился. Что-то прошептал, едва шевеля непослушными губами и, видимо побоявшись испортить казённое имущество, осторожно положил трубку на рычаги.

— Что там, Арик? — Юрий с интересом следил за процессами происходившими с лицом давнего друга. Сейчас, играющие на нём краски цвета спелого фиолетово-багрового крыжовника, уже начали блекнуть. Данилин шумно выдохнул.

— Сам ты тамарик. С третьего поста докладывали. Твой пацан нам оружейную комнату заминировал. Су... Стеблов! — Майор вспомнил об упомянутом капитане.

Когда по телефону никто не ответил, Данилин не выдержал.

— Бегом!

Несмотря на возраст, Геллер, будучи младше на семь лет, едва поспевал за разъярённым начальником школы.

Несчастный Стеблов находился в узле связи. Стоя лицом к двери, он был примотан к телеграфному аппарату, а в добротнo связанных за спиной руках, до судорог сжатая "лимонка" без чеки.

— Учебная. — Успокоил его Юрий Сергеевич, распутывая мокрого от пота капитана.

Тот, опасаясь начальственного гнева, кивнул Геллеру на канистру с бензином из генераторной под столом.

БУМ!

Связи нет.

Сообщить майору Данилину.

Разъярённый, перекосившись лицом, Данилин сорвал с канистры записку. — Ты кого ко мне привёл?!

— Я уже говорил. Будущий герой советского союза. Забыл? — Юрий Сергеевич, сам непонимающий, что происходит, вынужденно делал уверенный вид. — Ты лучше подумай, что ещё у тебя можно взорвать?

— ... Вашу ж мать! Картотека!

***

Оставив на столе Данилина послание с АЙЛ-БИ-БЭКом, взялся за прихваченные и каземата тротилловые шашки. Сложил их городошной фигурой, в виде пулемётки, направленного на дверь. Последнюю гранату — в серебряный подстаканник. Учебных нашёл только две, поэтому боевую. Вытаскивать чеку и делать имитацию растяжки не стал. Во-первых, страшно за старичков, мало ли сердечко прихватит. А во-вторых, они уже приближались — банально не успевал. Надеялся, что сначала в гараж пойдут, а они за бумажки испугались.

Хоть смысла в этом не было, но не шутки ради, а искусства для — под ручку двери подставил спинку стула.

Довольный собой, скорчил гримасу как у доктора Зло и покинул логово условного противника проверенным путём — через форточку.

Смеркалось Заря уже занималась.

С опаской поглядывая на нервных майоров, вышел к крыльцу.

— Иди сюда. Иди, не бойся. — Елейным голосом позвал майор Данилин.

Ненатурально батенька, не верю. Так барашка подзывают перед воскресными пашлыками. Здесь пока постою.

Аристарх огорчённо сплюнул и затянулся очередной папирсой.

Юрий Сергеевич поцокал языком и покачал головой. — Смотри до чего довёл. Десять лет человек не курил. Ладно, признавайся, почему вчера не вышел? И что мы должны тут увидеть, в пять утра.

Щас! Разбежался! Я тут, понимаешь, шкерюсь по углам, всю ночь не сплю, сюрприз для них готовлю. А им всё на блюдечке с голубой каёмочкой? Не-е-ет, для финала нужна атмосфера.

Чиркаю ответ в блокноте.

Хромой майор казался более спокойным, так что решил подойти к нему.

В пять, потому что к восьми вам надо быть в Москве.

Объявите построение.

Майоры прочитали, переглянулись и уставились на меня.

На всякий случай отошёл ещё на пару шагов.

— Зарубин! Объявляй построение личного состава на плацу!

Дежурный по школе понятиво кивнул через окно первого этажа.

Загудела здешняя сирена. Через три с половиной минуты, с оглушающим топотом, площадку перед крыльцом заполонили будущие разведчики во главе с преподавательским составом.

— Молодцы! — Гаркнул майор после получения докладов о готовности.

Я спрятался от строя диверсантов за широкую спину Данилина, откуда показал Геллеру перемазанные йодом пальцы.

Непонимающим взглядом он смотрел на мои руки, пока до него не дошло. Пристально оглядев собравшихся бойцов, зашептал Аристарху на ухо, объясняя суть моей злодейской проказы.

— Старшим групп! Провести осмотр состава и доложить о количестве условных потерь.

— Первая группа! Восемь условно убитых!

— Вторая группа! Шесть условно убитых!

— Третья группа! Семь условно убитых!

— Двадцать один. Очко. — Подсчитал догадливый Сергеич.

— Жопа. — Резюмировал грустный Данилин, тоже понимавший последствия.

***

Стараясь меньше ступать на больную ногу, Юрий Сергеевич приближался к кабинету с запёртым в нём пацаном.

На ходу, он улыбнулся своим мыслям. — "Какого хрена называю его пацаном? Забросить пару десятков таких вредителей в немецкий тыл, так они из-за каждого по дивизии вернут с фронта для противодиверсионной борьбы. А два десятка дивизий снятых с фронта это ого-го".

Открыл ключом дверь, выпуская мелкого пакостника на обед.

Забирая конверт с покаянным рапортом, показал на выход. — Идём изверг.

— ...?

— Не прикидывайся исусиком. Ты зачем Данилина подставил? Ты понимаешь что теперь с ним будет? Как мужиков отправлять на боевые задания, если один пятнадцатилетний оболтус всю школу вокруг пальца обводит?

Он остановился, ожидая пока проходящий мимо работник секретариата не скроется в кабинете.

— На что государство деньги потратило, чему их научило?

Продолжая отчитывать Николая, майор дошёл до столовой.

Заканчивая с обедом, встретился взглядом с Михаилом Ивановичем, вместе с которым краснел перед наркомом. От вновь возникшей досады, стал переадресовывать слова Берии Николаю. — ... Йодом лбы намазал... опозорил осназовцев... ты что там пишешь? что это?

Читая переданную Николаем бумагу, на втором пункте, Юрий Сергеевич чуть не забрызгал стол, поперхнувшись чаем. — Офанарел? Какие нахрен антиконституционные оскорбления? Ты где этого всего понабрался?

Челобитная на имя Ю.С.Геллера

Кто такой Н.И.Кувшинов?

Пункт1. Несовершеннолетний, с двумя боевыми ранениями, подлежащий отправке на долечивание с дальнейшей передачей под надзор(до достижения призывного возраста)соответствующей организации.

Пункт2. Непоймикто, которого можно подвергать антиконституционным: проверкам; наказаниям(в частности, содержание под замком); оскорблениям, унижающими честь и достоинство советского гражданина.

В данном случае, прошу отпустить на все четыре стороны, либо выдать пистолет с одним патроном, для саморасстрела.

Пункт3. мобилизованный органами ГБ:

а) с привлечением к агентурной работе вне штата(смотреть п.1 и п.2).

б) с зачислением в штат сотрудников органов государственной безопасности.

В данном случае, прошу задокументировать это официально: с перечнем прав и обязанностей; с ознакомлением должностных инструкций; с постановкой на воинский учёт, начислением денежного довольствия и прочего.

***

Чтобы покушать, пришлось спускаться в подвальное помещение. Не полноценный бункер, но выглядело колоритно, в стиле современной суровой действительности. Металлическая дверь со штурвалом в центре, была толще меня в полтора раза, а сколько стали пряталось в стенах вокруг неё сложно даже представить.

"Хоть бы цветочки какие поставили". — Подумалось, когда открылся вид на внутреннее убранство.

Окрашенный в зелёный цвет бетон, столики из железных труб и алюминия, покрытые белоснежными скатертями. По дальней стене тянется стеклянная витрина, с линией раздачи вдоль неё.

На виду мелькают две молодые женщины в фартучках и с кружевными наколками в причёсках, а за стеной суровые мужики режут, варят и жарят.

Геллер довёл меня до раздачи, где отдал милостивой раздатчице два талона на

питание. — Веруня, покорми нас с Николаем. Со всей своею пролетарской любовью.

Та игриво стрельнула глазками с майора на меня и повернулась к товарке. — Люба-ааш! Тут мальчика просят покормить с любовью, обслужишь?

— Хи-хи-хи...

— Тьфу, бесстыжие. Отставить смущать молодого человека.

Сергеич с виду вроде бы строг, но я видел, ему приятны такие шалости со стороны симпатичных девушек.

Когда выданный поднос начали заставлять тарелками, немного расстроился, ожидаемых роскошеств не перепало. Жиденский гороховый супчик, небольшая порция пюре с котлеткой, малюсенькая плашка с капустным салатом и стакан чая с парой кусочков серого хлеба.

Жуя свой салат, Сергеич ещё что-то бубнил, но уже не таким тоном как десять минут назад. За едой люди добреют. Под чаёк подсунул ему свою писульку, посмотрим, как отреагирует.

... Епическая сила! Кто ж знал, что права советского гражданина в нынешней конституции больше напоминают обязанности. А как звучат-то. Право на труд, на отдых, на образование. Даже есть свобода слова и совести.

Не всё понял про свободу совести в СССР, из объяснений Геллера, меня больше интересовала свобода моих перемещений.

Сутки под замком, из-за их собственного недоверия? За что наказывать? За хорошую работу? Ну, да признаю, с йодом переборщил. А как бы я доказал резню учинённую после гибели Нади. Также ночью зашёл в их лагерь, но не йодиком мазал, а бил заточкой в глаз и резал плотки. В конце малость лажанул, тот фриц своими судорогами разбудил оставшихся, за что я пулю и схлопотал. Спасибо Константин Кириллычу и Олесе — выходили.

В общем, по реакции Сергеича понял, что при военном положении, о правах человека можно забыть, сейчас все думают о защите страны, а не о "слезинке ребёнка". Демонстративно порванная "челобитная" была ярким тому примером.

— Чтобы больше такого не было! Понял! — Разозлился Геллер. — Будешь в обидки играть — закончится плохо. Для тебя плохо.

Одним словом — гэбэшник.

— Идём, будет тебе *официально*. — майор язвительно выделил это слово. — Всё будет.

Сдавая поднос в окошко моечной, зачем-то протянул руку Вере, выглядывающей из-за витрины словно суррикат на стрёме и поблагодарил её дружеским рукопожатием. Вот меня торкнуло.

Из сводок Совинфрмбюро

...по уточнённым данным, пятнадцатилетним Николаем Кувшиновым. был совершён небывалый подвиг! Находясь на оккупированной территории, с первых дней войны он уничтожил пятьдесят фашистских захватчиков, был ранен. В первых числах августа, ночью, по приказу командира партизанского отряда, этот юный комсомолец пробрался на вражеский аэродром. Планируя добыть детали для изготовления радиопередатчика, проник в самолёт. Внезапное появление немецких офицеров чуть не нарушило планы смелого юноши, но он не растерялся. Дождавшись взлёта, он оглушил и связал этих офицеров. Уничтожив лётчика, сумел долететь до линии фронта и пересечь её, совершив аварийную посадку.

**ИМ БЫЛ ЗАХВАЧЕН ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ ФЕДОР ФОН Б
КОМАНДУЮЩИЙ ГЕРМАНСКИМИ АРМИЯМИ!**

Вместе с ним, первый офицер генерального штаба Хеннинг фон Тресков! А также многочисленные карты и ценные документы германских штабов!

Получив при посадке тяжёлое ранение, Николай жив и находится на излечении. Он клятвенно заявляет, что после выздоровления отдаст все силы для борьбы с фашистскими захватчиками...

***

— Проходи дорогой, присаживайся. Вай маладэц! Какого героя вырастили!

Расхваливая и усаживая пацана, нарком подал знак майору выйти.

— Знаю сынок, что говорить не можешь, знаю. Ничего, в советском союзе самые лучшие врачи. В Уфе есть замечательный профессор. Такими проблемами занимается. Направим, сделаем всё возможное и вылечим.

Положив чистый лист перед Николаем, он вернулся на своё место.

— Напиши дорогой, как ты это делаешь, а то Юрий Сергеевич мне про тебя такие сказки рассказывает, что неверится даже.

Когда разбомбили поезд и погибла мама, я сильно расшиб голову, меня даже приняли за мёртвого. С тех пор потерял речь и многого не помню из прошлого. Но теперь иногда получается увидеть, что происходит вокруг, в виде картинок из запахов. Это помогало мне проникать в охраняемые немцами места.

— Вай-вай-вай. Горе потерять мать. Голос мы тебе поможем вернуть, а маму уже никак не вернёшь. — Лаврентий Павлович встал, обошёл стол и с сочувствием положил руку на плечо парня. — Война. Сейчас всем будет тяжело, но мы должны сцепить зубы и держаться. Не время нам горевать, когда враг топчет землю советского народа. Сейчас каждый должен внести свой вклад для будущей победы.

Вернувшись обратно на своё место, Берия перешёл к сути.

— Ты уже подтвердил делом свою преданность стране совершив такое, что мало кому было бы под силу.

Он достал из папки и передал Кувшинову картонку разового пропуска в кремль.

— За проявленное мужество, уничтожение солдат противника, а также захват фельдмаршала немецко-фашистских войск, Народным Комиссариатом Оборона, было принято решение представить тебя к высшей правительственной награде.

Мысль мелькнувшая в шрамированной голове обозначала все эмоции на этот момент. — "Охренеть!"

***

Хорошо пошили, сидит изумительно. Полученный прикид юного красноармейца был изготовлен в ателье. Из качественного сукна и не стеснял движений.

В зеркале отражался худой пацан с горящими глазами. Синева с изуродованной головы исчезла, оставив желтушную бледность и ярко розовые полосы рубцов. Надеть пилотку, встать где-нибудь в тени и кажусь почти нормальным.

Вроде бы готов. Хотя, чего-то не хватает.

Куда дели мой трофеный Маузер?

Юрий Сергеевич прочитав усмехнулся.

— Обойдётся. Кстати, твою кобуру забрали для пошива пробных образцов.

Пожал плечами. Пусть и качественно было сшито, но это не самый удачный вариант для копирования.

— Собрался? Нам нельзя опаздывать.

Юрий Сергеевич. А почему осколок из колена не удалите?

— Да надо бы, но сам понимаешь, служба. Не могу позволить себе прохладиться на больничной койке.

Вот сейчас не понял. Это он меня подкалывает?

Обманываете. Так и скажите, что врачей боитесь.

А-а, занервничал. Поймать человека на вранье, мне раз плюнуть.

— Всё, хорош вопросы писать, поехали в кремль.

При полном параде, причёсанный, наглаженный, а на груди Орден Красной Звезды и Знак Почёта, Юрий Сергеевич, передавший меня местным чекистам, остался ждать перед воротами.

В напутствие майор пожал мне руку. — Давай иди, ты заслужил это.

На сегодня в кремле назначено награждение, перед которым меня лечили, допрашивали, проверяли и наконец, посчитали достойным. Решили, что будет идеологически верным сделать из меня инструмент пропаганды?

Передо мной должны были награждать девятерых пограничников. Но оказалось, что присутствуют только шестеро парней из войск НКВД, уже успевших совершить свои подвиги. Шестеро из немногих, кто не менее достоин этой награды, но о которых никто и никогда не узнает.

Седьмого не смогли пригласить — воюет. Восьмой в госпитале и пробудет там ещё долго. А девятому, успевшему повоевать и перевязать перед смертью восьмого, награду объявляют посмертно.

— За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда.

Интеллигент в очках и с седой козлиной бородкой передаёт мне грамоту с двумя кумачовыми коробочками, жмёт руку и поздравляет. А я молчу, не отвечаю Михаилу Ивановичу.

Он напрягается, но ему тихо подсказывают, что я не могу говорить. Расстроившийся Калинин отпускает мою руку и переходит к следующему приглашённому.

После, нас фотографируют. Группой, по одиночке и в паре с Калининным. Закончив с приятным, мы рассаживаемся обратно на свои места в зале. Предстоит выслушать, щедро разбавленные речами о деле Ленина и Партии, поздравления других руководителей советской страны.

Вдруг, злобный шёпот сзади — Парень, а чего ты в пилотке? Мама не учила снимать головной убор в помещении?

Вот сука. И чего ему неймётся. В начале докопался, что я ему честь не отдал, теперь до пилотки прицепился. Обидно, что несовершеннолетнего пацана наградили героем, а его только "Красным знаменем"?

Повернулся назад к доставшему меня своими придирками моложавому полковнику ВВС, снял пилотку и вежливо улыбнулся. Надеюсь жопа Квазимоды на моей макушке доставит наглому хмырю удовольствие. И почему такие личности, мнящие себя культурными людьми, постоянно делают замечания другим? Спокойно сидеть мешает этикет в жопе?

Повернувшись обратно, продолжил рассматривать сидящих вокруг и президиум.

— Не мог сразу сказать? Обязательно надо выпендриться?

Мля! Как же он меня бесит. Шепчет прямо на ухо, а от него чесноком несёт за три

километра.

Через сорок минут мытарств, президиум верховного совета закончил издеваться надо мной. Под бурные радостные аплодисменты, все поднялись с кресел и стали выходить из зала.

На радостях, что всё закончилось, отбил ладони до красноты. Пока хлопал, пришла интересная мысль. Сколько тут таких? Аплодирующих по этой же причине.

Пошёл вместе со всеми на выход, от греха подальше, снова натянув пилотку. Хм. А какой феминитив у пилота? Пилотка, пилотиха, или всё таки пилотесса?

Глупые и непристойные мысли вылетели из головы, когда всё тот же полковник, на выходе из зала, отдал мне носок сапога. Специально наступил! Сука!

У ворот встретился с Сергеичем и мы пошли гулять по окрестностям. Поели в пельменной, покормили уток на набережной, а потом пошли в парк есть мороженое.

— Почему награды снял? — Спросил майор, когда мы сиделись на скамейку в парке.

Я только метнул головой, писать и объяснять желания не было. В итоге получил очередные упрёки. Пришлось достать и прицепить, иначе не успокаивался.

На пути к машине, заглянули в булочную. Из-за большой очереди, Геллер дёрнулся было выйти назад, но упёрся в меня, чертыхнувшись при этом.

Шумом, мы привлекли к себе внимание, думал сейчас начнут шептать про наглых энкавэдэшников, но оказалось, что у покупателей не было предубеждений перед грозным НКВД, отнюдь.

Первой среагировала элегантно одетая женщина средних лет.

— Граждане, давайте пропустим товарищей, им нужнее. И все люди вдруг отошли от кассы и стали твердить, что нам нужнее.

Немного в сторонке, стоял, кажется заставший обоих Александров-императоров, дедок с палочкой. Разглядев за Сергеичем мою фигуру, решил пошутить. — Заарестовали внучик? Ты не тушуйся, беги, Матрёна его задержит.

Очередь грохнула добрым смехом, а дебелая кассирша сделала вид, что хоть сейчас сдавит майора в своих объятиях, добавляя веселья в общую копилку.

Дедуля вдруг прищурился, став похожим на китайца увидевшего летающую тарелку. Разглядел орден с медалью, охнул. — Кувшинов? Николай Кувшинов?

Ёкарный бабай! Такого я не ожидал. Думал оглохну в начавшемся гвалте.

Вместо двух булочек на брата, по семь копеек каждая, нам напихали четыре кулька пирожных и всякого прочего, что по мнению присутствующих нам было необходимо. При этом, с нас категорически отказались брать деньги.

Нет, на меня не кидались с расспросами и не пытались взять автограф, просто смотрели. А когда мы с майором выходили, дружно заапладивав, люди вышли следом за нами на улицу провожая добрыми напутствиями.

После булочной наш променад пришлось завершить.

За нами увязалась стайка малышни лет по десять, замучавшими нас недетскими вопросами о войне. С тоской в глазах Геллер оглядывал неугомонную детвору и отдувался за нас двоих.

Не сумев от них отговориться, мы начали раздавать им пирожные. Думали хоть так получится заткнуть их фонтан красноречия — не помогло. Когда наши запасы полностью истощились майор махнул водителю следовавшего за нами автомобиля.

— Эх. Хотел тебе прогулку по городу устроить, но разве с этими чертятами сладишь. Как ещё за машиной не погнались.

Юрий Сергеевич, ни в госпиталь, ни в школу, меня не вернул — оставил ночевать в здании управления НКВД.

Натёртые пилоткой, рубцы на голове воспалились и жутко зудели. Поэтому для перевязки пригласили местного медика, облепившего мои страдания. После процедуры меня накормили сытным ужином из столовой и отправили спать в комнату отдыха.

М-да, ну и деньки выдались, сутки взаперти, где меня заставили ещё раз написать о своих похождениях, только максимально подробно. Потом встреча с грозным очкариком. А на десерт — награждение в кремле.

Развалившись на кожаном диване, при свете тусклой лампочки, рассматривал грамоту и книжки, врученные вместе с наградами. Что в них такого особенного? Ведь не за кусочки металла люди воюют? Что меняется с их получением? Что важнее, наградные и льготы, или уважение в глазах окружающих?

Отложив документы стал думать как жить дальше.

Выскочить из под опеки ГБ нетрудно, но разумно ли это делать сейчас? Если бы не было проблем с речью, я бы даже не раздумывал. К тому же, Берия прямо сказал, что с лечением мне поможет. Значит есть смысл погодить с уходом.

Понятно, что со мной возятся не от доброты душевной, есть у них на меня планы. Чем именно я могу им пригодиться? Ну, например, в охране важных персон. Ха! Учю любого злодея за километры. Раскрытие бытовых преступлений для НКВД слишком мелко, а вот за поиск предателей и шпионов мне по медали в неделю будут выдавать. Это они ещё не знают, что я ходячий детектор лжи. Полиграф Полиграфыч! Епт-ыть!

Делать какие либо предсказания, или учить чему-то — боже упаси. У меня не было цели становится местным Предсказамусом, или Вольфом Гипнезингом. Думаю война уже выскочила из известной мне исторической колеи. Всё таки немецкий фонбарон оказался крупной фигурой, а захваченные с ним документы, кардинально меняли планы обоих стран, а может и не только этих двух.

Прикончить Хрущёва? Найти Брежнева и замутить дружбу? На фиг! У меня своя миссия, как любят говорить пиндосы. А если по простому, то мне всего лишь нужно добраться до одного из сёл в Харьковской области, где закопать записочку для самого себя в будущем. Правда, недавно появились некоторые сомнения в моём плане.

Когда понял, что перенос закинул меня в канун войны, то слегка подохренел. Я ещё тогда подумал, что если бы попал на неделю раньше, то успел бы сделать задуманное без особых проблем и гуляй Вася на все четыре стороны. Хошь — воюй, а хошь — поезжай в тайгу и живи себе спокойно. Мысль о том, что я мог бы совершить глупость, пришла ко мне в ночь, когда погибла Надя.

Подрывая немецкую технику, смотрел на воронки от взрывов. Капсулу ведь нужно закапывать, а что с будет с нужным мне участком земли. Сколько раз его перепахают снарядами за эти годы.

Устав от размышлений, поднялся с дивана и подошёл к заклеенному газетными полосками окну.

Кругом военные патрули, на крышах торчат зенитки, женщины таскают в мешках землю на баррикады. Вдоль противотанкового рва стоит очередь за продуктами, а в небе висят заградительные аэростаты. Где рекламные банеры? Вывески? Почему так пусто без освещённых витрин? Где пробки на дорогах? Странно, но, даже как-то грустно без бесконечного потока машин. Такая Москва мне незнакома, она испуганна, неказиста. То молчит, то плачет тревожной сиреной.

Явившийся ранним утром, Геллер прямо таки излучал позитивные эмоции. С порога похвастался, что сегодня мы будем ездить на лимузине, а ещё засветил билеты в филармонию, на какой-то супер-пупер концерт. И каково же было его удивление, когда я не разделил его радости.

Хрен бы с концертом, недоволен был совершенно другим. Да какое там недоволен — взбешён. Тот наглый хмырь, достававший меня в кремле, общался там с чиновником в импортном коричневом костюме. А теперь запах того "пиджака" на Геллере, с невозмутимым видом сидящем рядом. Совпадение, или была очередная проверка на вшивость?

Несмотря на красоту внешнего вида, нахваливаемый болтливым водителем ЗиС 101 мне не понравился. Стоило нам выехать на бульжную мостовую, как я начал мечтать о боксёрской капе. Чуть все зубы не раскрошил.

Закипая от противоречивых мыслей, тряся в сверкающем лаком автомобиле, направляясь из отделения милиции, где выдали ксиву, в сторону Сталинского райкома ВЛКСМ. Там мне выдадут дубликат комсомольского билета, ведь мой был попорчен "осколком" (ещё до ранения проковырял ножом отверстие районе фотографии, вложив туда кусочек металла).

В дороге, пока Сергеич общался с шофёром выданного нам на целый день лимузина, задумался о побудительных мотивах гэбешного майора.

С хрен знает какого перепуга, десять минут назад, Юрий Сергеевич прописал меня на своей жилплощади, чрезвычайно удивив этим нелогичным поступком.

Десятого августа, Надиному брату, исполнилось бы шестнадцать лет. Поэтому, теперь, к подмоченному водой свидетельству, добавился паспорт. Фотографию для него взяли с награждения, где я, по просьбе корреспондента, немного задрал подбородок, чтобы меньше были видны швы.

На очередном перекрёстке машина остановилась на красный свет и я стал наблюдать за удивительной картиной. Слева, по улице гуляли спокойные, прилично одетые москвичи, совершали покупки в магазинах и обсуждали театральные постановки. А по правой — грузовые троллейбусы развозили дрова с песком. Развивая кипучую деятельность, жители близлежащих домов растаскивали всё это по дворам. Метровые брёвна, с ходу кидали на козлы, перепиливали на три части. Там же кололи, укладывая в высокие поленицы вдоль подъездов. Вёдра с песком поднимали на чердаки для тушения немецких "зажигалок".

Мы уже подъезжали к нужному нам зданию, когда я решил прощупать здешних тинейджеров.

Шумная толпа молодёжи возле входа, разбитая по интересам на отдельные группки, создавала бессмысленную какофонию в моей бедной черепушке. Но, я успел уловить несколько мнений о нашем появлении.

Чёрный лимузин с майором НКВД произвёл сильное впечатление на желающих вступить в ряды помощников коммунистической партии — у крыльца таких было много.

— ... Ух ты!... ЗиС!... Генерал какой-то!... Это майор... Здоровская машина.

На меня, скромно сидящего на заднем диване, поначалу и внимания не обратили.

Необычно улыбчивый Геллер вышел, чтобы открыть мне дверь. Наступила звонкая тишина, в которой постепенно начали нарастать шепотки.

— Кувшинов...самолёт...фонБок...пятнадцать лет...убил пятьдесят фашистов.

Чувствую себя кинозвездой — Бельмондо БрэдПит Алленделонович. Думаю, лучшей рекламы для ВЛКСМ, чем я, в Москве сейчас не найти.

Наш шофёр был не только знатоком анекдотов, он вообще оказался специалистом на все руки. Мигом достал "Лейку" из бардачка и нащёлкал собравшихся вокруг меня "фанатов" с разных позиций. То, как в кадр постоянно попадал лозунг с призывом вступать в комсомол, меня сильно развеселило. Не мы были главными персонажами, шофёру важнее, чтобы нарисованные паренёк с девчонкой были чётко видны, и табличка Сталинского райкома. Коммунистическая PR-компания и партийный маркетинг занимают все места в топе. Ура товарищи!

***

Как хочется спа-а-ать. Где эта чёртова кровать? Диван? По фиг, готов на полу заснуть.

— А ну вставай! Ишь, разлёгся чертыка. Бегом умываться и ужинать.

Гад он всё таки. Притащил к себе домой, а теперь командует. Делать нечего, повинуюсь произволу, периодически позёвывая, пошёл искать ванную комнату.

И-и? Это что такое? Почему ванна стоит в спальне? Ха! Вода из отопительной трубы. Прикольнo.

Сергеич выдал длинное льняное полотенце ручной выделки, обзвав его домотканным. Взбодрившись холодной водичкой(летом не топят), поспешил на вкусные запахи. В меню были макароны с тушнякам, приправленные обжаренным луком и морковью.

Уставший не меньше моего, Геллер жевал через силу, но при этом умудрялся почитать "Как закалялась сталь" Островского. Мало ему трёх часов в филармонии на Триумфальной? Капец! С другой стороны ему не пришлось пожимать сотни рук и весь вечер растягивать губы в улыбке.

Куда завтра? В цирк? В кино? Может зоопарк?

Породистое лицо исказилось в подозрительно хитрой ухмылке. — Утром узнаешь. Этот зоопарк тебе понравится.

Мля! Включил чекиста. Вот как с ним нормально разговаривать?

— Пей чай и спать, завтра тяжёлый день.

Заботливый, нарисовался — не сотрёшь. Может всё таки свалить на фиг? С ним никакого терпения не хватит.

***

Получив по внутренней связи указание начинать, Анатолий Никонович вскрыл конверт. — Товарищи курсанты, я уполномочен вам сообщить, что народный комиссар внутренних дел Лаврентий Павлович Берия был арестован с формулировкой враг народа.

— Тишина! — Поднявшийся от возмущённых абитуриентов гомон он заглушил резким ударом указки по столешнице.

— Коммунисты уверенные в невинности Лаврентия Павловича собирают подписи в письме к товарищу Сталину. Прошу поднять руку, кто готов подписаться под ним.

Немолодой преподаватель оперативной психологии медленно обвёл лес рук своим немигающим взглядом. — Единогласно.

Подытожив результат, он продолжил. — Вы все проголосовали. Но у руководства школы есть основания считать, что в вашей группе находится тот, кому новость об аресте товарища Берии, греет его гнилую сущность. Один предатель обманывает вас — считающих его своим другом. Товарищем. У нас есть возможность определить врага, готового при первой возможности перейти на сторону фашистов. Для этого, вам всем нужно написать своё настоящее имя, возраст, место рождения, в общем, краткую автобиографию. Вам даётся три минуты. Время пошло.

Посматривая в класс, Фирсов оценивал эту проверку опираясь на свой многолетний опыт. — "Чтобы вывести их из равновесия этого хватит. Жаль, что таким способом нельзя выявить подготовленного врага, те свою легенду назубок знают, их такими детскими уловками не проймёшь".

— Закончили! Старший группы — собрать и положить ко мне на стол!

Лейтенант Васильев подскочил и быстро прошёл между рядов, собирая написанное.

— За Васильевым на полигон. Марш-бросок на первой тропе. Десять километров по последнему. Время пошло!

Чих-пых... Сергеич, падла. Засунуть меня курсантом в ту самую школу, это издевательство. Чих-пых... Меня валят на всех зачётах, даже на любимой мной маскировке. Чих-пых... С большим отрывом, Васильев бежит первым. Чих-пых... За ним пятеро курсантов послабее. Чих-пых... Остальные растянулись цепочкой. Чих-пых.

Благодаря своему слуху, бегу предпоследним. Не столько из-за физических данных, сколько в расчёте на экономию сил. Подслушал, что в конце забега предстоит отстреляться по ростовым мишеням и произвести минирование опоры моста. Снайперам предстоит сдать отдельный зачёт по маскировке, а обоим радистам нужно отбить шифровки о завершении, это и будет по последнему.

В конце маршрута стоят пятеро принимающих экзамен. Двое — уже знакомые мне капитаны Шигалез и Крапивин. Они отбирают ребят и девчонок для заброски во вражеский тыл. Трое других экзаменаторов, наши преподаватели по взрывному делу, огневой подготовке и радиоделу. Это из их разговоров я узнал о дополнительных условиях.

Оглянулся на вспотевшую Марию Куприну из Ивановской области, изо всех сил, пытающуюся догнать меня. Эх, доброта погубит меня когда нибудь. Ладно, пару километров можно и помухлевать — никто не увидит. Снизил скорость и отобрал у неё эсвэтэшку.

Улыбнулась. Понимает, что спорить со мной бесполезно, а бежать надо.

На полигоне возвращаю оружие и подталкиваю замешкавшуюся Куприну, чтобы та не наткнулась на Василия Попова и Михаила Щукина. Тут у снайперов и пулемётчиков свои мишени, в основном грудные и движущиеся. Мы с ней должны бежать дальше.

— Занять огневой рубеж! — Раздаётся хриплый голос Евгения Филипповича.

Рубежом служит неровный заросший травой земляной вал. Можно плюхнуться в любом месте, но все ложатся, где зелень пореже. Но, я же не ищу лёгких путей? Оглядываю хаотично натканные мишени и укладываюсь сильно правее, из расчёта траекторий.

— ... Осмотр мишеней!

— Семнадцать из двадцати.

Это отстрелялся Вадим из Коврова. Нормально для его неважнецкого зрения.

— Боец Куприна! Заряжай!

— Т-туф-ф... Т-туф-ф... Т-туф-ф... — Мария отстрелялась на хорошо с минусом, всё же усталость и дрожь в руках не дала ей нормально прицелиться.

— Осмотр мишеней!

— Пятнадцать из двадцати!

— Боец Уцы! Заряжай!

— Т-туф-ф, т-туф-ф, т-туф-ф.

— Осмотр мишеней!

— Охренеть!

Перемещая винтовку по фронту слева направо, отстрелялся в максимально быстром темпе. М-да, всё таки маловат пока ещё, мог бы лучше, но силёнок в руках не хватает.

Бегу через неглубокий овраг с жидкой грязью на дне к следующей точке, где стоят четыре массивные кирпичные тумбы — части фундамента от водонапорной башни.

— ... Галанин, зачёт.

— Боец Куприна приступить к минированию. Вот схема моста.

Маша определилась по сторонам света (на схеме их указали), обошла тумбу и быстренько приладила мешок в нужном месте. Показала Вячеславу Андреевичу варианты установки детонатора и огнепроводного шнура, перечислила огневые электрические, механические и химические способы подрыва зарядов.

— Боец Куприна зачёт.

— Боец Уцы приступить к минированию.

Эх! Жизнь моя жестянка. Достая всего один брусок и привязываю вовсе не там, где ожидает Ефанов.

— Отставить! Боец Уцы, не зачёт.

Интенсивно машу руками, добиваясь внимания и справедливости, но дядя Слава меня игнорирует.

— Товарищ воентехник первого ранга, может узнаем, чего он хочет сказать? — Обратился к взрывному мастеру капитан Крапивин.

Во! Наш человек. Пишу, пока они не ушли.

Вячеслав Андреевич, разрешите доказать на практике, что заряда хватит.

— Не выдумывай, тут надо минимум килограмм тротила, или шпур бурить. Конечно, можно ещё направленным подрывом попробовать, но..., — старик обвёл руками вокруг. — я не вижу здесь ничего из перечисленного. Значит, не зачёт.

Подёргал за рукав капитана Крапивина. Мол, давай разведка — помогай уговаривать.

Старого упёртого шахтёра пришлось долго убеждать, но всё таки мы его дожали. Не последним козырем, было то, что я оставался крайним на сегодня. Но, также были подозрения, что старик просто любит что-нибудь повзрывать и сам был не прочь провести шумный эксперимент.

Дождавшись окончания экзамена, когда все остальные отправились на плац для получения взысканий и поощрений. Два капитана и я остались подрывать авторитет старого хрыча Ефанова.

Убедился, что мужики спрятались в учебном ДЗОТе, запаливаю фитиль и бегу к ним в укрытие.

— Бу-бу-ух!!! Еплысь!!! Подняв кучу пыли, тумба накренилась и соскочила со своего основания. Именно так, как и предполагал, по косо́й внутренней трещине. В измазанной грязью кирпичной кладке, её мог заметить только такой как я.

— ... Сказанное вам сегодня Анатолием Никоновичем про наркома, не соответствует действительности. Это неправда. Так было нужно для экзамена...

Объясняя, этот опасный момент обучения, Аристарх Абросиевич взволновано указывал на необходимость такого шага и благодарил всех за принятие правильного решения.

— Что касается итогов обучения. По общим баллам лидирует лейтенант Васильев. Но ему следует подтянуть стрелковую подготовку с автоматическим оружием, есть небольшие огрехи.

Очень достойно показали себя наши радисты, оба справились на отлично. Молодцы. Василий! Не отвлекайся! У тебя с пулемётом не так хорошо, чтобы радоваться, есть над чем задуматься.

Выговорив простоватому Попову за разговоры в строю, неожиданно для себя остановился возле дьявольского исчадия. На миг зажмурившись, он отвернулся и незаметно поплевал через плечо.

— Тьфу, тьфу, тьфу.

В глазах бесёнка мелькнули смешинки, как будто он увидел этот, некрасящий советского командира, поступок. Скрывая внезапно возникшее чувство смущения, сделал паузу закуривая папиросу.

— Товарищ майор, разрешите обратиться. Что у бойца Уцы с результатами? Всем очень интересно.

Передёрнувшись от этой клички, Данилин посмотрел на спросившего. Ясно, любопытный Галанин, желающий узнать всё на свете.

— Этот молодой человек занимается отдельно, его нет необходимости оценивать, как остальных.

— Арик. — Сзади подошёл, приехавший за этим исчадием, Юра Геллер. — Давай, не чинись, мне тоже интересно.

"Да пропадите вы пропадом со своим героем". — В сердцах подумал Данилин. — "Носитесь с ним, как с писанной торбой".

Он недобро посмотрел на друга. — Хорошо, но пусть преподаватели сами озвучат его результаты.

Сейчас посмеёмся. Физподготовка ужасная, азбуку морзе освоил паршиво, про языки вообще лучше не вспоминать.

Первым высказался Филиппыч. — Даже не знаю как его оценивать. С оружием управляется неправильно. Переучиваться не желает, но нормативы сдаёт. Упражнение номер три выполнил необычным образом. Выбрал неочевидную позицию и выбил двадцать четыре очка из двадцати возможных, поражая некоторыми выстрелами по две мишени сразу.

Воентехник первого ранга Ефанов также не смог дать однозначной оценки.

Все виды ориентирования, холодное оружие, стрельба, санитарное дело, радиодело. Все говорили о неоднозначных результатах Уцы в их дисциплинах.

Твёрдо были уверены только в одном. Нормативы по физической подготовке у парня оказались на нижней допустимой границе, ту же гранату кидал хуже всех курсантов.

***

Последнюю неделю солнышко всё также прогревало воздух, но в мелочах наступившая

осень уже ощущалась. Несмотря на накинутую куртку, на выходе из машины, продуло зябко-противным ветерком.

Проведя последнюю ночь в школе, переодетый и отмытый, с утра опять превратился в Колю-героя. В школе курсанты не должны были знать кто такой боец Уцы. Но в городе, Сергеич приказал без наград не появляться, тут же подарив серую вельветовую курточку, которая их успешно скрывает. Ну, да. Где армия, а где логика.

Из школы, Геллер привёз меня в свою контору, вручил талон и отправил в подвал завтракать, а сам убежал по делам, пообещав, что скоро подойдёт.

Спустившись в подвал, поздоровался со знакомой раздатчицей Верой, впервые увидевшей такого красивого меня.

Держу поднос в ожидании хоть какойнибудь еды. Тишина. Помахал перед её лицом рукой, добываясь отклика, но девушку переклинило.

— Пресвятая Дева, Мати Божия! — Разродилась она странным возгласом. Я даже оглянулся, может за спиной крылья появились? Вроде бы нет, как и нимба над головой.

— Сейчас, сейчас всё будет. — Пообещала девушка, превращаясь в метеорчик.

— Шлёп, шлёп, дзынь, — и завтрак на подносе. Ух-ты, даже белый хлебушек с дополнительной котлеткой? М-м. Кашка манная с масличком. Всё, пошёл хомячить.

Сижую, кушаю, никого не трогаю, размышляю над брэнностью бытия и вредностью аборигенов из школы.

Собаки сутулые, физподготовка им моя не понравилась. А то, что у меня нога до сих пор ноет? А сотрясение? Не говоря о том, что шестнадцать исполнилось Коле Кувшинову, а не этому худющему тельцу детдомовца Аркаши, в котором скрывается супермозг из будущего.

Видите ли не так всё надо делать. Тьфу на них. Какая нахрен разница, если есть результат?! Не так стреляю, не так бинтую. Тьфу на них ещё раз. Был бы голос, я бы их так смачно обматерил. И Данилин хорош, до сих пор не может простить моих шалостей, злыдень злопамятный.

— Молодой человек, в помещении головные уборы принято снимать, особенно за столом во время еды.

Твою дивизию! На секунду подумал, что меня преследует тот хмырь, летун-полковник из кремля. Нет, какой-то летёха.

Хочется посмотреть на мою "плешку"? Вперёд, только не доставай, не до тебя сейчас лейтенант, я даже про еду забыл, с этими экзаменаторами-формалистами.

— Надень пожалуйста пилотку, больно смотреть. — Вера подошла к столику и смотрела глазами недоенной бурёнки. От её хорошего настроения ничего не осталось.

Ну, ты ещё погладь меня рёва-корова. Задолбали отвлекать. Нахлобучил пилотку обратно и взялся за ложку.

— Закончил? — Подкрался Юрий Сергеевич и, чуть ли не подпрыгивая от возбуждения, потащил меня на выход.

Нет, я хоть и не снимаю шапку, но культуре мало-мальски обучен. Поднос отправился в окошко мочной, а Вере показал подготовленную картонку с написанным большими буквами словом "СПАСИБО".

— Пошли скорее, машина ждёт. — Торопил Геллер, хромающий сильнее обычного.

Мы уже поднимались на первый этаж, когда девушки из столовой, шушукаясь между собой, выдвинули версию, что меня пытали фашисты и отрезали язык. Во дурёхи. В

следующий раз покажу им его, пусть дальше гадают.

Заехали на Малую Дмитровку, к майору на квартиру, где он забрал большой баул, набитый чем-то мягким. Оттуда поехали на юго-восток. Не в Сталинград? Нет?

Спрашивать куда мы едем смысла нет, в лучшем случае отшутится, или, как бывало чаще, просто промолчит.

В Люберцах остановились у деревянного забора, ограждавшего местную комендатуру, в которой Сергеич разузнал о машинах идущих в Верхнее Мячково. Через коменданта нашёл водителя, предъявил проездной документ и договорился о месте для меня.

Это было неожиданно. Я не был готов к такому повороту. Блин, столько не знаю и спросить нет времени. Складывается впечатление, что Геллер торопится специально — не хочет отвечать на мои вопросы.

Залез в кузов полуторки и принял поданный им баул.

— Тебя встретит лейтенант Щербаков, Иван Васильевич. Он всё объяснит. Держи, здесь документы. — Юрий Сергеевич стоял у борта, передавая напутствия и плоскую жестяную коробку.

— Прощай Николай. Может ещё увидимся.

Зажатый между фанерными ящиками, набитыми парафиновыми свечами и громоздкими запчастями для какой-то техники, сидел с баулом в обнимку и грустил.

Всё куда-то бегу, суечусь, барахтаюсь и бац — засосало так, что всё — финиш. Как тот кораблик в весеннем ручье, что плывёт сам, но из берегов не вырвется, да ещё и палкой детишки тычут — направляют. Вариантов у кораблика немного. Если не развалится, может гденибудь в корягах запутаться, а может выплыть на большую воду. Где я сейчас? В корягах запутался?

— Станция Березай, кому надо вылезай.

М-да. Шофёр, мужчина весёлый. Тут не вылезать надо, а заныривать, грязи вокруг по колено. Теперь понятно, почему Сергеич меня пересадил, если уж на полуторке застряли, то энкавэдэшная "Эмка" и подавно бы не проехала.

Водитель в возрасте и с ним молодой лётчик в звании старшины вылезли на подножки грузовика, обозревая бескрайнюю жижу.

Во-во. Прямо как я в этой действительности, застряли и не вырваться.

— Слушай, парень. Саныч пойдёт за помощью, сами не выберемся. Ты с ним, или?

Или? Епт-ыть. Хрен поймёшь этих аборигенов. Отрицательно мотаю головой. На фи пачкаться, лучше здесь покемарю.

Проснулся уже вечером. Прислушался. Шелест листвы на ветру. В лесу безобразничают шумные вороны, отбирая у тощей лисицы полуобъеденную зайчью тушку. Людей не слышно.

Водила блаженно посапывал лёжа на руле, а старшина, который отзывался на Саныча, до сих пор не объявился. Соответственно, никто к нам на помощь не спешил.

Чтобы чем-то себя занять, решил провести ревизию того, что передал Юрий Сергеевич. Начал с коробки, как с более важного для меня.

Просмотрев содержимое, доложил туда награды с удостоверением и свидетельство о рождении. Теперь в ней лежат: деньги, в количестве тысячи двухсот рублей, два письма от Сергеича, медицинская карта и сопроводительные документы для оформления в лечебное заведение войскового тыла № 209. Для предъявления в номерной больничке: вещевой, денежный и продаттестат на выпускника ШОН В/ч № 117 убывающего согласно приказу № 354.

При себе оставил паспорт и комсомольский билет.

На самом верху здорового мешка лежал тот самый утерянный маузер.

У пистолета заменили щёчки со свастикой на новые, а кожух затвора отполировали и украсили убойной надписью. Теперь недруги сами будут стреляться, лишь завидев её.

К оружию прилагалась плечевая кобура из тонкой тёмно-коричневой кожи, сшитая по моему образцу. Не удержался, скинул ветровку и подогнал сбрую по фигуре. Идеально, под курткой не заметно и совсем не стесняет движений.

Весь баул, по сути, был комплектом обмундирования.

Посмотрел в вещевом аттестате, что за богатства мне всучили и офигел от щедрот товарищей из НКВД.

Аттестат на вещевое имущество выпускника ШОН В/ч № 117

Пилотка х/б

Шапка-ушанка мех

Куртка х/б на вате

Гимнастёрка шерстяная

Гимнастёрка х/б

мундир шерстяной

Шаровары шерстяные

Шаровары х/б

Жилет меховой

Свитер полушерстяной

Рубаха нательная

Кальсоны нательные

Полотенца

Перчатки

Плащ-накидка

Вещевой мешок

Ремень поясной кожаный

Портянки х/б

Портянки теплые

Сапоги яловые

Валенки

Что сделал в первую очередь, так это достал сапоги с портянками. Вокруг машины такая грязь, что потерю в ней свои ботиночки и никакие сверхспособности не помогут их найти.

Оставил в бауле ботинки, тёплые вещи и плащ. Всё остальное запихал в вещмешок, спрятав в середине коробку.

Э-ге-гей! Открывай Сова, медведь пришёл!

Постучал по крыше, предупреждая водилу о своём переселении, после чего полез в кабину.

***

— ...! Алло! Алло! Вас плохо слышно! Кто говорит?!

— Майор госбезопасности Геллер!!

— Да! Теперь нормально! Я вас слушаю!

— Могу я услышать товарища Щербакова из особого отдела?!

Но вместо ответа, в динамике опять зашуршало недовольными мышами и сигнал пропал окончательно.

В сердцах, Юрий Сергеевич грохнул трубкой об стол. Посидел, раздумывая кому можно позвонить ещё.

— Алло. Степан Ильич?... Добрый день. Не появился Щербаков?... Ясно. Ещё раз вас попрошу — звоните сразу, как объявится... Да. У нас нет информации. С аэродромом связи нет, а мне уже надо выезжать в штаб корпуса.... Оставьте информацию у оперативного дежурного, мне передадут... Хорошо. До свидания Степан Ильич.

Особист, лейтенант Щербаков, который должен был встретить Кувишинова и переправить с нужными пояснениями, не дождался его и улетел в Молотовск Архангельской области. Он передал информацию своему приемнику, но, по неопытности, сотрудник пропустил появление нашего героя на аэродроме, а в дальнейшем просто напросто забыл. Лётчики, познакомившись с Николаем, узнали о направлении в госпиталь, тем же вечером, посадили его на ПС84, летящий в нужный ему город.

Майор Геллер, не дождавшись вестей от Николая, отбыл на Ленинградский фронт, где через две недели погиб.

***

В машине спать было неудобно и холодно, решили взять необходимое и расположиться в лесу, выбрав местечко посуше. Хворост и пол стакана бензина помогли нам разжечь костерок, а четвертушка буханки хлеба на двоих позволила не помереть от голода. Романтика.

Ночью, ради тёплых вещичек, пришлось распотрошить мешок, на улице подмороживало конкретно. Теперь укладываю обратно, вместе с тем, что будет сейчас мешать. Забросал костер землёй и разбудил Евгения Мефодьевича. Ведь из-за холмов, к нам на помощь спешила кавалерия.

Безуспешно пытаюсь распрямиться, мутными спросонья глазами, мужчина обзревая округу. — Ох, спина! Что там Николка? Едет кто?

Едут, едут. Два трактора и семь бульдозеров с асфальтоукладчиком, будут нам шоссе мастерить. Показал ему десять пальцев и направление, откуда идут люди.

— О, это Саныч молодец, быстро справился, думал после обеда объявится. — Обрадовался шоферюга.

Чё?! Это быстро?! Знал бы о таком прикупе, умотал бы ещё вчера.

Старшина привёл с собой семерых невесёлых красноармейцев и двух разговорчивых баб в рабочей одежде. Мы, как раз добрались до машины, когда они показались на горизонте.

Участок грунтовки, где мы застряли, проходил в пологой низинке между глинистыми холмами. Вся влага от дождей накапливалась именно на дороге, а их, в последнее время, было с избытком. Тут, в первые в обеих своих жизнях, увидел как грузовик плывёт по грязи. Какое там по колено, кое-где колёса скрывались полностью.

— Э-эй, ухнем! Ещё раз, ухнем! — Руководил нами лётчик Саныч.

С такими лозунгами мы двигались чуть меньше километра. Участвовали все кроме Мефодьевича, ему ещё нас везти, а сидеть за рулём в виде жидкогрязевого голема, такое себе развлечение.

Только мы поднялись в горку, как почувствовал, что нас кто-то догоняет. Тащить из болота очередного безумного бегемота мне было не в масть. Откуда только силы появились. Активизировался и развил бурную деятельность по усаживанию глиняных людей в кузов.

Подталкивал, подпихивал и даже подпिनывал, правда по колесу, когда полуторка не захотела заводиться.

— Фыр-фыр-фыр. — На нервах, я не заметил, как завёлся двигатель, понял по задрожавшим от вибрации доскам кузова подо мной.

Ху-у-ух. Успели. В следующий раз, когда услышу страшное "ИЛИ", сто раз подумаю. Упёр бы свой мешок, не развалился бы. Зато не пришлось бы мёрзнуть в ночном лесу, а затем бурлачить, меся глину всем телом. Этот особый кайф, когда спотыкаешься и падаешь лицом вниз, не забуду ещё долго.

Вроде только всё наладилось, едем, мужики шутки шутят, все смеются. И вдруг бац — ливень. Холодный, промозглый, осенний ливень. Бр-р-р. С нас стекает грязь и под нашими ногами образуется м-а-аленькая жижа. Детёныш той, из которой тащили грузовик. Вскоре опять пришлось вылезать и толкать, но это было несравнимо с предыдущим разом. Так, лёгкие шалости. На аэродром мы приехали мокрыми с головы до пят, но хоть не такими грязными.

Куда мне тут идти и где искать встречающего, ни малейшего понятия. Решил, что направлюсь с мужиками в казарму греться и обсыхать. Стуча зубами от холода, поблагодарил Саньча за помощь в доставке мешка, один бы я никак недопёр.

Пока в предбаннике обмывался из тазика, ко мне прицепился один молодой балабол с малоросским выговором.

— Пионер, де тебе так зачепило? — Спросил, показывая на мою макушку и бедро с двумя свежими шрамами. — З козлом рогами буцався?

Я усмехнулся, представив того немца в подштаниках и с рогами. Хорошо, что фриц из карабина стрелял и пуля прошла навывлет, как бы я выковыривал пулю в полевых условиях, даже не представляю.

— Славик, не трогай пацана. Если не можешь отличить пулевое ранение, от козлиных рогов, то свистуй к техникам машину разгружать. — Вступился его сослуживец, сидящий рядом со мной, у такого же тазика.

— Мени не можна, Я на посту. Петро, так я ничего такого не сказав. Поранений? Звидки вин кулю знайшов? — Не унимался любопытный.

Более опытные красноармейцы грохнули смехом. Один усач наставительно объяснил. — Дурень, её не надо искать, она сама находит.

Я даже привстал с табуретки и пожал ему руку за такие верные слова.

Человек Геллера, лейтенант Кудряшов, улетел, пока я дремал в кузове полуторки. Хрен знает, как бы пошло дальше, если бы не ребята помогавшие вытолкнуть грузовик. Благодаря этим отзывчивым мужикам из БАО, меня засунули в пассажирский самолёт вылетающий в нужный мне город.

По прилёту пилоты посадили меня к водителю вывозящему изношенные авиационные движки с аэродрома на жд станцию, для отправки в опытовый отдел.

— Удачи боец. — Попрощался улыбочивый водитель из солнечной Абхазии.

Я помахал уезжающей машине в след, взвалил на плечо баул и пошёл сдаваться местным врачевателям.

Говорить я начал на второй день пребывания в госпитале. Всё произошло само собой, без медикаментов и сеансов шоковой электротерапии, даже гипноз не понадобился.

— Мля-а-а! — Вырвалось из меня во время падения на скользких, недавно вымытых ступеньках.

— Сшит колпак, не по-колпаковски, вылит колокол, не по-колоколовски, надо колпак переколпаковать, перевыколпаковать, надо колокол переколоколовать, перевыколоколовать. — Протараторил, потирая отбитую задницу.

"Итить-колотить! Ура, заговорил!" — С интонацией кота Матроскина откликнулся внутренний голос.

***

— Семён Альбертович, с вас четырнадцать папирос.

— Слушай, Коль, с тобой в карты играть — одни расстройства, ты бы хоть иногда проигрывал, для приличия. — Пожаловался наш истопник.

— Не-е, если я проиграю, то у вас интерес пропадёт, а где ещё я найду такого собеседника.

Игры в карты оказались хорошей тренировкой для моих способностей. Можно закрыть глаза, сосредоточиться и выделить запах каждой отдельной карты, а можно пойти по иному пути — "читать" соперника, ориентируясь на изменения в его организме.

Мужчина, прекратив пересматривать последний "отбой", довольно засмеялся. — Ты, как говорить начал, совсем другим стал. Весёлый, тебе бы на сцену.

На фиг, на фиг. Ляпну чтонибудь и привет Колыме.

Я поднялся с чурбака, заменяющего мне табуретку, забрал свой выигрыш и поспешил в палату, надо было успеть вернуться до обхода.

Поднявшись на второй этаж, на цыпочках просочился мимо задремавшей постовой сестры. И затем, старательно шоркая тапочками, возвестил её о своём присутствии.

— Доброго утречка, любезная Анастасия Вячеславна. Вы сегодня так шикарно выглядите. Может вы возьмёте надо мной шефство и мы посетим городской театр? Вы бывали местном театре? Там замечательные декорации, а какой состав! Восторг! Сегодня дают "Пиковую даму". Потом будем есть мороженое, пить лимонад "Дюшес", а вечером пойдём любоваться закатом на берегу...

— Ах, ты негодник! Ох, я сейчас покажу тебе закат! — Трёхподбородистая дама, с грацией суммоиста на пенсии, погналась за мной по коридору. — Стой, не смей убежать!

Пробежав всего несколько метров, она запыхалась и остановилась, прижав руку к груди.

— Ху-у-у. Вот поганец. Ишь, чего удумал — закатом любоваться. Холодно же!

Благополучно избежав трёпки свернул к галерее между корпусами, откуда уже спокойным шагом дошёл до палаты.

Хмурый сосед, с культей вместо левой кисти, поблагодарив за переданные ему папирсы, сообщил, что доктора ещё не было.

— Да, знаю. — Ляпнул, не подумав, но сразу исправился. — Настя на посту сказала.

Помимо словечек, незнакомых нашим предкам, подобных оговорок, у меня по десять раз на дню случается, хоть рот зашивай. И пусть в стукачестве здесь никто не замечен, всё бывает до случая. Попадётся особо бдющий товарищ и просигналит куда следует на чудика

болтающего не по-нашенски.

Присев на широкий подоконник, стал рассматривать людей во дворе. Вчера, из под Москвы, пришёл состав с ранеными. И сегодня с утра, большинство ходячих вышли подышать свежим воздухом, ведь после прибытия санитарного состава, запахи в отделениях стоят специфические. День - два, всё отмоется и проветрится, но пока внутри воняет просто адски. В нашей палате все уже привычные. К примеру, Дима у двери, полтора месяца здесь кантуется, у медсестёр за добровольного помощника считается.

— Дим, тебя когда выписывают? Что на комиссии сказали?

Мля-а-а! Как приятно поговорить. Просто так, поболтать, ни о чём конкретном.

Откладывая "Известия" в сторону, довольный Дима сообщил. — Годен! Направят в батальон выздоравливающих.

— Почта была? Что хорошего пишут? — Спросил, для поддержания беседы.

— Да-а. Всё одно и тоже. Лучше бы мамка написала.

Он замолчал. Это было больной темой для всех, кто родом с оккупированных территорий.

— Смотри. Николай Кувшинов, полный твой тёзка. — Показывая открытку присланную родителями, сказал Веня из Пензы.

Ух-ты нах-ты. Лицо, перерисованное художником с фотографии, могло принадлежать какомунибудь богатырю, но никак не худощавому подростку. Охренеть, меня уже на почтовых открытках печатают.

— А где такую найти? — Загорелся идеей приобретения.

— Ха-ха-ха! — Засмеялся Веня. — А что, немного похож! Хорошая идея. Будешь всем говорить, что ты, это он. Девки сбегутся... эх молодой ты ещё, завидую. Вся жизнь впереди.

— У нас в колхозе один тракторист остался и один комбайнер. — Перевёл тему другой Дима, который у окна. — Совсем худо будет. Одни бабы работать остались. Тимофеевна пишет, налоги повысить хотят. Чем зимой кормиться?

Младший политрук Крынкин не стерпел, приподнялся на кровати. — Ты давай не разлагай народ, выдержи твои. Немца погоним всем легче станет.

— Пётр Мироныч, думаете скоро погоним? — Захотел услышать мнение современного коммуниста.

— А ты как думал. Однозначно! Пара месяцев, и наши силы стянутся к фронту. Ты, Николай, просто не видишь всей картины в целом. Красная армия, это такая громадина, что за один день не соберёшь. — Встав на проходе, излагал низкорослый Крынкин своё виденье ситуации, до изумления, напоминая Владимира Вольфовича из девяностых.

— Как соберём всё в один кулак, так и погоним гадину фашистскую!

Ясно. Все соберутся, напрягутся и всё будет хокей. А старики, женщины и дети потерпят пока в тылу, спрячутся за широкую спину красной армии, голодая и работая на заводах вместо воюющих мужиков.

Яков Афанасьевич, со своей свитой, уже вышел из хирургического, направляясь в наше крыло и я счёл нужным предупредить разбушевавшегося оратора. — Пётр Мироныч, вот зайдёт сейчас военврач, а вы подштаниках — неудобно получится.

На мои, с завидным постоянством сбывающиеся предсказания, многие стали обращать внимание. Пётр не был исключением, даром что ярый материалист, тут же свернул свою агитпрограмму, решив послушаться моего совета.

— Здравствуйте товарищи. — Вошёл улыбающийся заведующий. — Как настроение?

Все выздоравливающие, кроме однорукого Максима, стали заверять его, что всё прекрасно и жизнь хороша. По разным причинам, но все как один желали покинуть сие заведение.

Мы тщательно были осмотрены и выслушаны этим лучащимся жизнерадостью толстячком.

— Пряхин, Скворцов и Кувшинов, буду вас оформлять на выписку.

Я поспешил прояснить, мучавший меня вопрос. — Яков Афанасьевич, а по мне не приходил ответ?

— Ээ... Николай? Твой знакомый нам так и не ответил, а из части, указанной в направлении, поступило сообщение, что курсант Кувшинов окончил обучение и больше к их ведомству не относится.

— И куда я теперь?

— Извини, это уже не ко мне вопрос, у нас военный госпиталь. Получишь выписку — сходи в комендатуру. Там разберутся.

Утром, оставив пожитки на хранение у Семёна Альбертовича в котельной, приделся во всё новенькое и, взяв выписку с прочими документами, отправился на штурм комендатуры.

Встревоженный молчанием Сергеича, по дороге зашёл в районный почтамт, где отправил ему открытку с моей героической физией.

В одном из оставленных им конвертов, он говорил о том, что после госпиталя вернёт меня в Москву. Для чего, он не уточнял, но думаю намеревался пристроить куданибудь в своём ведомстве. Хотя, не исключая, у Берии какой другой замысел был.

Второй конверт, пока не открывал, как он и просил. Он так и подписан — номером и с пометкой не вскрывать. Может он предназначался Щербакову? Хрен его знает. Написано не открывать, значит не открывать.

— Откуда говоришь? Из госпиталя? Что за школа? Диверса-анты? — Протяжно переспросил щеголеватый шатен с одной шпалой в петлицах. — Там всё так плохо, что шестнадцатилетних набирают?

Мужик вроде бы правильный, сразу не отфутболил, пытается разобраться.

— Нормально там всё, не пропустят немца, просто я лучшим был... стрелком.

— Что, хорошо стреляешь?

— Из всего и лучше всех. — Честно ответил, потупив глазки от смущения.

— Ха! Боевой парень! А родные что? Живы? — Ощерив в усмешке прокуренные зубы капитан смотрел мимо меня в окно.

— Погибли.

Он мазнул по мне взглядом, словно оценивал заново. — Пистолет, винтовка, пулемёт?

— Миномёт, зенитка, пушка, гаубица... танк, катер, самолёт.

— Да-а, тебе палец в рот не клади. — Капитан пощёлкал пальцами, что-то разыскивая у себя на столе.

— Вот она... Так, смотри. У нас запрос на хороших стрелков из спортивных клубов и сообществ. Курсы снайперов создают. Пойдёшь? Полгода всего.

— Нет товарищ капитан. За полгода я их ничему не научу. Минимум месяцев восемь надо.

— Ха-ха-ха! Шутник.

— Да какие шутки. Как есть говорю. Чему меня там могут новому научить?

— Так уверен в себе? А если проверить? Не забздишь?

Я вытянулся по стойке смирно. — Никак нет. Не забдю!

— Хм-м. Тогда погуляй до обеда, а там съездим кой-куда, посмотрим какой ты стрелок. Ворошиловский, али языком почесать. Смотри, если окажется, что ты пустобрёх, я тебя в такую дыру зашью...

Какой грозный дяденька. Нет такой дыры, из которой я бы не выбрался.

***

Когда Артём Гвардин вышел перекурить на улицу, он увидел, как в скверике напротив комендатуры вышагивает юный диверсант. Что ж, раз не сбежал, то придётся ехать на полигон. Выкинув окурочек, крикнул, приглашая к себе в машину.

— Поехали!

Юноша с готовностью подбежал и, по хозяйски пристроив объемистый мешок на заднее сиденье потрёпанного жизнью Форда, запрыгнул рядом.

— Вот сбежал до больнички, решил сразу вещи забрать. — Пояснил в ответ на выразительный взгляд военкома.

Заводя двигатель Артём хмыкнул, удивляясь наглости молодого поколения.

***

— Дядя Вить! Возьмите, здесь бумаги на курсантов, с сегодняшнего дня оформил вас на довольствие. И ещё одно, надо бы проверить подготовку у того юноши. Убеждает меня, что лучше него тут снайпера не найти.

Инструктор скептически посмотрел в сторону указанного подростка. Отрицательно покачав головой, ответил. — Совсем нет времени на баловство, у меня занятия идут. Оставляй до завтра, с утра скажу.

Гвардин показательно развёл руками. — Слышал что Виктор Валентинович сказал? Здесь, он командир. Ну что, остаёшься?

Этот странный хвастунишка опять не выказал сомнений и колебаний. — Без проблем, останусь.

***

Тут, действительно всё только создавалось. Судя по размерам территории и охраняемым складам, курсы развёртывали на базе полигона зенитно-артиллерийской батареи. Шестиместные палатки, стоявшие в два ряда и двухкотельная полевая кухня. Вот и все благоустройства, даже скворечник туалета ещё не доделали.

— Как зовут?

— Николай Кувшинов. — Представился странному Вите. Кто он такой — непонятно. Одет по гражданке и по выправке не видно в нём кадрового. Обычный сухощавый мужичок лет шестидесяти,

— Видишь ребятки на скамеечках сидят? Присоединяйся.

О, наконец-то я не самый мелкий. Пятнадцать юных, не очень юных и совсем не юных мужчин расположились на длинных лавках. Похоже, у них идёт вводная лекция.

— Продолжим. Поиск и уничтожение командного состава, наблюдателей и связистов. Подавление огневых точек противника, особенно замаскированных и бронированных. При невозможности подавления, требуется ослепить противника частым огнём, двух и более опытных снайперов.

Снайперы ведут прицельный огонь по наземным целям до тысячи пятисот метров. Но, не забывайте, стрельба для снайперов ограничена возможностями прицела. Видимость цели, её важность и возможность поражения...

Виктор Валентинович прекратил расхаживать перед заскучавшими слушателями, остановившись возле крупного парня тюркских кровей. — Ибрагимов, можешь дополнить список первоочередных целей у снайпера?

Он, неожиданно высоким голосом, промямлил. — Эм-м. Танки и самолёты?

Все дружно засмеялись, но преподаватель строгим голосом остановил смех. — Зря смеётесь. Курсант Ибрагимов всё правильно сказал. Экипаж, покидающий подбитый танк, очень хорошая цель для снайпера. А обстрел низколетящего самолёта, может сбить ему прицельное бомбометание, или пулемётно-пушечную стрельбу с пикирования.

Он повернулся ко мне. — Николай, есть что добавить?

О да, мне можно много чего добавить, но стоит ли?

— Главная цель снайпера — выполнять приказы командира. Вторая цель снайпера не погибнуть при выполнении этих приказов. Остальное, это уже не цели, а работа. А в каждой работе, есть особенности, конкуренты и соперники. Нельзя забывать, что охотник может легко превратиться в жертву. Поэтому, сперва надо убедиться, что на контрольном участке нет снайперов противника и вооружения, из которого могут накрыть предполагаемое место нашего нахождения, а потом уже выбирать приоритетные объекты. Обезопасив себя от ответного огня, объектом становится всё остальное. Мне продолжать?

С трудом удержался, чтобы не сказать "мент родился".

— Хм-м. — Нарушив возникшую тишину, Виктор Валентинович прокашлялся. — Прекрасно сказано. Если есть, что сказать по поводу опасных для снайпера вооружений, то попрошу уточнить.

— Любое дальнобойное. В первую очередь страшен миномётный огонь по площадям. В этом случае желательно иметь подготовленное укрытие, мягкую газетку и запасные штаны. Если нет ничего из этого, то остаётся искать вражеского корректировщика в испачканных штанах.

— Ха-ха-ха.

Немудрёная шутка зашла на ура, сбросив создавшееся напряжение.

— Молодец Николай, вижу с теоретической частью ты хорошо знаком, а как у тебя с практикой?

— Приходилось.

Парни вокруг зашумели, перекрывая голос Виктора Валентиновича.

— Тихо. Тихо!

Ого. А у этого сморчка охренительный голосище, минимум полковничий.

— Закончили говорильню. В шеренгу становись! Налево! Колонной по одному, шагом марш!

Кто шагает дружно в ряд — пионерский наш отряд. Строевая, это конечно нужная вещь, но такая утомительная.

***

— Перед вами магазинная винтовка калибра 7,62 миллиметра конструкции Сергея Мосина... бла... снайперская винтовка... бла... бла... приступить к разборке.

Походили строевым шагом, поразбирали и пособирали трёхлинейки, затем приступили к обзору стрельбища.

— ... Без этого навыка из вас не получится снайпер. — Он раздал брошюрки "Курс стрельб для подготовки снайперов". — Здесь вы найдёте рисунки, поясняющие как с помощью оптического прицела определить расстояние до цели.

Я шагнул вперёд. — Виктор Валентинович, разрешите приступить к практической стрельбе?

— Разрешаю.

Но только я дёрнулся к винтовке, добавил. — После того, как определишь расстояние до всех мишеней. — Он протянул трубку прицела.

— В метрах, или сантиметрах?

Мля! Ну вот откуда это из меня прёт?! Так бы и дал себе по губам.

— Как удобно, так и говори. Тут всё промеренно и записано.

— От рубежа, до ближней мишени — двадцать одна тысяча семьдесят сантиметров. Следующая — три тысячи.... Последняя — сто пятьдесят тысяч сто семьдесят три сантиметра.

Для правдоподобности пришлось подержать прибор у глаза, но, честно говоря, он только отвлекал.

— Кх-м. За лишние сантиметры не уверен, но в общем и целом всё верно.

Наконец-то добрались до практики.

Сосредоточился и сделал пристрелочный на пятьсот. Светящейся линией, траектория пули легла на трёхмерную карту местности. Мне не надо подстраиывать прицел — всё уже учтено: температура, скорость ветра, перепад уровня земли, закручивание пули в полёте... Соединяй прямую ствола с виртуальной линией и стреляй.

Задыхал ровнее, забыв про уставившиеся мне в спину шестнадцать пар глаз, сделал подряд четыре выстрела. Пятьсот, восемьсот, тысяча и полторы тысячи.

Мы не дошли до последней мишени метров триста, инструктор осмотрел её через бинокль. Фигуру из фанеры зацепило всего в паре сантиметров от края, но отверстие было ровно по центру головы.

— Как-то так. — Довольный результатом, прокомментировал свою меткость.

"Остановите! Вите надо выйти"! Мужик уставился на меня, как на Николая Чудотворца, предъявившего комсомольский билет

— Охренеть!

— Я тебе такую бронь сделаю, никто не подступится. Оставайся. А?

На четвёртый день, этот языкастый искуситель, практически уговорил меня остаться, но тело юного детдомовца, насыщавшее мозг взрывными порциями гормонов, жаждало приключений.

— Виктор Валентинович, если бы я хотел спокойной жизни и где-то отсидеться, кто бы мне помешал? — Показываю ему надпись на Маузере. — Нет, не могу, моё место на фронте.

Дядя Витя стал единственным после Москвы, которому рассказал про фон Бока и награждение. Этот профессиональный военный сразу понял, что я не от мира сего. Только этот рассказ и смог спасти меня от разбушевавшегося старого снайпера. А теперь, он ни в какую не хотел отпускать меня, уговаривая остаться инструктором.

— Вы отличный инструктор и сами сможете подготовить будущих снайперов, а я больше практик.

— Слушая тебя, я уже засомневался в своих познаниях.

— Так лучшим учителем является современная война. Массовое использование радиосвязи корректировщиками, насыщенность войск пулемётами и миномётами. Всё меняется и усложняется. Буду вам отправлять письма, если не против. Может чего умного присоветовать смогу.

— Ох, Коля, чего тебе спокойно не живётся? Голова светлая, сколько интересного с тобой за эти дни придумали. А эти глушители точно существуют?

— Уверен. Надо вам запрос отправить, через это ведомство. — Похлопал по боку с пистолетом. — Только просьба у меня к вам. Не надо про меня никому рассказывать и тем более упоминать в запросе.

***

— Артёмка. Млять! Как же это сказать... в общем, сделай всё возможное, но не дай этому парню пропасть в мясорубке. Понял? Это не просто просьба от брата твоей матери, а приказ старшего по званию.

Таким взволнованным капитан видел дядю Витю впервые и слегка обалдел от его напора.

— Я написал на Кувшинова характеристику, на имя Самохина, для присвоения ему звания сержанта.

Естественно я подслушивал беседу комендача с его дядей. Судя по содержанию их разговора, Виктор Валентинович оказался тем ещё перцем, связи имел на самом верху. Помимо характеристики в облвоенкомат, подготовил письмо для первого секретаря обкома, на случай, если у племянника не получится с военкомом. Так, в итоге и получилось.

— Он со мной. — Капитан остановился возле красноармейца у двери и обернулся ко мне. — Не стой столбом, проходи.

— Степан Никонович, день добрый. У вас найдётся пара минут для меня?

— Проходи Артём. — Поднялся из-за стола высокий мужчина, одетый в обычную тёмную гимнастёрку, без знаков различия и наград.

Сорок — сорок пять лет, зачёсанные назад волосы, сжатые в тонкую полоску губы, широкий подбородок с ямочкой и внимательный взгляд серых глаз.

— Что стряслось? — Поинтересовался областной управленец. — С Виктором Валентиновичем что-то?

— Нет, с ним всё хорошо. Я от него, но по другому вопросу. Он написал вам, прочтите.

— Не вижу здесь проблем. — Сказал он, после того, как прочитал записку. — Переговори с Самохиным. Пусть оформит как добровольца и отправляет на формирование.

— У Николая все документы в порядке, закончил курсы разведчиков-диверсантов в Москве. Образованный... По словам Виктора Валентиновича, он отличный снайпер. Вот, он написал характеристику для присвоения ему звания сержанта.

Нахваливающий меня капитан протянул листок первому секретарю. — Без вашей резолюции, Самохин отказывается присваивать звание.

— М-да, согласен. Это уже сложнее. По приказу из НКЮ, ему красноармейскую книжку выдать надо. Чья там будет роспись? Правильно, Самохина! Парню даже восемнадцати нет, а вы хотите ему звание присвоить? Потом спросить могут, чем военком руководствовался. Слова Виктора о том, что он отличный парень, к делу не пришьёшь.

Партиец сел на свой стул. — Нет, не подпишу. Я не хочу брать на себя такую ответственность за совершенно незнакомого мне человека.

Ну, мужик хотя бы не стал юлить и делать вид, что сожалеет, сказал что было на уме. Я пораздумывал чутка и решил выложить свой козырь. Всё равно планировал отделаться от опеки старого снайпера — не дай бог, с его протекцией куда-нибудь писарем зашлют. Я же повешусь там.

— Товарищ Гвардин, позвольте переговорить со Степаном Никоновичем наедине? У меня есть некоторые... Эм-м-м... подтверждения моих способностей, которые я не хотел бы афишировать.

Оба товарища насторожились, услышав такие слова от шестнадцатилетнего подростка, но, оценив все за и против, поколебавшись, капитан всё же уступил и вышел.

— Товарищ первый секретарь обкома, разрешите представиться, как положено. — Сказал, как только мы остались вдвоём. — Вы про меня знаете. Наверняка читали в газетах, может и фотографию видели.

Собираясь вчера в комендатуру, не захотел оставлять в палатке ценные вещи и прикрутил звёздочку и орден на гимнастёрку.

Я демонстративно распахнул ватник. — Мне кажется, что с такой пометкой в красноармейской книжке, у проверяющих вопросов не будет.

***

Чтобы передислоцировать одиннадцатитысячную дивизию, понадобилось целых шестнадцать эшелонов.

— Ты-дых, ты-дых. Ты-дых, ты-дых. — Наш эшелон мчался к Тульской области и был раскочегарен не на шутку. Едем не на курорт — воевать. Но, не могу сказать, что окружавшие меня красноармейцы были расстроены этим, или подавлены. Отдельные личности конечно попадались, которые доставали остальных своим нытьём, но таких быстро вразумляли дружеским тычком в зубы.

— ... *Легла родимая, необозримая, несокрушимая моя! Нам нет преград ни в море, ни на суше. Нам не страшны не льды, ни облака. Пламя души своей, знамя страны своей, мы пронесем через миры и века!*

Песни поют наши энтузиасты, етить их налево. Кипит мой разум возмущённый, от этих комсомольцев-добровольцев. Интересно, на сколько хватит их запала? Как они споют, когда рядом будут лежать мёртвые и раненые товарищи?

— Слышь. Где ты так прибарахлился? — На моё плечо легла рука коренастого парня

лет двадцати. — У всех шинели, а тебя бушлат командирский? У тебя какой размерчик?

— Не слышь, а старший сержант. И, если не уберёшь свою клешню — погну в неположенном месте.

— Смотри-ка братцы! Студент-то с зубками! А-а-ааа! — Заверещал он, когда мелкий сержантик, скромно сидевший в углу, выгнул ему мизинчик, на пару с безымянным. — Пуст... хр-р!

Конечно же, пальцы ломать не стал. Всего-то, хорошенько щёлкнул по кадыку и оттолкнул. Слишком говорливый этот приклатнённый крепыш, болтать теперь нескоро сможет. Оп-пачки, с ножиком побаловаться решил? Пришлось вставать. Лезть в драку не собирался. Если этот дурак кинется с ножом, то получит пулю в ногу.

— Утихни! — Скомандовал старшина нашего взвода. — Под трибунал захотел? Сядь на место и чтобы я тебя больше не слышал.

— Садись. — Худощавый, широкоплечий старшина похлопал по доскам рядом с собой. Чего ж не пересесть, у печки всяко теплее будет.

— Илья Павлович Прохорин.

Посмотрел на протянутую пятерню. — Старший сержант Кувшинов.

Не дождавшись моей руки, он не выглядел удивлённым. — Чего такой ершистый? Ванька шутковал, а ты ему руки крутить.

— Старшина, если хотел пообщаться, то надо было сразу позвать, а не подсылать этого гоблина.

Или пытаюсь понять кто такие гоблины, или не зная что говорить, Илья тянул с ответом. Открыл дверку на металлическом бочонке печки и подбросил в топку небольшое полешко.

— Кто сказал? — Спросил он, спустя некоторое время.

Стянув сапоги, неторопливо перемотал портянки. Я тоже умею нервировать собеседника и тянуть время.

— У меня слух хороший и котелок варит. Думаешь меня за красивые глазки позвали в разведроту? — В конце улыбнулся и толкнул его в бок. — Начнём всё заново? Мир?

— Хм-м. Лады. Но, с условием. Ты руку-то из кармана убери и расскажи. Откуда такого нарядного к нам прислали. Только чур без вранья.

— А с чего мне врать-то? Из госпиталя, доброволец.

— Ну-ну. — Почему-то не поверил Илья. — Мне младшего комвзвода дали после двух лет в армии. А тебе — добровольцу, вот так — сходу? Приделся где-то. Нам на формировании такого не выдавали. Папа генерал?

Старшина думает, что я из блатных мажоров? И беспокоится не из-за моих качеств, как солдата, а за то, что могу постукивать? Бред! Кому это нужно, следить за бойцами в действующих войсках?!

— Неа. Отец был майором в Бресте, а звание дали потому, что посчитали достойным. Приделся в Москве, на курсах диверсантов.

— Я уже вообще ничего не понимаю. — Скрёб он свою бритую голову в раздумьях. — Сначала курсы, потом госпиталь, а теперь доброволец? Не сходится где-то.

А-а-а! Бесит. Моё нежелание быть в центре внимания, разбивается о мой возраст. Всем интересно, откуда этот мелкий шибздик и почему ему такие привилегии.

— Выходил с нашими бойцами из окружения, был ранен. Отучился в московской специальной школе. Но возникли осложнения от ранения и меня, вместо заброски в тыл противника, направили в госпиталь. — Я снял пилотку показывая шрамы. — После

излечения закончил курсы снайперов. И куда мне с такой подготовкой? В колхоз? На печке лежать, да быкам хвосты крутить? Попросился добровольцем в разведку.

— На, читай. — Дал Илье бумагу, выписанную Степаном Никоновичем для военкома Самохина. Идеальный партиец вдохновился тем, что герой советского союза рвётся на фронт и помог попасть в дивизию, минуя бюрократические препоны.

— Курсант Кувшинов Н.И. прошёл необходимое обучение, где показал себя достойным вступить в ряды РККА с присвоением ему звания старшего сержанта. — Медленно и по слогам, Прохорин прочитал короткий текст.

— Видел какой человек подписал? — Забрал и спрятал бумагу обратно. — А ты про папу генерала надумываешь.

Писец, наплёл паутины. Теперь не запутаться бы самому с этими легендами.

— А кто такой гоблин?

***

В данный момент Лаврентия Павловича очень сильно интересовало местонахождение Николая Кувшинова. Настолько сильно, что Геннадия Васильевичу Петренко, заменившему Юрия Геллера на его должности, стало нехорошо с сердцем.

Парня, на которого возлагались определённые надежды, умудрились просрать на ровном месте.

— Что мне докладывать Берии? Пропал без вести? Серьёзно?

Геннадий Васильевич полулежал на кушетке в своём кабинете, отпихивая от себя доктора со стетоскопом. — Да уйди ты уже! — Не выдержав он сорвался на несчастного медика. — Жди за дверью!

Капитан проводивший расследование об исчезновении Кувшинова, проводил доктора внимательным взглядом. — Не настучит?

Петренко только махнул рукой. — Если до конца недели я не приведу парня в управление, мне будет уже всё равно.

— Самолёт с нашими сотрудниками уже приземлился на один из аэродромов Тульского аэроузла. Считаю, что сегодня, максимум завтра у нас будет информация о его местонахождении.

— Если что, докладывать незамедлительно. Но, к семи утра в любом случае явишься с отчётом.

К нездоровой бледности начальника добавилась отдышка, он вяло махнул рукой. — Ладно, иди и позови там врача. Что-то мне не очень.

***

В сторону дальних населённых пунктов, выслали на разведку передовые отряды. А остальные полторы тысячи бойцов занимали оборону, растянувшись вдоль трёх ближайших деревень. На нас возлагалась задача не допустить противника к станции в течение двух ближайших дней. Именно столько времени было нужно прибывающим эшелонам на сосредоточение.

Линия сооружаемой траншеи змеилась в обе стороны от меня, сачковать никто не пытался, для себя делали. Острые штыки лопат шумно вгрызались в неподдаливый мёрзлый грунт, под весёлую ругань бойцов. За маты политрук уже не ругал — объяснили, да и самому надоело. Это в начале он постоянно делал замечания и грозился отправить на губу, но с руганью-то оно веселее работается, бодрит.

Большинство, из прибывающих бойцов дивизии, в боях участия не принимали,

обстрелянных здесь раз, два и обчёлся. На нашем участке, таких человек пять, которые ходят и раздают "умные" советы. После беседы наедине, с одним таким ветераном, политрук утихомирился. "С матом страх выходит, он для них отдушина". — Объяснял молодой, но уже повидавший красноармеец. — "Не надо людей политикой давить, лучше работой загрузить и личным примером подбодрить".

Впереди, метрах в пятистах, бродили ребята из сапёрного батальона. Пытались совместить указанные по карте места минирования с горькой реальностью.

— На кой хрен тут закладывать противотанковые?! Тут одни бугры! На хрена танкам сюда лезть?! Обьедут! Вон там и обьедут. Лучше мы здесь пээмдэшки против пехоты воткнём. — Доказывали своему ротному, два опытных сапёра.

— Ставьте где хотите, но чтобы отметили каждую мину.

Летёха походу только из училища, слишком легко пошёл на поводу у своих подчинённых.

— Воздух!!

Лошади, испуганные близким залпом двух зениток, резко рванули и опрокинули снарядную повозку, которую обозники разгружали около противотанковых орудий.

Мля! Какие нервные дебилы. Это же наш Як пролетел. Эх, сейчас зенитчиков северный лис навестит. Вон, бежит вместе с их главным капитаном, хвостиком машет.

Непереводимая игра слов, но понятная каждому русскому человеку, означала, что жизнь коротка, а теперь стала ещё короче. По крайней мере, у вполне конкретных личностей, из отдельно взятого зенитно-артиллерийского батальона.

— Николай, ротный зовёт! — Перекрикивая маты артиллериста, сообщил старшина из четвёртого взвода.

Пойду, раз зовёт.

— Товарищ младший лейтенант, старший сержант Кувшинов по вашему приказанию прибыл.

— Куришь? — Игорь протянул мне открытую коробку папирос.

— Редко, только когда выпью. — Ответил, заинтригованный таким началом.

— Хм-м. Выпить нету. — Сконфузился воспитанный младлей.

Когда я пришёл, он руководил рубкой своего блиндажа. И теперь, разгорячённый, с румяными пятнами на щеках, предложил сесть рядом с ним.

Присел напротив. Стараясь не испачкаться, выбрал участок бревна где было почище и без больших засмолков.

— В роте слухи ходят, что ты хороший стрелок, а Дьяконовский прямым текстом сказал, чтобы тебя в траншею со всеми не сажал. Можешь прояснить причины такой заботы? — Подкуриваясь, он покосился на меня своими своими впавшими, блестящими янтарём, глазами.

Во дела. Какого лешего до меня начальнику штаба? Неужели комендач как-то повлиял? Или тот комуняка всё таки заложил. А может наоборот, снизу пошло, от кого-то из взвода? Так вроде хорошо шифруюсь.

— Не могу знать.

— Ты давай не прикидывайся, твой взводный всё рассказал.

Ё-моё! Он про мои снайперские таланты!

— Раз рассказал, то в чём проблема? Обязанности свои знаю, стрелять умею. Могу за штатного снайпера, могу за пулемётчика...

— Стоп! — Остановил ротный. — Пулемёт Дегтярёва хорошо знаешь? Крупнокалиберный?

— Игорь Владимирович, я стреляю из любого стрелкового оружия. Хотите проверить? Могу хоть сейчас показать.

— Верю. Тебе, почему-то верю. Есть у меня соображение поставить тебя первым номером к Терентьеву. Он хороший боец и позиция у него подходящая, но с этим агрегатом не очень знаком, не складывается у него. Какие-то проблемы с наводкой. Покумекаете вместе, может чего и придумаете. Добро? Ступай. Как наладите, доложишь.

Млять! Ну, не сука ли этот Илья, язык за зубами держать не умеет. На хрена я в разведроту просился, если бойцов не по назначению используют? Снайпера тут только по названию, разведчиков посылают вместе с пехотой воевать и я как дурак траншеи копаю. С моими-то талантами. Теперь вообще из взвода попёрли. Тьфу!

Делать нечего, двинулся на поиски хорошего бойца Терентьева, раздражённо пиная попавшийся на пути камушек.

Мысленно плюясь и матерясь на свои злоключения, нашёл будущего напарника.

— Старший сержант Кувшинов. — Доложился, с опаской разглядывая перед собой двухстворчатый шкаф на ножках. — Николай Иванович.

— Хо. Мелкий вы какой-то, старший сержант. — Удивился боец. — Не кормили что ли?

"Скорее тебя перекармливали". — Подумалось, но так рисковать не стал, вслух произнёс другое. — Вырасту ещё.

— Меня зовут Фёдор Михайлович. Будем знакомы, Коля.

— Ротный первым номером к тебе отправил. — Сообщил, разглядывая машинку скрытую за широкой фигурой Терентьева. — Не пойму, вроде и похож на ДШК, но какой-то странный.

Знакомые очертания, но с консервой магазина сверху. Хрень какая-то.

— Пулемёт Дегтярёва-Кладова крупнокалиберный. Выдали нашей роте по штату, теперь мучаемся с ним. С броневика сняли. Крепление есть, а к чему его приспособить никак не сообразу.

М-да. Такую бандуру без станка всучить, это полный финиш. Я огляделся. В принципе, место удачное. Слева, два квадратных окопа со двадцатыми миномётами, а справа траншеи противотанкистов со стрелками вперемешку. И атаку прикрыть можно и пулемётчиков врага отсюда гасить удобно, если патронов хватит.

— А что с боезапасом? — Спросил наклоняясь к патронному ящику с чёрной полосой на боку. — бронебойные?

Легко подняв две цилиндрических "гири" с ручкой, Терентьев показал на ящики. — Всего двенадцать таких дисков. Десять с обычными бронебойными и два диска с бронебойно-зажигательными. В одном ящике Б30, а в другом БЗТ. Есть штук сто БЗ россыпью.

— Тридцать штук всего. — Озвучил количество патронов в магазине. — Маловато для крупняка.

Красноармеец-тяжелоатлет пожал могучими плечами. — Что есть, то есть. Пробовал прицельно бить, так не успеваешь пристреляться, как магазину кирдык приходит. Никак эту планку не настрою.

Действительно, вместо нормального прицела торчала гнутая рейка-шкала с прорезью. А прицелиться по стволу мешает банка магазина.

Поразмыслив, к чему можно закрепить круглое основание вертлюга, сначала подумал о бревне. Нет, в этом случае о прицельной стрельбе можно будет забыть и в зенит не направить. Надо поднимать повыше, с удобной площадкой вокруг. Бревно отпадает. Хотя... есть мыслишка.

Я оглядел позиции. Неглубокий овражек, со старой берёзой в центре, как нельзя лучше подходил для моей задумки. Всего метров на сорок ближе к тыловикам от первоначальной точки.

— Отойдём немного назад, товарищ Терентьев, попробуем пришпандёрить сей агрегат.

Крепёж у пулемёта был самодельным, от основы он выделялся покраской и некачественным сварочным швом. Четыре отверстия на фланце, выступающие на пять сантиметров от подшипника, были просверлены под болты М20. Видимо через них пулемёт крепился к станине, то есть к броневику.

— Не против топором поработать? Ты высокий, тебе будет сподручней.

Объяснив напарнику суть моей задумки и получив его одобрение, мы отправились к обозу за инструментом. У прижимистых мужиков разжились двухручной пилой, плотницким топором и четырьмя кованными костылями. Фёдор завалил дерево, оставив метровой высоты пенёк. Пилой сделали ровный спил, получив жёсткую площадку. Для амортизации подложили куски разорванной крыши и прибили фланец к пню. Чтобы потом костыли

легче было вытаскивать, забивали через широкие шайбы. Ломиком можно будет поддеть, как гвоздодёром.

Далее, оступив от корней берёзы метра четыре, выкопали неглубокую трёхметровой длины щель, перекрыв её половинками брёвен. Сверху накидали тонких веток с вершины и засыпали глинистой землёй.

Перед ужином, с проверкой, нас посетил ротный.

— Красота. — Оценил наши старания младший лейтенант Ноздряков. — С утра обязательно займитесь сектором обстрела, не видно же ничего.

В смысле? Нахрена? И так нормально.

— Товарищ лейтенант, если стрелять метров на двести — пятьсот, то действительно не видно, а если на два — три километра, то в самый раз. Мне не привыкать к стрельбе навесом.

Ноздряков не поверил и пригрозил нарядом вне очереди, если не выполним приказ. Ну и хрен бы с ним, завтра сделаем.

***

Утро началось с грохота от далёких бомбёжек.

Спросонья, полковник Репников подорвался с топчана вместе с укрывающей его плащ-накидкой. Столкнувшись головами с капитаном Удянским, матерясь оба выскочили из штабного блиндажа на верх.

— Связь со штабом дивизии! Бегом! — Прокричал полковник подбежавшему связисту.

Над окраиной города, известного своими самоварами и пряниками, кружилась мошкарка из немецких бомбардировщиков, а зенитчики города не давали им снижаться для эффективного бомбометания.

— ... семь, десять, четырнадцать! — Считал капитан.

— Гады, что же они творят?! Где наши истребители?! — Эмоциональные крики полковника остались неотвеченными. Все, видевшие эту безнаказанную бомбардировку, задавались тем же вопросом.

С разворотом по широкой дуге самолёты противника стали увеличиваться в размерах.

— Зенитные орудия к бою! — Заорал старый артиллерист.

За полтора месяца обучения, из вчерашних работяг нереально было сделать профессиональных воинов. В основном, надежда была на призыв старших возрастов, тех, кто уже отслужил. Но, с начала развёртывания, прошло слишком мало времени и люди банально забыли где что находится. В итоге, просыпающийся народ бестолково забегал кто куда.

— Тды-тды! Тды-тды! Тды-тды... Тды-тды!

Заворожённые зрелищем пролетающих над ними бомбардировщиков, люди не сразу обратили внимания на эти выстрелы. Лишь когда задымил один из средних Ю-52 и стал вываливаться из строя, все вдруг бросились искать источник стрельбы.

Седой полковник поспешил за побежавшей толпой, забыв что на проводе ожидает начальник штаба.

— Качай его! — Слышались крики впереди.

Пробившись через плотную стенку красноармейцев полковник чуть не провалился в отрытое в земле укрытие, но кто-то успел подхватить его под руки. Утвердившись на ногах Репников обнаружил рядом капитана.

— Ни буя себе бегемотище. — Тихонько прошептал Удянский.

Посередине пустого пятка стоял высокий красноармеец поистине богатырского

телосложения. Необращая внимания на собравшихся вокруг него, он занимался тем, что перезаряжал пулемёт с торчавшим к небу стволом.

Увидев старших командиров боец встал по стойке смирно и представился. — Второй номер зенитного пулемёта красноармеец Терентьев!

— Первый номер зенитного пулемёта старший сержант Кувшинов! — Прозвучало из под земли, у самых ног командира артиллерийского полка.

Вылезая из ямы, на свет появился чумазый паренёк в ватнике на голом торсе.

Отстранив его в сторону, Репников подошёл к здоровяку и принялся трясти ему руку. — Молодец! Орёл! Как ловко подбил, любо-дорого посмотреть!

— Кх-м. Товарищ полковник. Это не я стрелял, это вот Коля подбил.

Все посмотрели на несуразного сержантика.

— Охренеть.

***

Утро не задалось.

Поднявшись засветло, притащил ведро воды для обливания и только начал упражняться, как моя оздоровительная гимнастика полетела к чёрту. Команда "Воздух" испортила весь настрой.

В начале потратил кучу драгоценного времени, на безуспешные попытки передёрнуть тугущий затвор пулемёта, хорошо на помощь пришёл мой второй номер. В итоге, на нервах, успел зацепить только один самолёт. Уже потом до меня дошло, что на самом деле, подбитый мной бомбардировщик, это что-то из области фантастики. Слишком уж они живучие, эти Юнкерсы.

Чередой невезения продолжилась падением в отрытое вчера укрытие. Вообще-то, имела место быть банальная неуклюжесть Фёдора Михалыча — столкнул и даже не заметил. Перемазался, как чушка.

Минутка славы тоже не удалась — была подпорчена появлением старшего батальонного комиссара Симошенко, давшего всем ценные рекомендации. То есть, с помощью патриотических лозунгов и ненормативной лексики, разогнавшего всех по позициям. Мужчина оказался опытным воякой, его сбитым бомбардировщиком не проймёшь, записал мои данные и попиштофал по своим, несомненно, очень важным делам.

Дальше, "обрадовал" новостью ротный. За ночь разгрузились ещё пять эшелонов и наша рота получила приказ сниматься.

— Зря щель копали. — Посетовал большой Федя на командиров, заставивших делать бестолковую работу.

Конечно зря! Не было бы этой долбаной щели, я бы в неё не свалился. Продолжая оттирать грязное лицо свежим снегом, подумал, что лучше иметь немцев из укрытия, чем немец поймёт нас в чистом поле. К тому же, рытьё окопов является лучшим способом занять делом новобранцев.

— Давай Фёдор Михайлович нашу аркебузу отковыривать, без твоей силушки я не управлюсь. — Польстил напарнику, в надежде откосить от физических напрягов. Право на отдых я сегодня уже заслужил.

Пока шатался в поисках чего либо напоминающего гвоздодёр, смекалистому богатырю пришла в голову великомудрая хитрость. Он вытащил запирающий штифт, снял с поворотного узла тело пулемёта и отпилит верхнюю часть ствола, чуть ниже вбитых костылей.

Наблюдая издали за процессом демонтажа, вернулся, когда Терентьев расколол топором получившийся чурбак и высвободил костыли. Пулемёт был готов к транспортировке.

— Надо бы нам санки смастерить. Что скажешь Фёдор Михалыч? Заманается же тащить на горбу.

Федя был со мной полностью согласен. Получившаяся куча была великовата, а шансы, что наш агрегат удастся подбросить в один из грузовиков, были весьма призрачны.

Машин было очень мало. На всю дивизию выделено всего восемнадцать автомобилей, это считая со штабными. Тем более, больше половины из них ещё находились в пути.

Судя по суматохе вокруг, не мы одни задались этим вопросом. Ушлые миномётчики уже рубили волокуши под свои "Тульские самовары".

Выдумывать не стали. Срубили парочку молоденьких кривых берёзок, связали их проволокой и нагрузили патронными ящиками, а пулемёт, укутав моим плащом, положили сверху.

— Опять немец летает! — Заметил кто-то из пехотинцев.

От нас южнее, ближе к городу, кружил на четырёхкилометровой высоте, очередной "Юнкерс", только теперь это был небольшой разведчик. Кроме наших истребителей, которых почему-то не видно, на этой высоте ему больше ничего не грозило. И он плевать хотел на усилия советских зенитчиков. Им нужно быть чертовски везучими, чтобы попасть в него.

— Высоко летает гад. Как считаешь, ты бы попал по нему? — Задал вопрос уверовавший в чудеса Терентьев.

— Из чего покрупнее попал бы, но в него не надо попадать, это разведчик. Сейчас он найдёт тех, кто обидел маленького Фрица и позовёт друзей постарше, вот в тех, будем палить со всей своей пролетарской сознательностью.

— Ёлки зелёные! Так надо ротно предупредить! — Забеспокоился здоровяк.

— Думаешь наше начальство не понимает? Их в военных училищах обучали, сами разберутся. — Спокойно рассудил, не желая прослыть паникёром.

На что напарник выдал следующее. — Какое в дупу училище?! Он бригадир с подшипникового завода! Нас вместе призывали.

— Командир разведроты? Бригадир? — Мягко говоря, не поверил. — Ну, значит другие скажут. Не все же с завода?

— Кадровых командиров мало, в основном из запаса и мобилизованные. У пехоты знаешь кто командует? Два полка, как положено — полковники. А в сто сороковом? — Напустив на себя важный вид, напарник сделал паузу. — Даже не майор, или капитан, а старший лейтенант. — Увидев моё охреневшее лицо, он поспешил добавить. — Да ты не журишь, отслуживших здесь много, народ призывали из старших возрастов.

Сороколетние солдаты и лейтенанты в командирах полка. Много же мы навоюем с таким составом. Ну, на фиг! Схожу-ка до Игоря свет Владимировича, потолкую о возможной мести люфтвафферов.

***

Боестолкновений, как таковых, ещё не было, а первые потери вот они — немолодой стрелок из сто сорок четвёртого застрелился на глазах товарищей. Что с ним было не то? Слишком тонкая душевная организация? Так у него башка наполовину седая и в семье все живы здоровы. Испугался и поехал кукухой?

— Коля, — Голос Фёдора оторвал меня от разглядывания занесённого снегом трупa. — пойдём в хату, погреемся.

— Почему его не хоронят? — Спросил по дороге к дому.

Обстучав сапоги о высокий порог, Фёдор ответил. — Наверняка не знаю, но мужики говорили что это приказ Смолянцева — труса не закапывать.

— Слыхали о наступлении? — Спросили нас красноармейцы набившиеся внутрь. — Приказ Жукова. В восемь утра выступаем на Руднево.

Етить колотить, наконец-то. Задолбало ничегонеделание.

— Всей дивизией? — Уточнил Федя. — С пушкарями?

— Здесь один дивизион оставят с полком Смолянца. Вроде как в резерве. — Ответил артиллерийский летёха, знавший больше других.

***

Я снял противогаз и протёр вспотевшее лицо.

— Фёдор Михалыч, дай водички глотнуть, пока эти тараканы опять не полезли.

Здоровяк отвлётся от набивки магазинов.

— Держи. — Произнёс он протягивая полупустую фляжку.

— Что с патронами? — Спросил, лишь бы нарушить тишину. Так-то и сам контролировал наш боезапас, но решил дать напарнику почувствовать себя полезным. А то я воюю во всю, а Феде только и остаётся, что набивать банки и гадать, куда это я стреляю.

— Бронебойные. Четыре по тридцать осталось, остальное израсходовали. — Произвёл он нехитрый подсчёт. И не преминул напомнить. — Ротный приказывал беречь патроны, а ты палишь и палишь.

Я хмыкнул. — Не израсходовали, а использовали по назначению. — Говорить, что Игорь Владимирович погиб пару часов назад, пока не стал.

Приноровиться к этой бандуре было несложно. Это не привычного мне вида ДШК с ленточным боепитанием, здесь конструкция попроще. Испытав его в деле, заметил, что скорострельность в нём небольшая, как будто под меня делали — легче делать отсечки. Главное не вжиматься в рукояти, чтобы не поймать отдачу. Навёл на цель, нажал гашетку и тут же ловишь взбрыкнувший пулемёт расслабленными ладонями.

Стреляя таким макаром, из первых пяти магазинов, всего пару раз промахнулся. Но последующие были уже не такие результативные, траектории выстрелов стали менее предсказуемы. Я винил в этом перегрев ствола, ничем иным такое падение точности объяснить не могу. Под конец, на расстоянии более километра, рассеивание стало слишком большим и мне приходилось подпускать фрицев всё ближе и ближе.

Спустя полчаса и ещё два магазина пришло время решать вопрос с нашей эвакуацией.

— Вот что Фёдор Михайлович. Мы с тобой в быстром темпе достреливаем остаток и уходим, иначе нас зажмут. К немцам, вон с той стороны, подкрепление подходит. Я попробую их проредить, но их слишком много и похоже они связь тащат. Значит с ними идут корректировщики, а попадать под артиллерию мне чего-то не хочется.

Договорив, я жажнул двумя пулями по офицеру, но в очередной раз промахнулся.

— Тьфу!

Федя, сидевший в углу чердака, посмотрел на меня и завис в раздумьях.

— Мы одни остались, нет больше роты. Ещё минут десять и мы здесь останемся. — Любовно погладив славно потрудившийся механизм, уточнил.

— Уходить будем с пулемётом. Только крепёж придётся оставить.

Его мы прибили намертво к широкой дубовой балке, проходившей через весь чердак. Не перепилишь, а костыли вырывать — ну, это надо быть суперменом.

— Точно все погибли?

Нет, мля, это я так шучу! Вместо ответа завёл свою "шарманку".

— Тды-тды! Тды-тды! Тды-тды...

С закрытыми глазами снял опустевшую банку и протянул руку за следующей.

Пыль, поднимающаяся после каждого выстрела, снова заполонила всё пространство. Фёдор Михайлович не глядя сунул мне шестикилограммовую банку магазина и свесился в дыру проёма — продышаться.

В начале мы, конечно, проливали пол водой, но так как я стрелял прямо через кровлю, новая труха образовывалась постоянно.

Мне деваться было некуда, спасал противогаз с опущенным в сумку шлангом. Но, учитывая, что температура воздуха отнюдь не плюсовая, это был тот ещё мазохизм.

На всякий случай, последний магазин оставил на дорогу. Вещи и оружие собраны, пустые магазины бережливый Федя покидал в мешок. Вроде бы всё, можно уходить.

стукнул Фёдора по плечу, подталкивая его к спуску на второй этаж.

— Давай, я за тобой! Сейчас только сюрприз для гостей оставлю.

Отбив у русских этот населённый пункт, Густав Кельнер, гауптман штурмового батальона, решил лично посмотреть на тех, кто так долго и ожесточённо сопротивлялся.

— Если бы не снайперский огонь, ведущийся из этого дома, мы бы ещё вчера заняли деревню.

— Карл, до наших позиций слишком далеко, ты уверен, что снайпер стрелял отсюда? Здесь даже нет окон на ту сторону. — Удивился гауптман, стоя на крыльце двухэтажного здания.

— Это так. И знаешь Густав, расстояние здесь не самое интересное. Ты ещё больше удивишься, когда увидишь откуда именно они стреляли.

Заместитель гауптмана показал на лестницу ведущую на верх. — Я решил дождаться тебя. Так, глянул краем глаза.

— Хм. Ну пойдём посмотрим на этого чудо-стрелка.

Карл повернулся к другу. — Его-то как раз и нет. Ушёл.

Готовящийся в штаб дивизии доклад гауптмана о неоправданно больших потерях батальона пополнился строчкой говорящей о гибели самого Кельнера вместе со своим заместителем. Оставленная юным пулемётчиком растяжка сработала как надо.

***

Я много позже, узнал, что немцы смогли нас обойти из-за опоздавшей конной дивизии. Наш левый фланг оказался полностью открыт, что позволило им беспрепятственно зайти нам в бок и контратаковать. Как говорится "Заходите гости дорогие, милости просим". В результате, четвёртого декабря наш полк потерял более четырёхсот человек. А из нашей роты, в живых остались мы с Фёдором да четверо раненых, которых мы нагнали по дороге в штаб дивизии, располагавшемся в деревне Лаптево.

— Коля, что мы скажем? Нас же трусами называют. Ведь приказа отходить не было. — Нервничал второй номер.

— И что? В наказание на передовую пошлют? Расстреляют? Мы с тобой приказ ротного выполнили от и до. Прикрывали позиции нашей роты огнём пулемёта. Прикрывали же? — Я дождался Федино кивка. — Вот. А теперь смотри — патроны у нас кончились, прикрывать больше было некого, доверенный нам пулемёт не бросили. Так какие же мы после этого трусы? Тем более, у нас есть свидетели в лице этих раненых красноармейцев. Правильно говорю?!

— Правильно, товарищ старший сержант. Мы видели как вы стреляли. — Отозвались бедолаги.

М-да. Как бы их самих в предателей не записали, ладно хоть оружие с собой взять не забыли.

К штабу дошли уже глубокой ночью. Сдали раненых в руки санитаров и по случаю доложились встреченному в санбате комиссару Симошенко. На удивление, выслушал нас спокойно, лишь попросил указать на трёхверстовке где находились позиции роты и направление, откуда был нанесён контрудар.

Показал, объяснив, что основные потери были от тяжёлых миномётов, которыми накрыли окраину деревни с находившимися там красноармейцами.

— Младший лейтенант Ноздряков нас в здание сельсовета определил, это практически

в самом центре села. Мы с Терентьевым сдерживали атаки вот с этих двух сторон. — Я отметил на карте. — Танков и тяжёлой брони не видел, но когда мы уходили заметил как подвозили зенитные и противотанковые орудия. Точное количество не скажу, но не менее девяти.

Симошенко поблагодарил за информацию и отправил нас отдыхать в избу где ночевали бойцы из батальона остававшегося в резерве.

Стягивая тёплые перчатки, понял, что несколько часов проведённых за пулемётом не прошли для меня бесследно — в руках ощущался лёгкий тремор. От защилавшего ладони мороза сразу вспомнил добрым словом Геллера, снабдившего меня полным комплектом амуниции. В отличие от красноармейцев, многие из которых до сих пор щеголяют в сапогах и одеты в лёгкие шинельки, я полностью утеплён. Сейчас, это особенно актуально, ведь даже здесь в тылу есть потери. Восемь человек умудрились сильно обморозиться. Так это только в этом батальоне, с чьими бойцами мы общались, а по всей дивизии больше сотни обмороженных.

Находчивый напарник где-то умудрился найти алюминиевый бачок с остатками каши на дне и ржаного хлеба по две нормы. Отжав немного кипятка у местных, поужинали и довольные жизнью завалились спать.

***

— Батальонный комиссар, Георгий Прохорович?

Симошенко повернулся, в сенях дома стоял незнакомый ему капитан с эмблемами связистов.

— Капитан Семёнов. — Представился мужчина. — Мне Саргис Согомонович сказал где вас можно найти.

— Слушаю. — Ответил комиссар, оглядывая посетителя. Брюнет, где-то за тридцать, среднего роста, с упрямо выдвинутой вперёд челюстью.

— Мне нужна ваша помощь в поиске одного человека. Николай Кувшинов, старший сержант из разведроты. Знаете такого?

— Вы по поводу сбитого им бомбардировщика? Это я писал представление на Кувшинова. Там всё верно описано, лично был свидетелем.

Капитан поморщился. — Нет, он нужен по другому вопросу. Вы можете подсказать, где я могу его найти?

Комиссар ткнул пальцем, указывая через заиндевевшее стекло окна на один из соседних домов. — Ночью, был в нём, сейчас не знаю. Это всё? Извините капитан, у меня есть обязанности.

Связист козырнул и поспешил к указанному дому. Распрашивая красноармейцев, он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Это был здоровяк, занятый чисткой пулемёта.

— Что-то хотел, боец?

Тот смутился, но, пересилил себя и всё таки решился задать вопрос. — Товарищ капитан, вы из НКВД?

Связист ощутимо напрягся.

— Допустим.

— Коля ушёл и просил передать вам, что будет говорить только с Геллером.

***

Не понравился мне этот капитан и не понравились его разговоры с вооруженной

группой поддержки, прибывшей вместе с ним. Неприятные для меня подробности ими обсуждались. Настолько неприятные, что пришлось срочно вставать на лыжи. Буквально тырить лыжи и улепётывать. Пока диктовал Терентьеву, что сказать гэбэшнику, пока собрался(жаль, был вынужден оставить отличные сапоги и часть летнего обмундирования, но я не Фёдор, чтобы таскать на себе десятки килограмм). Прихватил чью-то самозарядку взамен Мосинки и был таков. Успел выскочить в последний момент.

Теперь придётся переходить на нелегальное положение, то есть, стать официальным дезертиром. Ну, и хрен бы с ним, всё равно не ужиться мне в армии. Мог бы получить приказ, без права отступления. В том же Руднёво, я выжил скорее не благодаря чему-то, а вопреки. К тому же, результативность моей стрельбы будет бельмом на глазу у начальства. То, что прокатило в неразберихе, в следующий раз обязательно выплывет наружу. Сколько я вчера фрицев нащёлкал? Больше сотни! А сколько пулемётных и миномётных точек подавил, сколько движков перепортил? М-да. Ладно. Голова на плечах, документы в кармане, винтовка за спиной, а враг известен. Заполучить бы ещё верного коня и оруженосца и будет вообще супер, я даже согласен на машину с водителем.

Направление, куда податься, выбирал недолго. Конечно на запад, тут без вариантов. Буду искать по пути места для ночёвки, делать вылазки и двигаться дальше. Так себе план, но зачем усложнять, если это работает.

Красоту чистого от облаков небосвода портят грузные железные птицы с крестами на крыльях. Летят бомбить сволочи. Посматривая, не мелькнёт ли где Мессер, пересёк замёрзшую речушку и вскоре вышел на опушку леса. Всматриваясь на доступное мне расстояние, оценил несколько возможных маршрутов, естественно выбрав тот, где была заброшенная сторожка. Но, сначала надо посетить деревушку на юге от меня. Мне нужны продукты, а до неё всего пара километров и я вполне успею заглянуть туда до темноты.

Деревня, это не супермаркет, рубли им вряд ли нужны, а воровать мне совесть не позволяет. Поэтому потратил минут двадцать и пристрелил парочку здоровенных, ещё недолинявших зайцев для обмена. И это я выбирал лёжки тех, что обитали поблизости. Больше времени ушло на то, чтобы забрать их из чащобы, чем на их поиск.

— Куда торопишься солдатик? От немца бежишь?

— Нет, дедушка, на охоту ходил, видишь каких красавцев добыл. — Ответил сухенькому старичку волочившему в деревню пустые санки.

— Да, хороши зайчишки. Не большие? Покажи ближе, а то старый я, глаза плохо видят. — Старик поправил тулуп и протянул вперёд руку.

— Э, нет, дедушка. Ищи дураков в другом месте. Я тебе зайца, а ты раз и убежишь. — Не поддался на видимость немощности селянина. Больно острый у него топорик за пазухой.

Он хмыкнул, лицо построжело, а когда перестал горбиться, то враз сделался выше. — Хм-м. Глазастый отрок, раскусил старого.

Видимо бурная молодость у него была, просчитал меня. Я ведь тоже не просто так стоял. Винтовка вроде бы неправильно на ремне висит, а мне только руку положить.

— Дед, хорош выкруживать. Давай прямо. С меня зайцы, а с тебя хлеб, крупа и трошки соли. Идёт?

— Зайчатинка не помешает, только не получится у нас мены. В деревне нехристи эти на постое, чтоб им пусто было. Убьют тебя отрок. — Сказал дед показывая на виднеющиеся дымки от печей. — Вот, Васятку юродивого на горку возил хоронить, вчерась убили, а он вовсе безобидный был.

— Чего они у вас тут забыли, у вас же глухомань несусветная? — Судя по мотоциклам, эти четверо были из разведывательного батальона танковой, или мотострелковой дивизии. — Давай мы их того. Не хочется остаться голодным из-за фашистов.

Дедок было востепенелся, но тут же суксился. — Не-е, постреляют, там у пятерых автоматы. — Он глянул на мой вещмешок. — Хотя, если гранату кинуть.

— Не надо гранаты. Щас я их выманивать буду. Как зайчиков. Раз — два — три — четыре — пять, выхожу тебя искать!

Стреляю в единственного, кто был на улице, если быть точным, то в уличном туалете. — Т-туф-ф! — Первый готов. Только, как бы он теперь в нужник не провалился.

Охреневший старик переводил взгляд с меня на деревню и обратно. Ну да, далековато, но чукча не местная однака, немца в глаз стрелял и в тундра уехал.

Я дождался, когда на звук выстрела выскочат остальные.

— Дедуль, а чей это семистенок, где фрицы обосновались? Хотя ладно, уже без разницы.

— Т-туф-ф! Т-туф-ф!... Т-туф-ф! — Ещё пятерых. Остался один трусливый жирдяй прыгнувший за сруб колодца. Шустрый гадёньш.

— Ну, что, пойдём? Кура, млеко, яйки? Партизаны в лесах есть? Так, погоди дедуль, вроде жирный зашевелился. Т-туф-ф!

Пока я перезаряжался, старик сидел на своих санках и обречённо ожидал появления злых гитлеровцев.

— Дед, мы тут так замёрзнем. Пойдём, всё, нет гадов, кончились. — Упёртый персонаж попался, в чудеса не верит. Если бы силком не потащил, так бы и сидел.

Немцы действительно оказались разведчиками, только неправильными. Как приехали три дня назад, так и остались. Уехать им помешал обильно выпавший снег, так эти полудурки решили подождать оттепели, хотя дед Андрей им русским языком говорил, что будет только хуже. Халтурщики, едут по чужой земле, а язык выучить не удосужились.

Пожилая чета Буравцовых, выставила на стол всё, что не сожрали гитлеровцы.

— Николай Иванович, вот, я тут вам собрала поснедать, не побрезгуйте. — Уважительно произнесла Анна Родионовна.

Я присмотрелся. Нет, не смеётся, она сейчас абсолютно серьёзна. Разговаривает со мной, как со взрослым человеком, находящимся в немалых чинах. Странно, я точно знаю, что дед рассказывал без подробностей. Да убили немцев, но как и что, она не в курсе. Так с чего она на цыпочках передо мной бегаёт? Да и дед ходит пришибленный, неужто в чудеса поверил? Неспроста это.

— Спасибо хозяйюшка. — Я сел за стол, поблагодарив за приглашение.

М-да, бедновато в деревне живут. На восемь дворов, из живности, пара десятков куриц, одна корова и всё. Конечно, припрятано в подпольях, но так, лишь бы до весны дожить. Наверное, гансы каждый за двоих ели. Ну, не могут быть продуктовые запасы такими скудными. Это в деревне-то, где огороды такие, какие сможешь обработать.

На столе стоит чугунок с картохой, квашенная капуста в широкой миске, тарелка со здоровенной яичницей, пожареной с лучком и ароматный каравай подового. Из мясного ничего не было, кроме нежно-розового салца нарезанного тонкими пластинками, его я сразу придвинул к себе поближе. Зайчатина ещё тушится и будет готова не скоро.

— Николай Иванович, расскажите нам, как вы смогли? — Спросила Анна Родионовна, когда собираласо стола. — Один, и таких важных генералов смогли в плен взять? Самого

фельдмаршала.

Мои округлившиеся от удивления глаза, чуть не выпали на скатерть. Откуда?! Как они узнали?!

— А орден вам сам товарищ Сталин вручал?

Какой орден? Ё-моё! Скосил глаза вниз. Вот дурак. Снял ватник и свитер, а про награды на гимнастёрке забыл и сверкаю ими, как медный таз на солнце, смущая этих простых людей. Откуда только в этой глуши взялась газета со статьёй про меня.

Наговорил им всякого, смешивая описания Москвы настоящей и будущей. Рассказал про награждение и какой из себя Калинин. Вспомнил про пограничников, получавших медали вместе со мной. Про "подвиги" не стал говорить, несмотря на просьбы хозяйки. Дед меня поддержал, стукнув по столу кулаком. — Нечего тебе про кровь слушать.

После плотного ужина меня совсем разморило и стало клонить в сон. Видя моё состояние Буравцовы закончили с распросами, отправив меня спать.

Утром состоялось торжественное собрание, это деревенские вышли провожать меня полным составом, все семнадцать человек. Мужское население было представлено двумя стариками под девяносто и дедом Андреем. Женщины, в основном, были старшего возраста, а за молодёжь вышли две девчонки по брови укутанные в пуховые платки. Красотки, одетые в полушубки с высоким воротом и в валенках. Они, невольно, вызвали у меня улыбку. Сколько им, лет по пятнадцать? Я вспомнил их ровесниц из двадцать первого века. В головах вечеринки, интернет и модные гаджеты. Попади сейчас такая в сорок первый — на расслабоне, с маникюром, а мамка хватить её и в подпол на трое суток. Так, или ложись под фашистов доченька, может не убьют. Потом истерики, депрессия и помощь психологов. Да-а. Чем труднее жить, тем крепче люди.

Перед уходом оставил деду пару гранат колотушек, немецкий карабин и один МР38, ему хватит. Войну не выиграет, но одного — двух пристрелить сможет. Он на самом деле боевой дедуля, не зря хранит погоны вахмистра и орден Святого Георгия.

***

— Товарищ народный комиссар, мы выяснили, что Майор Геллер действительно связывался с Виталием Вельгенсоном по этому вопросу, но, в оговорённый срок, профессор вызов не получил. Юрий Сергеевич в тот день сдавал дела своему приемнику, который должен был проконтролировать исполнение, но согласно описи, папку с делом Кувшинова Петренко не получал. К тому же, в результате накладки с сопровождающим лицом, вместо закрытой секции, Кувшинов был отправлен в этот госпиталь на общих основаниях.

Молодой статный мужчина в элегантном костюме положил на стол Лаврентия Павловича несколько листов. — Здесь графологический анализ и заключение эксперта по лингвистике. Выписка из медицинской карты. Также аналитика по полученным показаниям его соседей в палате, сотрудника военкомата и руководителя снайперских курсов. Из всего этого следует... если вкратце и без неприятных для вас выводов, то Николая Кувшинова следует как можно быстрее вернуть под усиленную охрану.

— Это ты так тонко намекаешь, что я сделал ошибку?

— Вы же знаете какое было принято решение. — Мужчина поднял палец к потолку. — Без проверки у профессора Вельгенсона допуск Кувшинову не выдавать. Легендирование работы профессора лечением немоты в тыловом госпитале Хозяин одобрил, но доверять организацию мероприятия майору Геллеру было опрометчиво. Не владея всей информацией, Юрий Сергеевич преступно-халатно отнёсся к выполнению своих обязанностей и провалил

операцию.

— С него уже не спросишь. — Берия нервно постукивал перьевой ручкой по застеленной зелёным сукном столешнице. — И Петренко скоростижно... Всё одно к одному.

— Вот, вот. Странные совпадения. Иосиф Виссарионович тоже был удивлён.

Глава 18

Четырнадцатого декабря, дождавшись темноты, устроил охоту на фашистские танки. Конечно, я не выслеживал их специально и, что это будут именно танки, заранее знать не мог, я же не провидец. Просто напросто не смог пройти мимо столь шикарного места для засады.

Засел в километре от дороги, в месте, где она делала плавный поворот, выгибаясь при этом широкой дугой. На всякий случай, заранее подготовил путь для отхода и выкопал в паре мест окопчики, на случай, если придётся прятаться от обстрела или погони. Накрывшись белой простынёй, подаренной Анной Родионовной, с удобством устроился в корнях разлапистой ели. Словно дирижёр смотрящий в концертный зал ожидал, когда зрители займут свои места.

Невыдержавшие натиска моей бывшей дивизии, отступающие части противника двигались плотной колонной. Пора. Многотонные махины полностью заполнили узкую ленту дороги.

Сколько там весит пуля из карабина Маузера? Грамм десять, или больше? Хотя, без разницы, всё равно такой фигуркой броню танка не пробить. Но мне и не надо, чтобы остановить стальную коробочку хватит высунувшейся из люка головы водителя-механика.

— Т-туф-ф!

Головной танк проехав по прямой ещё метров десять, круто вывернул влево и заглох. Прошло несколько минут до полной остановки колонны, общую протяжённость которой, даже я не смог увидеть, у моих способностей банально не хватало дальности.

Повыскакивали танкисты из ближайших машин. Оперативно вытащив тело погибшего на дорогу, разглядели пробитый пулей висок и опасно заозирались по сторонам. Правильно, бойтесь, сейчас начнётся казнь через марапупу.

— Т-туф-ф! — Один из одетых в чёрные комбинезоны упал рядом с трупом, с жалобным воем схватившись за раздробленное колено. По заснеженным склонам поднимавшимся от дороги в мою сторону, зашарили желтоватые лучи прожекторов. Началась неорганизованная слепая пальба из стрелкового оружия.

Я усмехнулся, как предсказуемо. В другую сторону фашисты даже не смотрели. Ну, не предполагала она мест для засады. Во-первых, там был спуск к реке, а наука войны учит забираться повыше. Кто занял высоту, тот и сильнее. Во-вторых, среди чахлах зарослей прибрежных кустарников, почти не было мест, где можно было бы спрятаться. Но, почти не было, это не значит, что их нет совсем. Стреляю в третий раз и пуля попадает в моего деревянного напарника торчавшего в самых густых зарослях.

"Ванька" у меня неотёсанный чурбан, я бы даже сказал дуб дубом. Сбитый моим выстрелом, он неуклюже падает и разбивает горящую керосинку. Щедро облитая бензином, загорается кучка тряпья, спрятавшая под собой три бачка снятых с мотоциклов.

Вспыхнувшее у самой воды пламя привлекло к себе внимание немцев. А когда перегорели тросики ведущие к двум пистолет-пулемётам, уже в ту сторону посыпались выстрелы. Мои самострелы стреляли недолго и, естественно, не могли сами перезарядиться, но ещё оставались закинутые в бензобаки горсти патронов.

Пока отвлечённые "Ванькой" фашисты воевали с кустами, я прореживал колонну, стреляя примерно через каждые три машины. Разбивал в хлам коленную чашечку тому, кто

мне особо не понравился и переводил прицел дальше. Не торопясь, выпустил шесть полных обойм, обеспечивая германских ортопедов большим количеством пациентов.

Посматривая краем глаза за посланными в мою сторону отрядами, попортил пяток двигателей у тентованных грузовиков, немного похожих на 130-е ЗИЛы. Их я также старался выбивать подальше друг от друга. Седьмую и восьмую обоймы потратил на то, чтобы притормозить ищущих мою позицию. Это ещё десяток одноногих. В тех же, кто шёл в нужных мне направлениях не стрелял, они напарывались на мои растяжки, установленные на подходе к вершине. Также, оставил один из мелких отрядов, вырвавшийся дальше остальных, но его не стал трогать по другой причине. Пусть подойдут поближе и принесут патроны, они у меня не бесконечные

Среди прочих целей, высматривал старших офицеров, но, каких либо командиров, выделявшихся мундирами, не приметил. Поругал себя за предвзятость и стал марапушить всех тех, кто махал руками больше других, без разбора.

Солдатики, принёсшие мои патроны, приблизились достаточно, чтобы представлять для меня опасность и я позволил себе сделать передышку. Перевернулся на спину и, стараясь не шуметь, снарядил опустевшие обоймы, а после, с силой растёр побаливающий сустав правого плеча. Да-а, что ни говори, а в плане отдачи, Маузер будет помягче Мосинки, от неё бы уже рука отвалилась.

Со вздохом отложил карабин и взялся за СВТ.

Хотел бы сказать, что быстренько прикончил семерых фрицев, прошедших мимо меня, но это будет неправдой. Способность не гарантирует сто процентов попаданий, что с успехом было мной продемонстрировано.

Долговязый солдат с карабином наперевес, вдруг оступися, подарив свою пулю идущему перед ним. А я уже стрелял во второго, в третьего... Когда понял, что долговязый, живой и невредимый повернулся и смотрит на меня через прицел, я, несмотря на холод, покрылся липким потом. Магазин винтовки пуст. Сейчас. Всё, конец...

— Не стреляйте, товарищи. Я тоже русский. У меня папа из Тобольска. Не стреляйте. — Заговорил немец. То есть русский... Нет, всё таки немец, мой нос не обманешь.

— Бросай карабин. — Скомандовал, прикидывая как бы половчее достать автомат из под простыни.

Долговязый отбросил оружие в сторону и посмотрел на своих мёртвых спутников. Почему же он не стрелял? Думает, что я не один?

— Отойди от них.

Он послушался и, успокоившись, я вытащил МР38, передёрнув затвор. Ху-у-ух. Так гораздо спокойнее.

В следующие две минуты, узнал, что его зовут Алекс, что он жаждет перейти на сторону Красной армии и вообще, он патриот Великой России. Мне это было не очень интересно, к тому же, для ведения душевных разговоров сейчас не самое удачное время.

— Слышь, Шурик. Кончай болтовню, бери эту простыню и собирай в неё оружие и патроны. Увижу, что безобразничаешь — умрёшь патриотом Великой Германии.

Контролируя неумелую мародёрку Алексом своих комрадов, не забывал посматривать в сторону колонны. Паника и хаотичная стрельба в никуда прекратились. Перекрывая стоны раненых, раздавались приказы офицеров на их лающем языке. Почти всех моих "крестников" успели перевязать, и теперь, проваливаясь в глубоком снегу, вдоль дороги бегали санитары, стаскивая инвалидов в компактные кучки, готовя их к погрузке. Обнаружились повреждения

у грузовиков и солдаты начали освобождать их от груза, намереваясь столкнуть с дороги.

— Собери все продукты в один ранец. — Сказал, когда Алекс справился с первым этапом сборов. Он даже увязал простынь узлами. Отлично. Получившийся тюк хорошо ляжет на санки припрятанные в лесу. Только надо как-то дотащить его туда. Я посмотрел на Алекса.

— Если жить хочешь, то грузись и иди в ту сторону. — Я показал направление. — За тобой пока присмотрит другой снайпер. Остановишься, или опустишь груз — тебя застрелят. Понял?

Нацепив рюкзак, он взял на руки свёрток с оружием. — Я всё понял. Не сомневайтесь.

— Хрясь. — Уже через пару шагов долговязый перебежчик споткнулся и со всего маху полетел вперёд, воткнувшись лицом в упавший тюк.

Ё-моё. Я сделал фейспалм, наблюдая за перепугавшимся Алексом. Ожидая выстрела, он, не обращая внимания на кровь брызнувшую из разбитого носа, вытянув руки в стороны, запричитал. — Это случайно, я не хотел. Не убивайте пожалуйста.

Наконец-то прогнав невезучего потомка белоэмигрантов и перезарядив эсвэтэшку, снова занялся колонной.

Порыкивая двигателями, танки разворачивались в мою сторону, а пехота противника, спрятавшись за техникой, занималась раскупоркой лёгких миномётов и оборудованием пулемётных точек. Загрохотали танковые пушки, беспорядочно вспахивая снарядами мёрзлую землю вдоль склона. Хорошо ещё, что пулемётчикам в танках трудно стрелять вверх. Прикончив через открытые люки с десятков водителей, отстрелял все подготовленные обоймы по залёгшим пехотинцам, округлив отряд одноногих до сотни.

Хватит с них, пора вставать на лыжи и догонять Алекса. Кстати, где он там?

Ха-ха-ха. Мой носильщик уже отошёл на безопасное расстояние(как он считал) и, наглым образом, вытащил карабин из тюка с моими трофеями. Притаившись в неглубоком овражке, целился в мою сторону. Осмелел? Поверил в свою удачу? Не думаю, что ему повезёт второй раз подряд. До заныканных санок недалеко, могу ведь и сам дотащить.

— Т-туф-ф! — Пуля чиркнув по каске неблагодарного Алекса отправила его в нокаут. Я активно заработал ногами, поспешив к нему, чтобы отобрать оружие. Пускай ещё поживёт, может и заработает прощение у советского народа.

***

После донесения о взятии пленных и захваченной в большом количестве немецкой техники, в одном из кабинетов сельской школы, сейчас занятой медсанбатом, состоялась интересная беседа.

— Это точно он, его почерк. Ты знаешь, про него у немцев уже слухи ходят, Дружинин их даже собирает и подшивает к делу. Там, конечно, брехни больше, чем фактов, но с фельдмаршалом его уже связали. Мне кажется, что Гитлер скоро за его голову награду объявит.

Лейтенант Сиверцев, командир особой группы откинулся на стуле и посмотрел на напарника. — Эх, ты! Не знаешь обстановки, — с улыбкой попенял другу. — уже объявил. Жень, ты сам-то что думаешь? Есть идеи как его взять? А то я уже всю голову сломал как нам этого Кувшинова найти.

— Чёрт его знает, здесь всё таки война идёт. В розыск его не объявишь, через знакомых не найдёшь, а родных у него нет. Делать засады бесполезно, он их за километры чует. — Евгений Лобанов, сидевший напротив, развёл руками. — Вряд ли найдём, если только он

сам не захочет встретиться.

Леонид Сиверцев оживился, став из-за стола, подошёл к тумбочке, на которой лежал планшет.

— Помнишь Терентьева? Ну, того здорового, пулемётчика. Он мне сообщение передавал, что Кувшинов будет говорить только с Геллером. Помнишь я рассказывал? — Лейтенант покопался в планшете, перебирая бумаги. — Вот, Терентьев Фёдор Михайлович. Подписку с него брал. Я чего подумал. Условие он же поставил! Значит должен где-то рядом появиться. Иначе как он узнает, приехал Геллер на встречу, или нет.

Лейтенант Лобанов задумался отбивая по столу ладонями какой-то бодрый марш, а затем, взяв перо принялся чертить схему.

— Во-первых, нужно провести беседу с Терентьевым и с остальными, с кем он контактировал. Чтобы попросили о встрече с кем-нибудь из нас, если Кувшинов к кому-нибудь из них придёт. Для этого, оставим Терентьева при штабе. И ещё, нужно организовать что-то вроде поста, где постоянно кто-то из нас будет дежурить. Во-вторых, надо сделать так, чтобы Кувшинов чувствовал там себя в безопасности, иначе не подойдёт. То есть, никакого оружия и никакой слежки.

Минуту Леонид внимательно рассматривал листок с каракулями Лобанова, потом глянул на друга и со смешком в голосе спросил. — Ты, конечно же, первый хочешь дежурить? Может и санитарочку с собой прихватишь? Как там её зовут? Маша?

Посмеявшись над предложением Леонида, напарники ещё немного посоветовались и в итоге, идея Евгения была одобрена. Сиверцев побежал к связистам звонить начальству, а Лобанов пошёл искать Терентьева.

***

В лесной сторожке, забрал у Алекса обувь и, оставив его отогреться у печки, отправился навестить деда Андрея.

Из-за сильных боёв в этих краях, когда деревни по несколько раз за неделю переходили под контроль то наших, то немцев, мирное население было вынуждено прятаться в погребах и подполах. Но, жители тех деревень, что были разрушены после ожесточённых сражений, уходили к соседям и родственникам. У Буравцовых я ночевал уже три раза, и каждый раз постояльцев становилось всё больше и больше. Свои планы пришлось менять — просто не смог их так оставить. К ним приходили с совсем маленькими детьми, и все хотели кушать. Я снабжал их продуктами. Занимаясь охотой то на зайцев, которых полно в здешних лесах, то на немцев, которых сейчас не меньше.

Въехал в деревню, как король, меня теперь все тут знают. Передал верёвку от санок Глафире, женщине, временно заведующей общей кухней.

— Здравствуйте. Здесь тушёнки ящик, муки пол мешка и зайчишки, как видите.

— Спасибо сынок, если бы не ты... Ой, совсем забыла. Андрей Прокопьевич просил передать, что в бане трое солдат ночуют. Он сказал, что забрал у них оружие, как ты и просил.

Кивнул, показывая что понял, и поспешил к деду в дом. Надо отдохнуть, за последние сутки только раз грелся у костра и ещё не спал. Организм, хоть и молодой, но всяким силам приходит конец.

Меня встретили, обогрели, покормили и уложили спать. Всё, как в сказке, но без бабы Яги. Дед порывался привести красноармейцев из бани, но я отговорил его, сказав, что они уже спят. Понятное дело он мне поверил.

— Завтра с ними познакомимся, никуда не денутся.

Анна Родионовна растолкала меня часов в семь утра. Как проснулся, так сразу почувал запах блинов, высокая стопка которых дожидалась меня на печи. Предвкушая плотный завтрак, взял ведёрко и пошёл на улицу, освежиться. Легкая зарядка в течение десяти минут и обливание колодезной водой взбудрили меня не хуже чашки крепкого кофе. Одев приготовленное хозяйкой чистое бельё, посмотрел в зеркало, стоявшее на высоком комод. Бриться мне не надо, а вот волосы на голове подровнять не помешало бы.

Не смотря на раннее время, вошедший на кухню дед Андрей уже успел где-то тяпнуть. Я принялся. Странно, ни в доме, ни во дворе алкоголя не было. Настроился на шлейф запахов и проследил за фантомной фигурой деда в обратной перемотке. Всё понятно, пришедшие солдатики из фляжки угостили, видать в благодарность за кров и еду.

Тайком от бабки пощёлкал по горлу и погрозил старому пальцем. На что дед самодовольно усмехнулся и хлопнул Анну Родионовну по заду, за что тут же получил полотенцем по лицу. Пришлось нам с ним ретироваться вместе, так как не мог оставить его с расвирепевшей валькирией. Это она со мной милая и добродушная, а деду достаётся часто.

Красноармейцы оказались из знакомого мне сто сорок четвёртого полка. Когда они отходили из Руднево, то попали под несколько авианалётов подряд. Соответственно многие из них разбежались по округе и банально заблудились, не зная где находится их часть. Все трое не моложе тридцати, уже не дети и вели себя с деревенскими уважительно, да и на просьбу Андрея Прокопьевича сразу согласились, отдав винтовки ему на хранение (иначе я не стал бы подходить к деревне).

— Могу вас довести до Лаптево, где штаб дивизии был. — Предложил им, после того, как мы познакомились. — Согласны?

Ещё бы они не согласились. Я им такую замануху предложил, что любой бы согласился. Связка немецких карабинов и горка автоматов у меня накопилась нехилая. Особенно обрадовался Сергей из Саратова, умудрившийся пролюбить свою винтовку.

Забежал в дом Буравцовых, где быстренько собрался, попросив Анну Родионовну не обижать старого. Дед у неё на все руки мастер, за ночь починил мне крепления на лыжах и почистил оружие принесённое мной.

— До свидания. Больше я к вам не приду. Фашистов здесь остановили и я пойду дальше на запад. — Попрощался, обняв хозяев и поспешил на улицу. Реакции подросткового тела и тут подвели. Шмыгая носом, растер лицо снегом. Если бойцы увидят старшего сержанта с красными глазами, это будет не айс.

Сначала отправились к сторожке. По пути, выкопал из снега сапоги Алекса, оружие и мешок с документами, которые постоянно собирал у немцев. Надо будет найти Фёдора и передать мешок через него, заодно узнаю не появлялся ли Геллер.

Санки, гружёные оружием, тащил грустный Алекс, мы, вчетвером шли за ним, по проторенному.

— Слушай, я не пойму, говоришь, что ты сейчас в разведке, но разве по одному отправляют? — Поинтересовался любопытный Никита Юдин.

Я показал рукой влево. — Там, в паре километров отсюда, стоит броневик. Видишь?

Красноармеец честно попытался рассмотреть искомое через частокол берёзовой рощи. — Шутишь?

Поправил ушанку, сбившуюся на лоб, отрицательно покачал головой. — Не шучу. Даже дальше вижу. Вот такой из меня разведчик.

Ко мне повернулись Сергей с Иваном.

— А это не ты самолёт сбил?

Важно кивнул. — Было такое, не спору.

— А я слышал, что ты два метра ростом... Что в яму упал и сломал ногу. — Проговорили они друг за другом.

Я улыбнулся. Не армия, а испорченный телефон какой-то. Объяснил про высокого напарника, про падение в щель. Что не из винтовки стрелял, а из крупнокалиберного пулемёта.

Долговязый, невольно подслушивая наши разговоры, периодически оглядывался. Он готов был поверить что я из винтовки по два самолёта в день сбиваю. Насмотрелся ночью, теперь побаивается.

— Коля. Ты говоришь, что броневик видишь. Так может попробуем завести? Я слесарем-механиком работал у нас на заводе.

Хм-м. В принципе, было бы неплохо доехать. Всё лучше, чем ноги стаптывать, лыжи-то только у меня одного есть.

— Эй! Эмигрант! Смотри, знаешь такой. — Нарисовал на снегу силуэт полугусеничного драндулета.

Уставший, тот с радостью остановился и, вернувшись назад, попытался угадать в моём рисунке модель бронетранспортёра.

— Зондеркрафтирзефир.... — Выругался Алекс.

— На русском скажи. Я это гавканье не понимаю. — Вот блин язык. Что бы не говорили, а всё кажется, что матом кроют. — Сколько он народу может увезти по такому снегу? Знаешь?

— Знаю, ездил на таком. — Исправился он. — Десять-двенадцать. Но, вообще, чем меньше, тем лучше.

Вот же кровожадный. Так, нас пятеро. Допустим, ещё пятерых возьмём. Значит минусуем восьмерых.

— Ну, давайте прокатимся. — Закончив с математикой, определился с целями и сдёрнул с плеча эсвэтэшку. — Т-туф-ф! Т-туф-ф!... Т-туф-ф!

Гревшиеся у костра фашистики, попадали. Некоторые навсегда.

— Т-туф-ф! — Один дурак, из оставленных в живых, решил добежать до броневика, пришлось и его вальнуть. Осталось четверо умных.

— Пошли перебежчик, будешь переводчиком.

Пока подходили, пришлось ещё пострелять, чтобы фрицы не дёргались. А там уже Алекс до них докричался. Хэнде хох и всё такое.

Пленных немцев связали и уложили рядком в открытый кузов. Мужики покидали туда же собранное с мертвецов барахло, а я пополнил коллекцию зольдбухов. Их складывал в отдельный мешок, вместе с прочими немецкими бумагами.

Сидя на переднем сиденье, командовал Алексу, который оказался отличным водителем, куда рулить. Благодаря моим способностям несколько раз объезжали заминированные места. Немцев здесь уже не предвиделось и, когда мы отъезжали подальше, стрелял по минам, целясь в нажимные крышки.

Также, я избегал всех, кто мог бы испортить нам поездку. Округа была наводнена различным автотранспортом, чаще трофейным. Курсировали машины штабных, обозников и прочих, и прочих. Пешими, в основном, видел наших, и, всего один раз, попались гитлеровские недобитки. Эту парочку с автоматами пристрелил на всякий случай. Не были они похожи на тех, кто хочет сдаться. Да и крюк пришлось бы делать.

Спустя три часа такой неспешной езды, показалось село. Между нами все вопросы уже обговорены и я попрощался с красноармейцами, попросив замолвить словечко за Алекса, всё ж таки пользу приносил. Четверо, лежавшие связанными на полу, меня не интересовали. Если начальству не понадабят, пусть расстреливают, мне не жалко.

— Бывайте мужики.

Всунул валенки в крепления лыж и шустренько заскользил в лесочек. Мне лучше зайти с другой стороны. Посмотрю сначала есть ли там Федя, и, если пойду, то только тогда, когда уляжется шумиха. Не каждый же день к штабу дивизии подъезжает немецкий броневик, с без вести пропавшими красноармейцами. Лишь бы не постреляли с перепугу. Конечно, мы вывесили флаг, в виде тёмно-розового полотенца на длинной палке, но чёрт его знает, могут и стрельнуть.

Торя лыжню по лесу, заметил подходящее место для наблюдения за селом. На высоком холме, внутри заброшенного храма. В здании обнаружил свежее кострище и сваленные у стены охапки хвороста. Принюхавшись, "увидел" спящих вповалку красноармейцев. Несколько дней назад, тут ночевала пара сотен советских солдат.

Началось. По селу забегали люди с оружием в руках — заметили подъезжающий броневик. Крики, приказы остановиться и стрельба в воздух. Ну, всё, обошлось. Мужики стоят в окружении штабных и рассказывают тем о своих злоключениях. Вытащили из машины пленных, оружие. Рядом стоит понурый Алекс и отвечает майору Дьяконовскому, кто он ~~нежизни выделяет~~ ~~лина~~ ~~общее~~ ~~благо~~ и из какой части.

Фёдор Михалыч нашёлся недалеко от кашеваров. Взмахивая тяжёлым колуном, раскалывал берёзовые чурки на поленья и откидывал их в сторону полевой хлебопекарни.

"Хорошо устроился напарничек." — Подумал, глядя на бывшего пулемётчика.

Та-ак. А эти, что здесь делают? Почему до сих пор не уехали? С раздражением следил за четверкой гэбэшников, присланных по мою душу. Епт-ыть. Не нравится мне это.

Спустя пару часов проведённых в храме, узнал много интересного. Из неприятного — про смерть Геллера.

Я не сразу осознал то, что услышал от одного из оперативников. Вспомнил Сергеича и наше с ним расставание. Эх, что же ты не уберёгся майор. Невольно потянулся к невоскрытому конверту, который так и таскал в кармане гимнастёрки.

Привет Чижик.

Я не мог тебе сказать всего по телефону, да и не стал бы, если бы не обстоятельства.

Передаю письмо с Николаем Ивановичем Кувшиновым. Да Вань. Это судьба, в которую я никогда не верил, или случайность, но это сын нашего одноклассника. Иван погиб двадцать второго июня. Это выяснилось совсем недавно. Проверяли. А ты знаешь возможности нашей службы.

Света и Колина сестра тоже погибли, он остался один. Ты же слышал по радио о захваченном фельдмаршале. Это Коля совершил. Надеюсь, после лечения, он сам сможет тебе всё рассказать. С ним творится что-то невероятное, у нас все на ушах стоят из-за его необычных способностей. Спросишь у него, он объяснит.

Теперь о главном. Мне поручили доставить его в клинику, к профессору ЗАЧЁРКНУТО, хотят исследовать его возможности и провести с ним ЗАЧЁРКНУТО опыты. Завтра я уезжаю на Ленинградский фронт, поэтому прошу помочь парню. У него на руках направление в обычный военный госпиталь. На какое-то время он затеряется для моих сослуживцев. Объясни ему всю опасность ситуации. Он должен стать обычным человеком.

Ю.С.Геллер/Веник

Ни хрена себе Санта-Барбара. Чижик и Веник. М-да. Потом не окажется, что Сергей мутил с Колиной мамой? Ладно. Что мы имеем. Колин отец мёртв, а это значит меньше шансов на раскрытие легенды. Опыты? Ни на какие опыты я не согласен. На хрен! Судьба?! В натуре, если бы не Геллер, сейчас бы какой-то профессор мозгоправ ковырялся в моей головушке. Не-е, на такое я не подпишусь.

***

Застегнув пуговицы на ширинке, лейтенант Сиверцев зевнул, широко раскрыв рот, потянулся и с наслаждением почесал себе между лопаток. Кинув случайный взгляд на занесённую порошей тропинку, отбросил только что закуреную папиросу и бегом помчался обратно в домик. Судя по двум цепочкам следов, пока он выходил в туалет, кто-то успел войти внутрь и уйти не замеченным.

На кровати лежала записка от Николая Кувшинова, а на полу лежал вещмешок набитый картами, бумагами и немецкими солдатскими книжками.

У вас для меня информация. Говорите, я слышу.

P.s. мешок в подарок.

Сплюнув от огорчения, пару минут Леонид собирался с мыслями. О таком варианте они с Женей Лобановым не подумали. Рассчитывали на личную беседу, в которой ориентируешься на реакции собеседника и соответственно, можно дозировать тот объем информации, который будет достаточным для получения нужного результата. Он ещё раз прочитал текст. Информацию ему подавай. А какую? Те обещания, которыми ему разрешено убедить парня, сейчас прозвучат глупо и неправдоподобно. Выдавать всё подряд, включая приказ, лично полученный от Лаврентия Павловича? Мля-а-ать! Лейтенант бросился к планшету висевшему на спинке кровати.

— Николай, требую вернуть то, что ты взял. Немедленно! Иначе... Пф-ф-ф. Пожалуйста, верни документы, мне их надо доставить в Москву. Очень тебя прошу. — Леонид обхватил голову, представив, что с ним будет за потерю совсекретных документов. — В общем, мне разрешили обеспечить тебя всем, чтобы ты не захотел, обещали выполнить любую просьбу и гарантировали полную безопасность. Как видишь, приказ подписал сам товарищ Берия. Пойми, никому не выгодно тебя арестовывать, или причинять какой-либо вред. Только врагам. Ты нужен в Москве. Я знаю о том, что ты успел

здесь сделать, и поверь, я завидую твоим возможностям. Хотел бы уничтожить фашистов, как ты, но вместо этого выполняю другую работу, не менее важную.

***

Забравшись поглубже в лес, сидел у костра, разогревая в котелке вчерашний кулеш.

Геллера жаль, хороший мужик был. Хоть и конторский, и был себе на уме, но с ним бы я поработал. Этот крепыш, капитан Семёнов, тоже не похож на подлеца и искренне верил в сказанное им. И про Берию не соврал — да, встречался и передал слова наркома в точности. Но говорил ли Лаврентий Павлович правду? И о загадочном профессоре ни слова не упомянул. Не прочитай я письмо, так бы и не узнал о планируемых опытах.

Только что закончил перебирать стопку подписок о неразглашении, собранных со всех, с кем я общался, начиная с того момента, как попал на формирование дивизии. Присланные за мной гэбэшники восстановили по часам эти дни до моего ухода из расположения. В планшете были показания свидетелей, включая их домыслы и рассуждения. Особенно, меня заинтересовал пересказ моих слов про гоблина, ведь старшина погиб и никак не мог поведать этого. Я посмотрел на подпись. Какой-то Аверьянов В.Ф. Нет, не знаю такого. Скорее всего, Илья кому-то из своих знакомых успел рассказать об ушастых зелёных уродцев.

Поражаясь размерам проделанной гэбэшниками работы, думал над тем, как мне поступить. С одной стороны, пока идёт война, я могу вволю нагуляться, заниматься пострелушками, кошмаря фрицев, а потом, спокойно выполнить задуманное. С другой же — мне светит постоянный контроль и выполнение, не всегда приятных заданий. А в конторе по другому не бывает. Тут тебе и служба собственной безопасности, и политика, где, как бы не больше грязи и мерзости. Есть и другой вариант. Я могу влезть куда не следует и помешать кому-то из кремлёвских небожителей, и тогда меня прихлопнут, как надоедливого комарика. Могут и превентивно, если узнают, что я представляю для них опасность. А они обязательно узнают, от таких людей секретов нет. Это же змеиный клубок, где выживает не сильнейшие, а самые хитрые и приспособляемые. Яркий пример таких приспособленцев, это Хрущёв. Попадёшься такому в поле зрения — раздавит.

А может согласиться? Самому раздавить нескольких таких гадов?

Прикончил остатки еды, запив морсом из фляги, закидал костёр снегом и достал из кармана монетку. Орёл или решка?

***

Спрашивается, на хрена влез в эту кашу, не я же её заварил. Это всё он, Терентьев.

Дело было так. Кинул я монетку, ещё раз подумал, а после, пошёл к Фёдору — попрощаться, а там эти гаврики — Сергей, Никита и почему-то Алекс, спорят за мировую революцию. Я, не ожидая от них никаких подстав, всё же соратники, опрокинул с ними по сто грамм. Немного посидели, да. Они послушали мои рассказы, посмотрели награды, слегка позавидовали и чуть не побили нашего пленного. Ещё сто грамм, после которых, Федя выступил с предложением. Задумка была хороша. По крайней мере, так мне тогда казалось.

И вот, я здесь.

Расплачиваюсь за то, что изменил своей обычной тактике. В этот раз, вместо снайперской засады, нападение на собравшихся в кучку генералов совершил с помощью ротного миномёта. Я ждал несколько часов, но, все вместе, эти дядьки на улице не показывались, а выкуривать их было бесполезно. И, посоветовавшись с товарищами, решил закидать их домик 50-миллиметровыми минами. Не спорю, вещь безусловно убойная, но

оказалось, что восемьсот метров дистанции недостаточно для комфортного отступления. Да, диверсия удалась и вермахтовские шишки уже в аду, но скорость, с которой меня вычислили, неприятно поразила. Это с карабином я мог снизить уровень шума, замотав ствол в ватное одеяло, а с миномётом такого не выйдет. Меня услышали и выслали погоню.

Утихомирив дрожь в руках, дождался, когда финны приблизятся к нужной точке, прицелился в рубчатый корпус гранаты. — Т-туф-ф! — Зажатая в воткнутой в снег рогульке эфка упала, сверкнув отлетевшим рычагом.

— Бдыщь! — От взрыва, на придорожных кустах послетали снежные шапки и часть из преследующих меня лыжников попадала на дорогу. Трое, или четверо ранены, а остальные невольно сбавили ход. Используя последнюю гранату для простейшей ловушки, лишь ненадолго притормозил погоню, чёртовы спортсмены, никак не отстают. Финнов больше сотни, а патронов к СВТ всего три десятка.

М-да, не ожидал, что попаду в такую ситуацию. Сил уже нет, а до Ганомага ещё два километра. В бронетранспортёре стоит спаренный MG34 и к нему взяли полубившийся мне пулемёт ДК, мне только бы добежать машины, уж там-то я разговееусь.

— Ху-у-ух! — Парни, наблюдавшие в бинокль за уничтожением фрицевского штаба, догадались, что у меня проблемы и выехали мне на встречу. Чувствуя, что ещё чуть-чуть и кончусь прямо здесь, останавливаюсь, прячусь за стволом одиноко стоящей сосны. Палки в сторону, лыжи туда же, стянуть зубами перчатку. Жду.

Броня уже метрах в пятистах за спиной, когда я открываю огонь. Коленки первой пятёрки подламываются и, сильно разогнавшись, они кувыркаются в снег. Финны, прикрываясь деревьями, рассыпаются и залегают, начиная стрелять в мою сторону. Высунув из-за дерева только ствол, убиваю троих с MG34, но, пока перезаряжаюсь, к пулемётам подбегают другие. Выручает Фёдор Михалыч. Прижимает противника к земле, открыв огонь из спарки. — Тды-тды... Тды-тды...

А я его ещё отговаривал от участия в вылазке. Пригодился всё таки.

"Эх, сейчас бы дымов накидать." — Помечтал, думая, как мне забраться в кузов. Повторив отстрел пулемётчиков, бегом бросаюсь к бронетранспортёру. Подскальзываюсь, два раза падаю, теряю винтовку, но умудряюсь добежать целым. Ко мне протягиваются руки Алекса и Сергея, помогая забраться в кузов. Есть! Сейчас повоюем.

Эмигрант кидается на водительское место и начинает сдавать назад. Мне так даже легче. Чем дальше от меня противник, тем проще с ним разобраться.

— Тды-тды... Тды-тды... Тды-тды... — По фиг на коленки, некогда выщеливать, нам надо убратсья отсюда поскорее. Из-за тряски, начинаю позорно мазать, поэтому пинаю Алекса в спину. — Стой!

Целых четыре диска уходит на оставшихся финнов, которые думали спрятаться от меня за деревьями. Ха-ха-ха! От крупняка?! Эйфория захлёстывает, заставляя делать лишнее.

— Всё! Давай разворачиваться. — Говорю, а сам без сил падаю на скамейку.

Алекс, этим рейдом зарабатывающий себе жизнь, разворачивает броневи́к. Теперь, основная работа на нём и Сергее, ведь они одни среди нас, кто говорит на немецком. Мы слишком глубоко забрались в тыл к фашистам. Одних моих способностей не хватит, чтобы помочь нам выбратсья, поэтому мы одеты в немецкую форму и готовы к несложным проверкам.

Снял шапку и вытер ею потное лицо. А спина настолько мокрая, что пот затекает в трусы. Засунув руку за пазуху, протёр поясницу. Писец! Пару секунд рассматриваю кровь на

ЛАДОНИ И ОТКЛЮЧАЮСЬ.

Отъехав от места перестрелки на пару километров, Алекс загнал бронетранспортёр в овраг. Меня привели в чувство и помогли снять одежду.

На спину полился обжигающе холодный спирт. — Царапина. — Успокоил меня Никита, немного шарящий в медицине. Ну, как немного, почитай три года отцу ветеринару помогал в колхозе. Ориентируясь по красному кресту, этот коновал, нашёл отличный запас медикаментов в железном чемоданчике, прикреплённом к борту броневика.

Угораздило же так подставиться. Пуля пробила шинель, меховую жилетку, рубашку, пробороздила кожу и вышла, наделав в одежде ещё отверстий. Пока Никита вычищал рану и бинтовал, замёрз как цуцик. Морщась от боли, стал натягивать гимнастёрку на перебинтованный торс. Жилетку пришлось выбросить вместе с немецкими шмотками, но я, довольный своей запасливостью, достал из мешка свитер. Отстиранный Анной Родионовной, он пришёлся весьма кстати.

— Поехали. — Скомандовал, обшаривая окрестности своим "радаром". — Нет вокруг никого.

Отказавшись от протянутой Сергеем фляги, лёг боком на обтянутую дермантином скамейку. Сейчас лучше не пить, я нужен трезвым.

Фёдор с Сергеем сидели вдоль противоположного борта, а Никита рядом со мной — придерживал рукой мою тушку от падения. Смотря на их лица не смог удержаться от комментария. — Вы, как на похоронах. Сделайте морды попроще. Всё живы, а это главное.

— Коля. Я тогда не видел всего, но сейчас... Это сколько людей ты уже убил?

Сглотнув накопившуюся во рту слюну, ответил. — Не считал. Но сколько бы не было, этого не достаточно. Каждый из них, — Я показал назад. — мог убить одного, или больше. Теперь не убьёт, и какой-нибудь русский Ваня будет жить. Ты, Фёдор Михалыч, меня оскорбить хочешь? Зверем выставляешь?! Тебе рассказать про зверства фашистов?!

Меня трясло от злости. Видать память предков проснулась. У одного деда с войны три брата и отец не вернулись, у другого вообще никого не осталось. Сами все покалеченные вернулись. Бабушки в войну трудились, детей поднимали.

— Помоги подняться. — Я протянул руку. — Алекс, останови.

Дождавшись, когда двигатель замолчит, встал за пулемёт и сделал восемнадцать прицельных выстрелов. — Поехали, Алекс.

Посмотрел на здоровяка с вызовом. — Теперь, на восемнадцать больше.

Сел обратно. — Знаешь, я слышал стихи. Не помню их полностью, в памяти лишь пару строчек. Раз фашиста убил твой брат, это он, а не ты солдат. И, вот ещё. Если немца убил твой брат, пусть немца убил сосед, это брат и сосед твой мстят. Понимаешь? Не ты, Фёдор Михалыч, а кто-то другой. Я чересчур много убил, ты так считаешь?! Так вот, Федя. Сколько раз увидишь фашиста, столько раз и убей.

Растерявшиеся от такого напора, парни молча выслушали мой сумбурный экспромт. Фёдор, с виноватым видом, попытался что-то объяснить, но замолчал, увидев, что я опять встаю к пулемёту.

— Тды-тды... Тды-тды... — Троих.

***

Когда лейтенант Сиверцев увидел знакомый обрис бронетранспортёра, он широко

перекрестился, забыв, что, вообще-то, является ярым атеистом. — Слава тебе господи. Вернулись. — А, когда увидел стоявшего в окружении командиров молодого паренька, шёпотом добавил. — Наручниками к себе прикую. — На что Николай обернулся и скрутил ему фигуру из трёх пальцев.

— Арестовывать! Под трибунал пойдёте! Да я вас сам сейчас расстреляю! — Услышал вдруг лейтенант и поспешил к собравшимся.

— Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться. — Сиверцев подскочил вплотную к высокому военному в генеральской шинели. — Наедине, пожалуйста.

Заметив пару Дружинина с Лобановым, он незаметно сделал им знак, чтобы уводили отсюда Кувшинова.

Утянув за рукав генерал-майора в сторону, Леонид предъявил свои документы и приказ подписанный Берией. — Ознакомьтесь пожалуйста, Василий Гаврилович. У меня приказ забрать этих людей с собой.

— Я член военсовета. Мне насрать на твои бумажки. Я и тебя сей... Лаврентий?

— Да, Василий Гаврилович, приказ я получил лично от Лаврентия Павловича. И ещё мне нужна ваша помощь. Для сопровождения, требуются ваши машины с охраной.

***

По дороге к аэродрому Лёня жаловался на жизнь, обвиняя меня в своих неудачах. — Ты пойми, с меня требовали каждодневный отчёт, а ты забрал совсекретные документы. Это же... Эх, да что я тут распинаюсь, тебе же всё побоку.

Согласен, побоку, если точнее, то по спине. Ноет зараза, похоже ранка воспаляется. Как бы нагноения не случилось.

— Леонид, успокойся, что ты причитаешь, как бабка старая. Бумаги тебе вернул, еду с тобой в Москву. Всё, как ты хотел. Молодец, важное задание выполнил, значит на звёздочку заработал.

Гэбэшник повернулся ко мне. — Какую звёздочку? Как у лётчиков за сбитый самолёт?

— Ну, да. Звёздочку на фузеляж и шпалу на петлицы. — Поспешил с ним согласиться. Мля. Язык мой — враг мой. Дальше мы ехали молча. Хоть он виду не подавал, но было видно, что Сиверцев обиделся. Представил свой фузеляж со звездой?

Я, лейтенант и ещё один гэбэшник, который сидел за баранкой, ехали на легковушке за Ганомом (я настоял на том, чтобы взять броневик в сопровождение — без пулемёта под рукой, чувствовал себя как-то неуютно), следом за нами тентованная полуторка с десятком бойцов охраны вооруженных ППШ.

По приезду на аэродром, Леонид, как старший нашей группы, договорился о кормёжке в столовой и сразу ушёл с местным особистом, чтобы связаться с Москвой. Их долго не могли соединить, потом они ожидали какого-то Петра Ильича. Полностью, их телефонный разговор не услышал — отвлекали соседи по столу своими разговорами, но итоги я понял. Мы полетим на тяжёлом бомбардировщике, возвращавшимся на свой аэродром в Иваново. Здесь он оказался почти случайно, сел после боевого вылета, потеряв ориентиры из-за поломки одного хитрого прибора.

Заканчив с нашим поздним ужином, я отозвал лейтенанта Лобанова на приватный разговор.

— Товарищ Лобанов, вы же ознакомлены с приказом наркома? Я про оказывать содействие и прочие пункты. — Уединившись, мы зашли в хозпристройку, где начал шантаж с давления своей важностью. — Скоро я буду писать рапорты и объяснительные, которые,

наверняка, будут читать там, — Мой палец показал на нестроганые доски потолка. — В них, я могу положительно отметить вашу работу. Или же описать, как забрал у вас совсекретные документы, о чём вы так и не доложили.

— Понятно, не объясняй. Что предлагаешь? — В умных глазах гэбэшника светился огонёк некой брезгливости. Что мне, понятное дело, не понравилось.

— Женья! Не перебивай! — Посмотрел на него строгим взглядом учителя. — Не предлагаю, а имею к тебе парочку небольших просьб.

Епт-ыть. Здоровый мужик, сотрудник спецслужб, а стусевался, как пойманный за проказу шкодник.

— Терентьева, Кречетова и Гонтарева оставить при своих частях и представить к наградам. — Озвучил свою просьбу.

Лейтенант успокоено хмыкнул. — Да ничего с ними не сделают. А про награды, это не к нам, это больше от тебя зависит. От твоих рапортов. — Уточнил он в конце.

Будешь? — Он достал пачку немецких сигарет без фильтра. — Это всё? Или будет ещё что-то.

От курева отказался, но запах дыма нюхнул. Терпеливо подождал, когда лейтенант докурит. Затем выдал. — Алекса, мы возьмём с собой.

Эмигрант так и оставался за рулём бронетранспортёра, держался за него, словно за спасательный круг. Когда от нас отстал тот генерал, мы с Фёдором сбегали в дом, где он ночевал раньше, и выменяли у одного хохлястого старшины солдатскую шапку с шинелью. Взамен отдал затрофеенную у офицера серебрянную фляжку. Переодевшись, Алекс стал почти похож на нормального человека.

Не скажу, что мне его стало жаль, просто так вышло, что я пообещал ему жизнь и относительную свободу, если поможет нам. Признаю, ляпнул, когда был под градусом, и потом, пока возвращались из рейда, всё прикидывал, как поступить. Можно было выпнуть из машины и скатертью дорожка. Это было ему предложено, и он, неожиданно для всех, отказался, хотя мы тогда были на территории контролируемой гитлеровскими войсками. Мужики заявили, что он просто трусит, боится, что мы его шлёпнем, если он побежит к своим. Да, он боялся, но не того, о чём говорили.

Смерть, как и любого другого человека, Александра страшила. За уклонение от службы в армии, сына русского эмигранта ожидали тюрьма и возможно смерть. Поэтому, выросший в Германии, но воспитанный в русской общине, он был вынужден пойти служить третьему рейху.

Молодой человек, с малолетства ассоциирующий себя с Россией, помнил наказ родителя, что родина у человека может быть только одна и отдать за неё жизнь святая обязанность честного человека. Он верил в это, мечтал увидеть страну, где находились могилы его предков и защищать её, как когда-то защищал его отец.

Он был с нами честен, когда вывалил это всё, кому, как не мне судить об этом. Как там говорится? Мы в ответе за тех, кого приручили.

Что? Кто-то котиков заводит, а у меня будет такой "питомец".

Я смотрел на лейтенанта Лобанова, в ожидании ответа. — Он не нацист, сдался при первой возможности.

Лобанов не стал спорить, сказал, что обсудит с Леонидом. Знаю такие обсуждения, после них люди пропадают. Пришлось забить на сон и присматривать за ними, чтобы не начудили.

На посадку позвали в половину четвёртого, когда до рассвета было ещё далеко. Думал будут какие-нибудь процедуры предполётные, проверки, или погрузки, но оказалось, что всё уже готово. Пришли — за нами двери закрыли и самолёт начал выруливать на взлёт. Наверное, стрёмно так взлетать, у лётчиков же нет моих способностей.

Про удобства салона рассказать? Их не было, кроме узких скамеечек, на которых и сидеть было трудно, лежала груда овчинных полушубков и мешок с унтами. На этом, забота о пассажирах заканчивалась. Мне было плевать на всё — начало лихорадить. Одед безразмерные унты, взял два полушубка и лёг в хвостовой части. На меня посмотрели и пристегнули ремнём к полу, словно я был каким-то грузом. Кажется, умудрился заснуть до того, как мы взлетели.

— Сзади заходит! — Разбудив, мимо меня пробежал один из членов экипажа. — Юру осколком задело!

— Лёня! — Меня бил озноб. — Что стряслось!

— На раму наткнулись! — Прокричал он. — Наши в него стрелять начали, а фашисты в ответ! Кого-то ранили!

Вражеский самолёт летел много выше и похоже преследовал нас. Пилоты ругались, но похоже ничего страшного в этом не видели.

— Лейтенант, скажи, чтобы меня к пулемёту пустили!

Десять минут на споры, две минуты на пристрелку и враг падает, разломанный на две части. Я даже успеваю рассмотреть одного из немцев. Двое других мертвы, а этот пытался выброситься с парашютом. Не успел.

М-да, не с теми игрушками я играл. Двадцатимиллиметровая пушка — это вещь!

Было так холодно, что на слезившихся глазах смёрзлись ресницы. Кормовой стрелок, сменивший меня у пушки, даже не сказал спасибо, настолько был охреневшим. От распросов отмахнулся, поспешив закутаться в овчину.

Проснулся уже в санчасти. Сознание ясное, но в теле жуткая слабость, ноги еле шевелятся и с трудом поднимаю руки. Принюхался. Охренеть! Из того, что увидел, единственной хорошей новостью было то, что мне прочистили и наконец-то заштопали рану.

— Проснулся, герой. Значит жить будешь. Как тебя зовут хлопчик? — В палату шумно ворвался плотно сложенный мужчина в белом халате. — Так, чего молчим?

Сглотнув, понял, что сильно хочу пить. — Мне бы водички.

Молча, перекатываясь с пятки на носок, доктор разглядывал меня. Ждёт волшебного слова?

— Пригласите сюда лейтенанта НКВД Сиверцева. Мне самому позвать? — Процедил сквозь зубы, когда меня опять проигнорировали.

— Лёня!!!

Леонид, флиртующий с полненькой медсестрой в конце коридора, подорвался в нашу сторону.

— Водички. — Повторил, на фоне слышимых шагов лейтенанта. — Мне.

А чего мы глазки потупили? И ручки трясутся? Странно, только что был таким уверенным.

— Что?! Что такое? — Вошедший Леонид обвёл нас взглядом. — Всё плохо?

— Поговорить нам надо, пусть товарищ выйдет... Товарищ, я вас имею в виду, или вы нам не товарищ.

Мы проследили взглядом, как доктор вышел за дверь. Мне показалось, или он действительно стал одного цвета с халатом? То-то же, нехрен злить.

— Лёня, скажи мне, я похож на идиота? — Начал наезжать на гэбэшника, неожиданного от меня такого. — Какого хрена с меня столько крови откачали, вы совсем с ума посходили? Решили воспользоваться моей беспомощностью? Не боялся, что окочурюсь?

Лейтенант оправдывался полученным приказом.

Ну, я ему и выдал "Малый Петровский загиб" на большой Лёнькин прогиб. Жаль, сил было мало, быстро выдохся. Спросил только, когда он попятился к двери.

— Чей, конкретно, приказ ты выполнял?

***

Лежу за решёткой в больнице дрянной, возвращённый в детдоме герой деловой.

Епт-ыть. Как чувствовал. Как людям верить после таких закидонов. Словно любопытные дети в песочнице. Отнять чужую машинку и, всё, что разбирается — разобрать. Не разбирается? Об асфальт её, вдруг всё таки разбирается. На фиг! Я не игрушка. Не хочу быть разобранным.

Мля, насколько же было проще в тылу у немцев. Здесь, не успев доехать до первопрестольной, уже лишился почти пол литра кровушки. Алексу тоже досталось, сидит бедный в камере. Судя по картинке из запахов, на допросах его били нежалеючи. Ну правильно, чего фашиста жалеть. Так он ещё и дворянских кровей? Сын царского прихвостня? Получи гад ещё!

В обед попросил добавки — отказали. На просьбу выдать одежду — не ответили.

Эх, жаль не умею читать мысли, мне бы сейчас пригодилось такое умение. Чёртовы гэбэшники теперь больше молчат. Рядом со мной, совсем перестали обсуждать что либо вслух, общаются записками. Но, ничего, я быстро учусь. Слежу за всеми, кто с карандашом в руках и пытаюсь, по их движениям, увидеть что пишут. За перьевыми ручками смотреть легче, но, в основном, ими пользуются в кабинетах, где стоят чернильницы. Карандаши же маленькие, их плохо видно, с ними приходится додумывать написанное по смыслу.

Когда начался допрос, на циферблате командирских часов приехавшего следователя, было пол пятого вечера.

Седовласый худощавый франт в выглаженной форме. На манер плаща, на плечи наброшен халат. Под белой хлопковой тканью прячутся одинокие ромбики на малиновых петлицах.

— Следователь Сазонов Роман Константинович, веду ваше дело.

Такое приветствие ввело меня в ступор. Дело? С какого перепуга?

— Начнём? Давайте по порядку: имя, фамилия, год рождения, где родились.

Изобразил только что пойманного карася в руках рыбака. Беззвучно разеваю рот и трясую головой. Не могу мол, настройки громкости сбились. Франт не теряется, даёт карандаш и бумагу. В ответ, трясущейся рукой, протыкаю лист так, что ломаю грифель. Хрен тебе, а не мои показания.

***

— В его вещах нашли письмо написанное Геллером. Экспертиза доказала, что почерк принадлежит майору.

Адресовано некому Щербакову Ивану Васильевичу. Включая майора Кувшинова, то есть отца объекта, все трое оказались бывшими одноклассниками. В письме Юрий Сергеевич просил Щербакова позаботиться о сыне их общего друга. Из чего следует, что

предполагаемой нами подмены не было, также это, косвенно, подтверждается группой крови. Щербаков был опрошен по месту службы, по фотографии он не затрудняется подтвердить личность объекта.

В письме упомянут профессор. Его фамилия и профиль исследований были вымаранны. Наш эксперт дал заключение, что чернила идентичны остальному тексту. Не зная всех возможностей объекта, мы не можем исключить того, что он в курсе планируемых исследований.

На данный момент, объект находится на территории военного аэродрома Северный города Иваново. Взятые у него образцы изучают.

— Его сопровождение знает, что Кувшинова ищет Лаврентий?

— Нет. Они думают, что действуют по его приказу.

Роман Константинович выбивался из типичного образа следователя. Был ненастырным, вежливым — спокойно отнёсся к моему молчанию. Надолго не задержался, ещё до ужина уехал в город с Денисом, одним из гэбэшников. Сразу же после его ухода зашёл сердитый на мои шутки доктор с градусником и стетоскопом. Спасибо, что не с клизмой.

В коридоре разместились охрана из местных вояк. Оставив с ними одного из своих, Лёня и Женя пошли в сторону леса. Вряд ли там есть что-то интересное, скорее всего, хотят отойти от меня подальше и о чём-то пошептать.

Странные дела творятся. Почему держат здесь, а не в Москве? Почему, какая-то задрипанная больничка, а не секретный НИИ по изучению мозга.

— Григорий Анатольевич? — Обратился к тому самому доктору, которого пугал Леонидом. — Извините за мою грубость, был не в себе, когда очнулся.

Он коротко глянул в мои честные глаза, продолжая прослушивать мою грудь.

— Выслушайте, пожалуйста. У меня есть к вам серьёзный разговор. — Продолжил свои попытки разговорить его.

Доктор замедлил движения.

— Меня зовут Николай Иванович Кувшинов. Тот самый герой советского союза, захвативший фельдмаршала. Не верю, что вы обо мне не слышали...

***

— ... мы видели уходящего мельком, со спины.

Сиверцев глухо выматерился. — Как можно перепутать худого подростка с этим толстяком?! Вы здание обыскали? И почему сразу не сообщил?

— Чего тут обыскивать-то: два кабинета, четыре палаты, процедурную, коридор? — Ехидно спросил Данилин. — Вы же ушли с Лобановым, где я вас должен был искать, в лесу? Лучше скажи, что сейчас делать, поднимать гарнизон?

Лейтенант закатил глаза вверх. — Витя, ты дурак? Какой гарнизон? Сказать людям, что НКВД ищет Кувшинова? Здесь не фронт, его тут все знают. Ты в курсе, что лётчики уже написали рапорты и всем всё рассказали. К тому же штурман его узнал. Уверен, что информация об этом уже ушла в Москву и все ищут героя сбившего немецкий самолёт-разведчик. Не удивлюсь, если завтра журналисты из газет понаедут. Нет, будем искать, как раньше, своими силами.

Сотрудники продолжали обсуждать побег Николая, не зная, что он наблюдает за ними сидя на чердаке.

Голодный, с обеда ничего не кушал. Поверх халата, закутан в два байковых одеяла, стыренных в палате. Ими оборчивался, имитируя полноту доктора. Георгия Анатольевича пришлось связать для правдоподобности. Он даже предложил поставить ему фингал под глазом.

Чердак не стали проверять потому, что под люком не было лестницы, при надобности, её приносили с улицы. Я же смог залезть с помощью двери, находившейся рядом. Открыв, вскарабкался по ручке и дальше по дверному полотну, в общем, цирковой номер для подростка потерявшего много крови.

Ситуация. Да. Могу только похвалить себя за созданный имидж. Гэбэшники оказались слишком хорошего мнения о моих способностях и думали, что я уже где-то в городе. Даже

как-то стыдно, за своё положение, ведь, чуть ли не суперменом считают. Но, нет, пришлось действовать, как любому нормальному человеку, дожидаться ночи и идти на разбойничий промысел.

На ночь, в здании санчасти, остались пятеро инфекционных больных, раненый лётчик, дежурный фельдшер и молодой санитар, выполняющий обязанности дневального. Когда все заснули и на ногах остался только санитар, покинул своё спасительное укрытие, спрыгнув вниз. Раздался жутко противный скрип, когда мои босые ступни коснулись холодного пола. Я замер. Молодой парень, занятый тем, что шерудил в печке угли, преспокойно продолжал орудовать длинной кочергой. Ху-у-ух.

Прокравшись по коридору мимо палаты лётчика, сочувственно покачал головой. Бедняге куском отлетевшей обшивки резануло по лицу и чуть не вспорол шею.

Одежда дожидалась меня в кабинете Григория Анатольевича, как он и обещал. Уговорить его, не составило особых усилий, звание героя и мои объяснения убедили помочь. Одевшись, почувствовал себя намного увереннее. Для полного комфорта осталось забрать свой Маузер и документы, для чего, нужно навестить своих новых НЕприятелей. Заодно выясню, кто эта гнида, решившая, что ей сойдут с рук издевательства над героем, перебившим кучу фашистов.

Через полчаса санитар сподобился выйти по нужде и я перебрался в тамбур, спрятавшись за дверь. После его возвращения, завершил рокировку, выйдя на улицу.

Лёгкая, практически безветренная, метель была слабым помощником в пересечении открытых пространств. Больше веры было в мои способности и белый пододеяльник, взятый для маскировки, который так и не понадобился.

Мои вещички лежали в сейфе у главного особиста, живущего на особицу от остальных. Его небольшой щитовой домик был расположен очень близко к капонирам с самолётами.

"Интересно, как можно спать рядом с этим." — Подумал, когда меня чуть не оглушило заработавшим движком. Это техники что-то шаманили в таком же самолёте, как тот, на котором мы прилетели.

В данный момент капитан Селиванов не спал. Дело кому-то шьёт? Или донос сточит?

За шумом авиационных двигателей, ревуших на поле, он не расслышал моих шагов, продолжая заполнять лист крупными размашистыми буквами. После несильного, но тщательно выверенного удара в основание черепа, тело особиста обмякло и спозло на пол. Разоружив, привязал капитана к спинке массивной кровати, после чего открыл его сейф и занялся изучением содержимого.

Мой потрёпанный вещмешок валялся в самом низу. Рядом лежал пистолет в кобуре обмотанной ремнями сбруи. Вроде бы всё на месте, даже деньги не взяли. Хм-м, отсутствует письмо Юрия Сергеевича. Бегло проверив верхние отделения, письма не нашёл, но зато обнаружил кое-что другое.

Среди прочих интересных бумажек, на глаза попалась шифротелеграмма адресованная Сиверцеву, а под ней ещё одна. На первый взгляд, во всём полная копия первой, та же дата, время и отправитель с получателем. Правда номер серии на бланках не совпадает, но это всё пустяки. Главное было в самом послании. Если судить по номеру бланка, то в первой шифровке, чёрным по белому, приказ явится вместе со мной в кремль. Во второй же — предписывается произвести негласный арест и оказывать содействие старшему следователю из управления НКВД по Московской области майору Сазонову.

Ну, что же. Картина маслом.

Проводить следственные мероприятия мне не требуется — я сам себе эксперт-криминалист, следователь и прокурор, в одном лице. Начальник особого отдела, капитан НКВД Селиванов изготовил поддельную шифровку и действует в сговоре со столичным следователем. Неясным для меня остался вопрос с шифровальщиком, чей почерк также был на обеих карточках. Заодно? Неуверен, тут были варианты. Человека могли обмануть, приказать, или надавить компроматом.

Следующим пунктом в моём плане действий значилось — срочно подкормить свой организм питательными элементами, желательно вкусными. Ходить далеко не надо, пол буханки хлеба и банка тушёнки нашлись здесь же, в сейфе Селиванова. Поставил мятый чайник на примус, пользуясь спичками из кармана капитана, разжёл горелку. Устроившись за столом хозяина кабинета, смолотил сооружённые на скорую руку бутерброды, запивая пустым кипятком. На десерт была небольшая плитка горького шоколада, оставленная на моих вещах Григорием Анатольевичем. Извинения за мою кровушку?

Что дальше? Оставить всё, как есть и уходить в леса? В городе мне не укрыться от всевидящего ока Саурона Берии. Мужчин сейчас мало, они все на виду, сочтут уклонистом, или дезертиром и сразу заложат. Влиться в преступный мир? Нет, не мой вариант, я там всех поубиваю на фиг.

Ладно, дам гэбэшникам ещё один шанс, они вроде бы не при делах. Надеюсь, когда увидят такие доказательства, до них дойдёт, что их жёстко подставили.

***

Леонид причмокнул во сне, почесал пятки друг дружкой, но не проснулся. С сомнением я посмотрел на мягкое пёрышко. Не то. Взял один из валенок стоявших на сушилке у печки и со всей дури шарахнул спящего лейтенанта по тощей заднице.

— А-а-ааа, су...! — Энкавэдэшник соскочил с постели.

Ого, как действительно. Все остальные тоже проснулись, как в этой комнате, так и в соседних. Встрепенулся даже караульный на улице, мимо которого я недавно прошёл.

— Да ну на. — Сказал оперуполномоченный, увидев Маузер в моих руках. Хотел было сесть обратно на кровать, но поморщился и передумал.

Зашумели в коридоре. В комнату стали заглядывать местные, в основном летуны и техники. Всякие управленцы и политработники обитали в другой казарме. Послышалось упоминание моей фамилии.

— Поговорим, Лёня? — Я уселся на тумбочку у окна и посмотрел на лица любопытных соседей в дверном проёме.

Хватило одного взгляда лейтенанта, чтобы дверь закрыли с той стороны.

— Леонид, ты знаешь что такое контрацептивы? Презервативы? Кондомы? Знакомые слова?

Гэбэшники обиделись и зашарили глазами в поисках оружия. Ха! Наивные, я всё спрятал.

— Если по простому — это вы. Вас, товарищи, использовали и, вероятно, скоро выбросят в нужник.

Покрутил колёсико керосинки висевшей под потолком, чтобы было виднее и бросил на кровать обе шифровки.

— На настоящей шифровке серийный номер на единицу меньше.

Желая побыстрее ознакомиться с текстом, они немного переборщили. Головы троих

мужчин столкнулись с неприятным стуком.

— Твою мать!

Жалкое зрелище. Рожи кислые, словно по лимону съели и солёной водой запили.

— Осознали? Если осознали, то слушайте меня и, может быть, для вас всё обернётся к лучшему. — Оглядывая их посерьёзневшие лица, вдруг засёк прибытие следователя с четвертым гэбэшником. — Нет времени объяснять! Берите оружие в тумбочке и бегом одеваться.

Вот почему капитан не спал, он ждал Сазонова. От этой казармы до домика особиста быстрым бегом минут двадцать, не меньше. Вот только автомобиль преодолет это расстояние быстрее. Но зачем бежать, если можно перехватить их по дороге.

По снегу запрыгали жёлтые пятна от фар двух машин.

— Тормозите их здесь, скажите, пусть отправят своих людей на обыск самолётов, вроде как меня там видели, и не дайте следователю уехать с ними. — Объяснив, отступил к ним за спины и достал пододеяльник из вещмешка.

***

Лейтенант Сиверцев чувствовал себя разбитым. Вчера не смог выспаться из-за своей боязни летать. Потом странный, нелогичный приказ и в результате побег Кувшинова, после которого бегали, как оглашённые, выставя посты на дорогах. Затем, до самой темноты, обходили периметр аэродрома, искали на снегу следы. Неспавший вторую ночь подряд, прийдя в казарму, он моментально заснул, но, лишь для того, чтобы сразу быть разбуженным ударом валенка.

Злость от такого пробуждения, вскоре сменилась ужасом, желание спать исчезло напрочь. Представив, что с ними будет, если эти шифровки пропадут... Бр-р-р. Разыгравшееся воображение нарисовало страшную картину.

— ... не дайте следователю уехать с ними. — Дал указания Николай.

Они уже различали лица сидевших в первой машине, как вдруг Лобанов додумался до очевидного и вскрикнул. — Они же увидят Кувшинова!

Но, когда трое оперативников огляделись по сторонам, Николая в пределах видимости не обнаружили.

— Опять его шуточки. — Пробурчал Виктор Данилин.

Грузовик, ехавший следом за автомобилем следователя, был набит милиционерами. Удивлённый такой встречей Сазонов, услышав что недавно видели Кувшинова, с лёгкостью согласился направить людей на проверку самолётов.

— Роман Константинович, это не все новости. Мы нашли в одежде Кувшинова зашифрованную записку на английском языке. Вы знаете английский?

Мужчину обступили и повели от машины к казарме. Но, вероятно почуяв неладное, он сбросил с плеча руку Виктора, оттолкнул Евгения и отбежал обратно к машине. — Что происходит, лейтенант?!

Сиверцев вытащил из кармана шинели пистолет и направил следователя. — Сдайте оружие, вы арестованы.

Оперативники машинально отступили, когда Сазонов потянулся к поясу. Но тот не собирався доставать свой пистолет. Вместо этого распахнул дверь Эмки и запрыгнул внутрь.

— Не стрелять! — Крикнул Леонид, увидев, как захлопнулась дверца. — Возьмём живым.

Стрелять не пришлось, машина продолжала стоять на месте.

— Долго вас ждать? Поехали за капитаном. — С противоположной стороны Эмки показалась голова Кувшинова.

Леонид нагнулся, заглядывая в салон. Одной рукой Николай придерживал потерявшего сознание водителя, а другой держал Маузер, ствол которого был засунут в рот Романа Константиновича, сидевшего на заднем сиденье.

***

Вместо того, чтобы пойти и лечь спать, пришлось контролировать этих молодых оболтусов. Только, когда собрали всех плохишей в камере, выпустили Алекса и опросили шифровальщика, позволил себе расслабиться.

— Никому, ничего пока не докладывать! Я спать! Надеюсь проснуться со всеми органами на месте. — Пошутил, уже шатаюсь от усталости. Пошутил. Да. Но Лёнк предупредил, чтобы к охране моего брэнного тела он отнёсся ответственнее, чем к охране своей задницы.

Устроились всё в той же санчасти. Сонный фельдшер вколол мне что-то укрепляющее, а стонущего от боли эмигранта намазал жутко вонючей мазью.

Несмотря на все ночные перепитии, проснулся в пол девятого. Как раз в тот момент, когда доктор собирался воткнуть в мою вену иглу капельницы.

— Доброго утра, Георгий Анатольевич. Спасибо вам за помощь.

Доктор, явившийся утром на службу, мягко говоря, был обескуражен изменениями в моём статусе. Лежу, как король, а вокруг свита, в лице грозных энкавэдэшников, на цирлах бегают. А, куда им деваться, вещдоки-то я заныкал. На фиг! Кому, как не мне теперь руководить расследованием.

Сразу после моей капельницы, мы засобирались в город. На аэродроме делать уже было нечего, разве что плотно поели перед дорогой.

Пригодился грузовик с милиционерами, туда засунули задержанных особиста и следователя.

Эта сладкая парочка тут же начала бузу. Принялись кричать про произвол и угрожать всем Колымой, выёживаясь перед ивановскими ментами, но у тех разговор был коротким — настучали им по рёбрам и заткнули рты кляпами.

Денис, ездивший с Сазоновым в город, хотел ехать с нами и показать, куда заезжал следователь. На что я ему ответил. — Езжайте с Виктором в грузовике, этих деятелей надо под присмотром держать, а дорогу найду, можешь не беспокоиться.

— Майор Сазонов не местный, он приехал в Иваново в начале декабря, со спецкомиссией расследовавшей "Бабий бунт". — Заявил начальник управления областного НКВД Оладын. — Они позавчера все уехали, а майор в последний момент сказал, что задержится. Вчера вечером он заезжал, предупредил, что отбудет с завтрашним поездом.

— Он отбудет, мы проследим. — Грозно пообещал Леонид и мы поехали проверять другие адреса, где побывал старший следователь.

Гастроном, почта, фабрики, отделение милиции, базарный рынок — ничего интересного. В гостинице, где он жил забрали чемоданчик с вещами. Обычный набор советского командировочного, за исключением папочки с моим делом.

— Этого же не было! — Просматривая описания разнообразных уголовнонаказуемых деяний, невыдержал Лобанов. — Вранье!

— Смотри, всё заранее составлено. Только Колиных подписей не хватает. — Прокомментировал Сиверцев.

М-да, талантливо, похоже сразу на вышку сочиняли. Согласно этой папке, я шпион сразу трёх стран. Сюда же добавили дезертирство, воровство, нападение на сотрудников НКВД и тд и тп. А после? Попытка к бегству, на опыты, или на цепь, как Бобика?

— Лёня, почему мы именно сюда полетели? Ближе к Москве никак было? — Озвучил мысль, когда понял, что эта папка не вчера подготовлена. — Ты понимаешь, что нас специально к нему направили? Кто такой Пётр Ильич, с которым ты связывался?

Капитана Селиванова и водителя, который был замешан в их тёмных делишках, мы сдали ивановским чекистам. Пришёл к начальнику управления на беседу тет-а-тет, показал шифровки, объяснил всю сложность ситуации и попросил на денёк придержать информацию о задержанных. Во время разговора проверял его своим внутренним детектором, вроде бы не должен подвести.

Тащить их в Москву особого смысла не видели, у них не было других контактов в столице, кроме майора Сазонова. А шифровальщика допросили ещё на аэродроме, в результате, посчитали, что можно простить парня запуганного особистом. Тем более, за него очень просил командир полка, ссылаясь на их дальние родственные связи. Майора же решили из виду не выпускать, держали при себе. Сиверцев сумел договориться с администрацией гостиницы, где обитал Сазонов и нам разрешили переночевать в закреплённом за ним номере. На кровать уложили жёлто-фиолетового эмигранта, а сами устроились на полу, выпросив у кастелянши старые матрасы. Вопрос с едой в дорогу решили не менее просто. Так как карточек на продукты нам никто выдавать не собирался, мы скинулись в общий котёл, отправив Виктора с Денисом к станционной площади на толкучку. Парни закупили всего по минимуму, потратив при этом все деньги до копеечки.

— Цены растут каждый день, куда только милиция смотрит? — Ругался Денис, разворачивая кулёк с пресными пирожками. — Говядину по двести рублей уже продают, а всё равно очереди человек по пятьдесят стоят.

Вечернее чаепитие переросло в совещание, где ещё раз повторил, что нельзя никого предупреждать о произошедшем. — Это не обычное происшествие на производстве, мы имеем дело с коварным врагом, окопавшимся на самом верху вашего министерства. Любое сообщение от нас может попасть в руки предателей. — Проводил лекцию в стиле политработников. — Пока не найдём способ встретиться с товарищем Берией лично — никаких контактов с вашим руководством.

— Я могу попробовать с отцом связаться. — Предложил вдруг Витя. — Он, как я слышал, иногда бывает у наркома на приёме.

— А кто у тебя папа? Подожди, а как у тебя отчество? — Спросил, вспомнив его фамилию.

— Аристархович. — Ответил Виктор Данилин.

***

Мелочиться не стали, пошли напрямиком к начальнику вокзала.

Пешком наша компания выглядела странно и привлекала к себе ненужное внимание. Ещё бы не странно, когда связанного майора ведут лейтенанты с сержантами, вдобавок, с ними недавно избитый красноармеец в немецкой форме под шинелью. Поэтому, чтобы не вводить в искушение всяких проверяющих, Алекса нарядили в сменную одежду майора и переодели в шинель Сазонова, а тому, соответственно, досталась солдатская.

Среднего роста, широченный в плечах пожилой железнодорожник протянул свою ладонь для рукопожатия. Охренеть! Его мозолистая рука по габаритам была с совковую лопату. — Здравствуйте товарищи, чем могу помочь?

С осторожностью, поместив свою ладонь в эти "тиски" и предъявив документы, Леонид поинтересовался как зовут начальника и лаконично озвучил наш интерес. — Николай

Анисимович, нам нужно в Москву.

Лицо железнодорожника сразу поскучнело, как будто он ожидал от нас чего-то другого.

— Товарищи, дорогие, никак не могу. Семь мест, при всём моём желании не найду.

Идите к коменданту, если даст добро — возвращайтесь, мы что-нибудь придумаем.

Делать нечего. Втроём, я с Лобановым и Сиверцевым, пошли в указанном направлении, а Виктор с Денисом и Алексом остались на вокзале, сторожить Сазонова.

— Лёнь, удержи-ка этих типчиков. — Показал на двух мужичков показавшихся из-за угла. Направляясь в нашу сторону, те шли быстрым шагом и было видно, что они вот-вот перейдут на бег.

— Хрясь. Хрясь.

М-да, надо было уточнять.

— Леонид, задержать и ударить в морду, это разные понятия. — Не удержался от критики. — Разве можно так с людьми?

В это время, упомянутые граждане пытались принять вертикальное положение, но, на их счастье, не преуспели в этом. С криками, из того же проулка выбежала большая группа женщин с намерениями затоптать воришек и, если бы те стояли, то мы бы не смогли их отбить.

— Стоять! Женщины, забирайте сумку и до свидания, мы с товарищами отведём их в отделение. — Я выступил вперёд, закрывая собой неудачников. — Вы же их покалечите ненароком. Зачем вам в тюрьму из-за них садиться?

Выделявшаяся среди них рослая тётка, в шубе из кролика, попёрла на меня могучей грудью. — Ты кто такой, чтобы нас учить?! Сами разберёмся!

Бабёнки за её спиной согласно загалдели. — Правильно, так его. Сами им набуцкаем.

Один из мужичков наконец-то смог подняться, надел упавшую шапку и тоже начал выступать. — Вы чё беспределите фраера?!

Прописываю блатному с локтя. Ждать, когда он достанет финку? Нет уж, на фиг.

— Мадам, разрешите представиться, старший сержант Кувшинов. — Отвлекаюсь, чтобы выбить у неугомонного мужичка ножик и наступаю ему на руку. — Вы не переживайте, мы их немножко поучим и доставим куда надо, а вам не надо об них мараться. Видите? Ножиками острыми машут, могут порезать.

Женщины оказались умнее, чем казались — утихли, стоило им увидеть нож в руке ворюги. Я, конечно, понимаю, что за сумку с продуктами, женщины могли и насмерть их запинать, но и воры могли успеть кого-то пырнуть. В итоге, словно неразумных кутят, гэбэшники подняли помятых мужичков за шкуру и повели их в комендатуру. Боевитые ивановки, увязавшиеся за нами, с удовлетворением на лицах, наблюдали, как мои спутники подгоняют воришек пинками.

Мёрзнувший на крыльце часовой, проверив наши документы, пропустил нас в здание, оставив женскую часть нашей делегации без зрелища. Коменданта на месте не оказалось, разговаривали с его заместителем, старшим лейтенантом Яглиным. Доброжелательный молодой человек, вдохновившись подписью наркома на приказе, сразу же согласился помочь нам и выписал необходимые проездные на всю нашу группу.

— С этими что? — Спросил Леонид, показывая на жмущихся к стенке испуганных уголовников. — В милицию сдадим?

— Товарищ Яглин, эти сознательные граждане явились, чтобы записаться добровольцами на фронт. Вы можете организовать им оформление без очереди? Просто на

улице их ожидает много разгневанных женщин, которые будут весьма расстроены, если увидят, что их знакомым отказали в законном праве защищать родину.

Старлей не был дураком, быстро сообразил в чём дело. Посмеялся и пообещал, что эти добровольцы никуда не денутся, пройдут курс молодого бойца под присмотром самых опытных наставников.

Попрощавшись, мы поспешили на выход.

— Николай Иванович? — Раздался голос из толпы. — Это он, я узнала... Молоденький какой... Раму той ночью сбил, мне свояк рассказал... Не он это, тот лысый был, страшный... Он...

Я попятился обратно внутрь.

— Хватай его! Уйдёт! — Закричали с улицы.

Выбирались через запасной выход, потому что выйти через главный было нереально. Эти дикие советские амазонки, чуть не взяли комендатуру приступом, бедному часовому пришлось прятаться от них внутри.

— Смотри, Коля, как тебя тут любят. Может останешься? Невесту себе подыщешь? — Шутил Евгений, с опаской оглядываясь назад. — Та высокая ничего такая, симпатичная.

— Вернёмся? — Мрачно посмотрел на шутника. — Могу вас познакомить.

Дальше шли молча.

Перепоручив нас девушке с семафорными флажками за поясом, начальник вокзала поторопил её. — Это Катенька Ведёрникова, она отведёт вас к прицепному на третьем пути. Кать, только быстрее, скоро Лукьяныч поведёт ярославский на сцепку.

Следуя за девушкой Катей пришли к классному вагону, но не в том смысле, в каком употребляют в будущем, а имея ввиду обычный пассажирский вагон. Вот только этот был не самым обычным, он был купейным, предназначенным не для простых людей. Вагон оцеплен охраной со всех сторон, и не какими-то молоденькими новобранцами, а вполне себе бывалыми красноармейцами.

— Проходите. Занимайте третье и четвёртое купе. — Важным тоном дал своё разрешение начальник караула, в звании капитана.

Вот это сервис. Шесть отдельных купе, два туалета, душ и общий стол посередине вагона для совещаний и обедов. Тканевая обивка на стенах, кожаная диваны, бронзовые светильники, к которым даже во время стоянки было подведено электричество.

— Добрый вечер, товарищи. — Поздоровались с нами собравшиеся в (гостиной?), трое были в военной форме и девять человек одетых в пиджачные пары. Оглядывая наши фигуры, они пытались сопоставить появление столь примечательной, но, при этом, явно недостаточно весомой, для нахождения среди их особ, компании.

Мои спутники притихли, по всей видимости, тоже не ожидали попасть в такую неподходящую для них обстановку. Ну, да. Тут и для притязательного обывателя из двадцать первого века всё выглядит весьма достойно.

— Здравствуйте. Мы в Москву. В кремль. По приглашению самого! — Ответил за всех и подтолкнул наших, чтобы не задерживались и проходили дальше, к обозначенным капитаном купе.

***

В первом часу ночи, в кабинет заглянул секретарь, сообщая о незапланированном посещении. Берия махнул, жестом показывая, чтобы тот впускал посетителя. Посторонившись, секретарь пропустил гостя к наркому.

— Товарищ народный комиссар, есть новости о Кувшинове. По подтвержденным данным он был на борту бомбардировщика ТБ-7, летевшего в Иваново. Члены экипажа говорят, что на подлёте к городу была обнаружена набирающая высоту "Рама". После случившейся перестрелки, Кувшинов заняв место кормового стрелка, в полной темноте, сбил немецкий самолёт-разведчик. Тот стрелок убеждён, что глаза Кувшинова были закрыты во время стрельбы. Для подтверждения, поисками упавшего самолёта противника занимаются сотрудники областного управления НКВД.

Берия оторвался от изучения документов, снял пенсне и, потирая переносицу, спросил. — Летел в Иваново? Почему именно в Иваново? Что ещё известно?

Молодой мужчина, одетый в сшитый по последней моде твидовый костюм в мелкую клетку, молча протянул Берии стенограмму телефонного разговора.

— Кто, этот Пётр Ильич? — Губы наркома исказились выплёвывая названное имя, а скомканная, в подрагивающих от злости руках, бумага полетела в корзину для мусора.

— Один из помощников Всеволода Николаевича.

После ухода личного порученца Иосифа, вызвал секретаря.

— Меркулова ко мне, завтра на девять утра.

Оставшись один, он пробормотал. — Там самолёт, под Тулой самолёт, и снова самолёт. Может, его в ПВО направить? П-ха-х. — Берия фыркнул, от пришедшей мысли.

***

В предчувствии неприятностей, на душе скреблись кошки. Что-то внутри не давало покоя. Думая, где я мог заметить неладное, отстраненно перетасовывал колоду.

— Снимите, Фёдор Андреевич. — Протянул стопку карт полковнику Акивовичу. Проследивая попытки первого секретаря Куйбышевского обкома подсмотреть нижнюю картинку, сдал игрокам по две карты, а ещё три выложил перед собой рубашкой вниз.

Было интересно наблюдать за этими людьми, когда они, обуреваемые азартом, пытались изобразить отсутствие эмоций. Лучше всех, блефовать получалось у Романа Валерьевича, конструктора из КБ Ильюшина, он снова смог обмануть генерала Шабрикова и забрать весь банк.

— Извините, товарищи, но мне пора на боковую. — Отказался от дальнейших посиделок. — Если, конечно, не захотите отыгаться.

"Нет? Жаль, а я так надеялся." — Злорадно подумал, глядя на враз погрузневшие лица. Уважаемые товарищи, в общей сложности, продули мне четыре с половиной тысячи рублей, что, если ориентироваться по советским зарплатам, совсем неплохо. Да, неплохо, но, конечно, не с теми ценами, какие сейчас на продуктовых рынках.

Со мной вежливо попрощались и я пошёл из прокуренной "гостиной" в своё купе. Леонид и Алекс уже спали, а Виктор медитативно уставился в покрытое льдом окно. Надышав, он очистил небольшой участок и теперь наблюдал через него за нескончаемыми снежными просторами.

Под утро, мы прибыли на Северный вокзал и ещё долго стояли на путях, ожидая, когда освободится перон для нашего состава.

— Быстро на выход. — Вскочил с дивана и схватил ватник. — За нами идут.

Леонид бросился в соседнее купе, сообщить остальным об экстренной эвакуации. — Витя, выходим. Срочно! — Прикрикнул на товарищей и, показывая на Сазонова, добавил. — На улице оденется. Быстрее!

В темноте было видно, как к нам приближаются несколько скачущих огоньков. Это

бежали бойцы с автоматами в форме НКВД, державшие в руках керосиновые фонари. Вот тебе и предчувствие. Понятно, что вычислить и проследить наш маршрут, дело не хитрое. Слишком многие знали о нас в Иваново, но я всё таки надеялся доехать до вокзала без приключений и затеряться среди толпы.

Гонка по сугробам продолжалась недолго, мы забежали за длинный ряд складов и перешли на быстрый шаг по расчищенной дороге. Я просматривал округу, выбирая направление, но вокруг были сплошные рельсы и складские здания. Везде стояли недоверчивые вохровцы и лаяли злющие собаки.

— Я узнаю это место. — Неожиданно, Виктор сообщил хорошую новость. — Где-то через два километра будет телефонная будка, сможем позвонить отцу.

Ага, вижу, только тут не два, а все три километра будет. Когда, наконец-то, дошли, и Витя начал дозваниваться до своего дома, а я уже подумывал, что всё позади, на границе моего восприятия, показались преследователи с собаками.

— Лёня, мы так не оторвёмся от них, у них собаки. Бери Дениса и иди им навстречу. Я считаю, что их обманули. Наврали, что мы враги, вот они и злобствуют. Покажешь им документы и требуй начальство. — Предложил идею, поглядывая на гэбэшника. — Но сам понимаешь — это небезопасно.

Леонид задумался. Тем временем Виктор дозвонился до дома и разговаривал с мамой, выясняя, где сейчас находится Аристарх Абросиевич.

— Хорошо, но ведь они всё равно будут продолжать вас искать. — Лёня согласился, но ещё сомневался.

Под удивлённым взглядом Сиверцева достал из кармана ватника стыренную в вагоне перечницу. — Разотри с папиросами и посыпай по дороге.

Для связи, Данилин оставил ему номер родителей. Мы обнялись и они пошли по нашим следам обратно, засеивая снег перчёным табаком.

Опять бежим. Упирающегося майора держат под руки Евгений с Виктором, а я помогаю бежать эмигранту, у него до сих пор ноги синие от побоев. На бегу Витя рассказывал, что отец вторую неделю не ночует дома и мать пообещала связаться с ним сама. В назначенное ей место, из школы за нами приедет машина, а мы должны будем ждать рядом.

— Т-туф-ф - т-туф-ф. — Прозвучали выстрелы.

Успокоил ребят, сказав, что это были предупредительные в воздух.

***

Побрившись, крепкий, с лобастой головой, украшенной глубокими залысинами, сороколетний мужчина смотрел на себя в зеркало. На спинке рядом стоящего стула его дожидался китель майора НКВД. Раздавшийся стук в дверь, отвлёк мужчину от мыслей с чересчур прытком юноше.

— Входи. — Пригласил он своего бывшего наставника. — Чай будешь?

Доставая из кармана бутылку дорогого коньяка, гость отказался. — Нет, у нас есть повод отметить, доставай стаканы, Петя. — Пояснил он, отвинчивая пробку. — Лаврентий на девять вызвал твоего шефа.

Майор взяв протянутую ему бутылку, набулькал поровну в два стакана и протянул один другу. — Так в чём повод? Он часто с ним общается.

— Давай, за нас, за нашу дружбу. — Гость предложил тост и проследил, как содержимое стакана исчезает в рту хозяина квартиры. — Извини, но повод — это ты, Петя.

Неторопливо, гость вытащил стакан из сжатой в судороге руки Петра Ильича и пошёл к

раковине, чтобы прополоскать. Супруга у мужчины была любительницей чистоты и не терпела грязной посуды в доме, а он уважал её мнение. Спрятав коньячную бутылку обратно в карман, гость достал фляжку с бензином и тщательно разбрызгал её содержимое вокруг трупа, стараясь попасть на мебель.

В зрачках отразилось пламя от вспыхнувшей спички. — Жаль. — Мужчина покачал головой и уронил спичку на тело.

Под ногами хрустело и хлюпало снежное крошево. Взявшись за чугунные перила перегнулся выглядывая внизу раннего рыбака.

— Здесь рыбы нет!

Пожилой москвич, пробивающий пешнёй лунку во льду, испуганно замер.

— Э-эй, я тут! Гражданин, здесь рыбы нет! Вся рыба вон у той излучины! — Повторил, когда пенсионер поднял голову вверх и увидел меня на мосту.

— Тьфу. Бисовы ГэПэУ, уже и рыбу под контроль взяли. — Бурчал себе под нос любитель подлёдного лова, поковыляв в указанном направлении. — При царе-батюшке такого не было.

На вопросительный взгляд Лобанова пожал плечами. — Чего? Доброе дело хотел сделать.

***

Я находился в подвале Лубянки. Сидел по центру тесной камеры, скованный по рукам и ногам наручниками и, вдобавок, привязанный к металлическому стулу.

— Так вот ты какой попаданец. Ну, и из какого же ты года? — Спрашивал Лаврентий Павлович, прохаживаясь за моей спиной. — Давай, начинай учить нас, как правильно воевать надо. Спасай страну сидя на диване.

Растерянный, лишённый своих способностей, крутился на стуле, пытаюсь обернуться и посмотреть, чем таким звенящим Берия гремит на длинном столе.

— И что вы всё лезете к нам и лезете, чего вам не сидится в своём будущем...

Звук казался очень знакомым и всё в моём сознании кричало, что главный энкавэдэшник перебирает инструменты для пыток, но я упорно пытался вспомнить, где ещё мог слышать этот дребезжащий звон.

— Вставай! Коля! — Лаврентий вдруг схватил меня за плечи и стал трясти. Я открыл глаза и увидел лицо, склонившегося надо мной, Евгения. — Вставай, за нами машина пришла. Хватит дрыхнуть.

Присланная за нами полуторка, дожидалась у спуска в бомбоубежище. В кабине крутил головой водитель, вероятно, выискивая Данилина младшего. Увидеть нас он не мог, мы были укрыты от него метровой высоты стеночкой, сложенной из мешков с песком. Это был этакий своеобразный прилавок, на котором предприимчивые букинисты устраивали книжные развалы. Так как тревогу не объявляли, а развалы пока пустовали из-за раннего времени, мы решили воспользоваться ими, как укрытием — рассевшись на мешках, принялись ждать обещанную машину.

Стояла оттепель, к утру температура поднялась с минус трёх до нуля градусов. Вот в тёплой одежде меня и разморило, притулился к широкой спине Лобанова и умудрился заснуть. Проведя руками по заспанному лицу, удовлетворённо посмотрел на проезжавший по улице полупустой трамвай. Точно, именно его звон слышал в этом странном кошмаре.

Неразговорчивый водила даже не стал вылезать из кабины, когда Витя показал ему свои "корочки", лишь проследил цепким взглядом, как мы все забираемся в кузов. Часа полтора тряслись на сырых досках и вот въезжаем на территорию школы, где нас встречает дежурный по школе и знакомый мне дедуля.

Первым перемахнув через борт, прыгнул на снег, оправил ватник, бодрым шагом

подошёл к встречающим. — Вячеслав Андреевич, доброе утро. — Не отказал себе в удовольствии потроллить преподавателя и охрану на воротах. — Наконец-то у вас дошли руки и вы решили КПП разминировать? Правильно, а то я как-то забыл об этих двух шашках.

— Э-э. Уцы? — Прищурился Ефанов. — Заговорил всё таки?

— Да, Вячеслав Андреевич. В госпитале, где я лежал, хорошие доктора работают, буквально за несколько дней голос вернули.

Обычно сварливый, сегодня старикан был на редкость благодушен, не стал ругаться на глупую шутку, лишь посмеялся вместе со мной над дежурным, который услышал о заминированном КПП. Проводил нас к Аристарху, непринуждённо спрашивая о моём жите-бытье, в ответ щедро делясь бытовыми новостями школы.

Лобанов и Алекс вместе с местными бойцами остались охранять нашего пленника на первом этаже, а мы с Виктором поднялись на верх. Данилин захотел зайти к отцу первым, поздороваться по-нормальному, всё же они давно не виделись.

— Здравствуй, сынок. — Майор обнял Виктора. — Как я понимаю, матери ты соврал про задание особой важности? Давай, рассказывай, что у тебя случилось, и что это за люди с тобой?

Виктор замялся, не зная с чего начать, и я зашёл в кабинет, решив сделать это за него.

— Доброе утро, товарищ майор.

— Ты?!

М-да. Цирк да и только. Ему уже доложили обо мне с КП, но, почему-то, Аристарх разыгрывает из себя клоуна, делая удивлённый вид.

— Товарищ майор, простите, что помешал, но наше дело действительно государственной важности и не терпит промедления.

***

Забрав из привокзального отделения задержанных Леонида с Денисом, кортеж из трёх легковых автомобилей из правительственного гаража и двух грузовиков с бойцами из комендатуры Московского кремля двинулся в сторону Лубянки. Рядом со мной, на заднем сиденье блиндированного Паккарда, сидел присланный Берией капитан НКВД Фокин Преданный служака и аккуратист, действующий строго в соответствии с уставом.

— Николай, обязательно было лезть в драку с милиционерами? Ну дали твоим друзьям разок в зубы, что в этом такого? — Капитан переживал за инцидент в линейном отделе. — А в школе? Почему ты поступил так опрометчиво. Зачем вышел до проверки наших документов. Разве можно так безответственно относиться к своей безопасности? — Строгий тон Фокина был под стать его внешнему виду.

— Капитан, даю вам честное комсомольское, когда вас побьют, я и пальцем не пошевелю. — Скрестил руки на груди и недовольно посмотрел на этого демагога. — А по поводу моей доверчивости, всё просто. У вас в кармане бумага выданная товарищем Берией, с которым вы встречались два часа назад, — этого достаточно, чтобы я вам поверил.

— Откуда...? Но, как?!

— Вы спрашиваете как, но сами ничуть не удивлены. Вас поставили в известность о моих способностях, но вы, это скрываете. Почему? — Мне действительно было интересно. Я привык, что люди постоянно лгут друг другу и даже самим себе, но почему каждый, из тех кто был осведомлён обо мне, старался скрыть этот факт, понять пока не сумел. Привычка — вторая натура? Скрытность у безопасников в крови? Капитан, по видимости, сам не знал ответа, задумался вместе со мной. Задумался так крепко, что, вплоть до кабинета наркома,

больше не произнёс ни слова.

Лаврентий Павлович, с прошлой нашей встречи, совсем не изменился, всё также вызывал страх одним своим присутствием.

— Что же ты не бережёшь себя, дорогой, всё в какие-то неприятности попадаешь. — Заботливо спрашивал нарком, собственноручно подливая свежего чаю в мой стакан. — Представляешь, спрашивает меня Иосиф Виссарионович, где сейчас Николай Кувшинов находится, а мне и сказать нечего. Мы Николая в госпиталь отправили, так он не приехал туда — пропал. Путаница какая-то с направлением вышла, не в тот госпиталь уехал лечиться. Ты угощайся, свежие пряники-то.

Я, прихлёбывая крепкий чай, благодарно кивнул и потянулся к предложенному угощению.

— Ну, расскажи о своих подвигах, Коля. Мне тут докладывали, что ты самолёты с танками пачками крошишь и немецких генералов целыми штабами взрываешь. Врут поди?

Пришлось отложить надкушенный пряник в сторону и коротко изложить свои приключения от выписки из госпиталя до сегодняшнего дня. Хотя "умных" терминов избегал и вообще старался играть роль недавнего школьника, но, кажется, обвести наркома вокруг пальца у меня выходило не очень.

— ...путаница с госпиталем? Здесь, надо сказать спасибо Юрию Сергеевичу, это он решил избавить меня от опытов профессора. — Выложил один из козырей, понимая, что пора выводить разговор в нужное русло.

Бодаться взглядами с Лаврентием Палычем было невместно, сделал вид, что сильно заинтересован чайнками плавающими в стакане.

— Кх-м. Планировалось лечение твоей немоты в особых условиях, об опытах над тобой, как таковых, речи не было. Майор Геллер мог не так понять и сделать неверные выводы из специальности профессора. Но профессор Венгельсон, специалист в различных областях, в том числе в психологии. Беседы с врачом называть опытами? Зачем нам тебя награждать и прославлять на всю страну, а затем отдавать на препарирование?

Врёт? Нет, многого, конечно, не договаривает, но не врёт. Больше похоже, что пытается сгладить углы. Может, в натуре, Сергеич перемудрил?

— Вы уже нашли Петра Ильича? Хотелось бы с ним пообщаться, если позволите. — Кинул ещё один камень в гэбэшный огород.

Берия снял пенсне и уставился на меня жутким немигающим взглядом.

— Давайте, скажу откровенно, начистоту. Я необычный человек и представляю для Вас большой интерес, но, кажется, вы решили использовать меня по-другому, совсем не так, как я предполагал. Отправили меня к этому Венгельсону и пустили обо мне странные слухи? Следователь Сазонов наговорил много всякого бреда. Те, кто послали его, сказали, что я результат некоего секретного эксперимента и, что мои способности можно передать другому перелив мою кровь. Также, упоминал какую-то засекреченную установку.

Я перевёл дух. Говорить такое всесильному наркому было опрометчиво, но, если сейчас не расставить все точки, меня так и будут считать за малолетнего дурачка. Перешёл черту? Выбился из образа? Да и хрен с ним! Можно подумать, я не догадался, что меня кинули как наживку для соперничающих с наркомом структур.

— За вашей спиной действуют некие недоброжелатели, прикрываются вашим именем и подделывают секретные документы. Я могу выяснить кто они и на кого работают в кратчайшие сроки. Дайте мне сопровождение и я приведу их сюда.

Лаврентий Павлович неожиданно улыбнулся. — Ну, что же, Коля, давай попробуем. Как говорится, попытка не пытка.

***

Пожарище в доме покойного впечатляло, квартира выгорела дотла, даже заходить не хочется.

— Осторожнее, балки могут обвалиться в любой момент. — Предупредил капитан Фокин, как будто я слепой и сам не вижу.

М-да, собачкам тут работы не было. Тот, кто убил Петра Ильича, догадывался, что есть вероятность моего появления на месте преступления и постарался уничтожить улики наверняка. Только вот я не собака, мне не нужны запахи для поиска убийцы.

— Поехали, Алексей. Теперь знаю кто он и где искать этого гада.

Капитан взял под козырёк. Его дело маленькое — выполнять приказания и следить за моей сохранностью. Мы вышли на лестничную площадку и спустились к машинам.

Дав водителю направление, сам откинулся на спинку сиденья и достал из нагрудного кармана гимнастёрки блокнотик. Лаврентию Палычу нужно будет расписать всё, чтобы я не "увидел" в ходе следствия, поэтому делаю заметки после каждого шага. Погрузившись в свои мысли, не заметил, как второй раз за день оказался у ворот диверсионной школы, где явно не ожидали нашего возвращения.

— Аристарха Абросиевича нет, он уехал сразу после вас. — Сходу "обрадовал" дежурный.

Быстро обследовав окрестности школы, некультурно дёрнул Фокина за обшлаг рукава.

— Алексей, нам нужно за ним. Быстрее.

Мы зря торопились, проигнорировав петлю на виртуальном маршруте, чуть было не пропустил место встречи с сообщником. На отвороте, ведущим к одной из многочисленных подмосковных деревушек они сменили машину. Брошенный автомобиль майора обнаружил в зарослях неподалёку. Вывалившееся на землю через открытую дверь тело Игната, личного водителя Данилина, лежало в луже крови и уже остывало.

— Стоять! Не трогайте! — Предупредил двух автоматчиков из машины сопровождения, которые хотели перевернуть труп на спину. — Отойдите пока.

Оголив руку до локтя, подтянув рукав ватника, вытащил прижатую телом гранату без чеки и передал её одному из парней, который был на вид посообразительнее. — Не в службу, а в дружбу, выкинь где-нибудь подальше.

— Петричев, Самойлов! Снимите с него шинель и загрузите в багажное отделение. — Распоряжался Фокин, пока я вытирал испачканую ладонь тряпкой, любезно поданой нашим водителем. Тем временем, автоматчик отошёл с гранатой метров на сто и бабахнул её в глубоком кювете.

Дальнейшие приключения развернулись на улицах столицы. Кружа по городу за виртуальным следом, проверяли все места, где были остановки и встречи. Несколько часов поисков обернулись тремя удачными задержаниями и одним провалом. Молодой старлей, невовремя выглянувший в окно, увидел нас и, вместо разговора со следователем, предпочёл пустить себе пулю в висок. Самое интересное ожидало нас в Мытищах, на тихой улочке частного сектора. Двухквартирный деревянный домина, к которому была проведена отдельная телефонная линия, оказался настоящей крепостью.

— Там семнадцать человек. — Тормознул ретивого Фокина, уже готовящегося объявить о штурме.

С нами осталось всего восемь автоматчиков, остальные поехали доставлять задержанных. Начинать перестрелку, с таким соотношением сил, было неразумно. Да ещё эвакугоспиталь в двухстах метрах отсюда, не дай бог будут случайные жертвы.

— Алексей, слушай приказ. Берёшь пятерых и занимаешь позицию за машинами, следите за фасадом, а троих отправь в обход, пусть контролируют задние окна.

Капитан послушался, но всё таки не удержался и чё-то вякнул про безумных подростков, когда я уже направлялся к одной из входных дверей. Перед тем, как войти, скинул на крыльце верхнюю одежду и валенки. Погнались.

— Вы не подскажите, как пройти в библиотеку? — Спросил у первого, кто попался мне в коридоре. Тут же бью расслабленными пальцами по горлу и добиваю захрипевшего военного рукоятью Маузера по затылку. Шаг на кухню, где у открытой форточки курят двое. Они опускают глаза на крутящуюся на полу "лимонку" и получают два полновесных удара тяжёлой сковородой по кумполу. В соседнем помещении звука падающих тел не услышали, но в комнате дальше по коридору мужик с книгой в руках насторожился, пришлось затихариться на пару минут, чтобы он расслабился.

Тихонько стучу и приоткрываю дверь. — Лови! — Граната с выкрученным запалом снова отправляется в полёт, попадая точно в руки этому книголюбу. Распахиваю дверь и делаю длинный прыжок. — Блямс! — Словив вместе с гранатой пощёчину чугуном кругляшом, он падает навзничь на кровать стоящую за его спиной. Прислушался. Разговоры, многоголосый храп и чьи-то безуспешные попытки поговорить с барышней. Ха! Телефончик-то не работает, провод я сразу перерезал, как зашёл в дом. Дверь пропущенной комнаты подпёр скамьёй, расклинив её между стеной и дверью, которая открывалась наружу. Тут какие-то весёлые гопники играют в карты, с двумя наганами на четверых они не опасны. В этой части дома оставался ещё один, который сейчас занят осмотром телефонного аппарата, ищет поломку. К нему подойти было проще простого. Верная сковорода блямкнула по плешивой голове, отправив щуплого капитана ВВС в нокаут. Смотри-ка, заслуженный летун, на груди ордена Ленина и Боевого Красного Знамени.

— Капитан, пошли. — Вернулся к Фокину, когда зачистил вторую половину дома. — Только предупреди людей, чтобы поменьше шумели, в дальней комнате остались трое спящих, а здесь четыре дурачка до сих пор в карты режутся. — Показал на подпёртую дверь.

Оперативно связывая попадавших на пути, добрались до комнаты отведённой под спальню. Этим даже бить не пришлось, подходили по трое, прижимали подушку к лицу и вязали руки. Всё как завещал Папановский Лёлик — действовали без шума и пыли.

Пока я занимался сращиванием телефонных проводков, бойцы выбили скамью и взяли картёжников на прицел. Теперь всё, клиенты упакованы и можно вызывать кавалерию. Дав указания Фокину звонить своему начальству, пошёл пообщаться с майором.

Аристарх Абросиевич, сверкая бланшами под обоими глазами, был очень зол. Конечно, не каждый день тебя похищают собственные подчинённые, связывают и ломают нос.

"По ходу, тут кипят нешуточные страсти", — подумал, увидев происходящее в комнате.

— Гнида ушастая. — Ворчал Аристарх только что освобождённый от пут, поглядывая на связанного мной старого взрывотехника. — За что ты Игната порешил, падлюка неблагодарная?

Вячеславу Андреевичу похоже уже досталось от начальника школы, старик лежал скрючившись, пытаясь прокашляться.

— Товарищ майор, вы погодите с расправой, сейчас подъедут специалисты Лаврентия Павловича, они всё сделают профессионально.

Растирая запястья, натёртые грубой верёвкой, майор задумчиво посмотрел на меня. — Ну да, когда отобьют ему весь ливер, он по-другому запоёт.

Услышав наши переговоры, Ефанов, сплюнув кровавой юшкой, просипел. — Хер вам! Мне терять нечего, быстрее сдохну, чем что-нибудь скажу.

А мне что. Пускай сдыхает — похрену. Но, с другой стороны, энкавэдэшники действительно могут переборщить, а старому хрычу много не надо, копыта откинет в любой момент.

Подумал, сел на стул посередине комнаты и изложил своё виденье ситуации. — Вячеслав Андреевич, я, как вы наверное знаете, сирота, в отличие от вас, — это мне терять нечего. А вам? Помните, как рассказывали Алевтине, ну, поварихе в школе, про сына живущего в Челябинске?

Ефанов дёрнулся. Хотел пнуть меня по ноге, но не достал.

— Откуда я знаю? Так у меня слух ого-го какой. Так что, у сына семья-то большая? Хотите для них судьбы врагов народа, или вам на них наплевать?

Ненавидящий всё и всех, взгляд Ефанова потух, он с силой долбанул седой башкой об пол. — Сволочь.

— Ты не сволочи меня, а начинай рассказывать. Чистосердечное признание, знаешь ли, может смягчить наказание.

***

После того, как я показал Лаврентию Палычу на два замаскированных микрофона в его кабинете, о которых он ничего не знал, мы перешли в комнату отдыха. Здесь тоже была прослушка, но такая, которую нарком мог отключать по своему желанию.

— ... Этот Глазунов получил информацию от своего друга Ефанова, тот когда-то преподавал у него в Горном университете. У Петра Ильича получилось направить группу Сиверцева в Иваново, где, с помощью капитана Селиванова из особого отдела, была изготовлена поддельная шифровка от вашего имени. В этом городе у покойного Глазунова был свой человек, кстати, он до сих пор работает в химико-технологической лаборатории. Они собирались вывезти меня во Владимирскую область, где, как вы выразились, намеревались заниматься моим препарированием. Это коротко об их основных планах.

Узнав, что майор Глазунов под подозрением, Ефанов убил его и намеревался свалить это убийство на товарища Данилина. Для чего, обманом выманил Аристарха Абросиевича из школы и заставлял написать признательное письмо.

Зачем они хотели подставить вас, я не знаю, думаю, что вы сможете в этом разобраться и без меня. Теперь о вашей просьбе. После беседы с Всеволодом Николаевичем, я могу

ответственно заявить, что товарищ Меркулов ко всему этому не причастен.

Я закрыл блокнот и взял принесённую молчаливым секретарём большую чашку свежесваренного кофе. Охренительно. Именно то, что мне было нужно после бессонной ночи проведённой в допросной. Покрутив затёкшей шеей, подождал пока секретарь не вернётся в приёмную.

— Большинство из задержанных использовали втёмную, но Глазунов, Ефанов, Селиванов и Сазонов, были полностью в курсе происходящего, и знали, что действуют против вас. Все связи Петра Ильича в вашем ведомстве я пока не установил, для этого нужно переговорить со всеми его контактами за последний месяц, или даже больше.

Дослушав, Берия шарахнул кулаком по кожаному подлокотнику и грязно выругался, виртуозно перемешивая русский мат с грузинским.

— Лаврентий Павлович, у меня к вам просьба. — Сказал, переждав приступ ярости у наркома. — Не надо наказывать группу лейтенанта Сиверцева, они действовали по ситуации, согласно вашим приказам. И ещё, по поводу Алекса. Считаю, что он может пригодиться в каких либо операциях. Я проверял его своими методами — он не предаст. В общем, ручаюсь за него.

***

После моей беседы с наркомом, капитан Фокин отвёз меня на один из объектов НКВД в район Охотного Ряда, где мне предстояло провести остаток декабря.

— Товарищи должны проверить все твои показания. Это не продлится долго. — Пообещал Алексей на прощание.

Ага, недолго, как же. Вспомнились школьные сочинения на тему, как я проводил летние каникулы. Правда теперь, вместо улыбчивой Татьяны Григорьевны — моего учителя по русскому и литературе, меня третировали суровые следаки, пытавшиеся поймать на вранье. Приходили друг за другом и требовали описывать каждый день проведённый вне части. Кого видел, что делал, с кем встречался, и кто может подтвердить мои показания. И это всё им требовалось в письменном виде. У-у, сволочи. На третий день я не выдержал беспредела и вмазал обуянному приливом усердия придурку, который начал шить мне пятьдесят восьмую за попытку перехода на сторону врага и ещё одну статью за похищение оружия и боеприпасов из складов Красной армии. Сука, это же как надо было перекрутить факты, чтобы наш рейд на броневике к немецкому штабу стал преступлением, а всё из-за одного говнистого генерала, настроившего жалобу в военный трибунал западного фронта. Конечно, нападение на следователя не осталось безнаказанным, самому неплохо досталось от охраны. Плюсом, из уютной комнаты попал в камеру для буйных(были здесь такие апартаменты) и лишён пайки.

На вторые сутки голодного существования в одиночестве меня посетил капитан Фокин.

— Доброе утро, Николай. С новым годом! — Заглянув в темноту камеры, поприветствовал Алексей весёлым и до отвращения бодрым голосом.

— Пафолфзопу! — Прогундосил из-за разбитых губ и забитого кровавыми сгустками носа. К ненависти на дебилоидов в рядах НКВД, добавилась обида из-за просранного праздника.

— Вот те нате. Что за бубнилка тут спряталась? — Спросил капитан щёлкая выключателем. Я с трудом повернулся на койке и уставился на капитана взглядом старого китайского алкоголика.

— ...ть! Это что за на...?! — Закричал он на конвойного старшину. — Долдоны, вы что

с ним сделали?!

Охреневший от увиденного, Фокин убежал звонить в приёмную Берии и быстро навёл там шухер. Дальнейшие разборки легли на мои раны целебным бальзамом. С Лубянки пошли ответные звонки с различными угрозами и рекомендациями. Чаще звучали слова: трибунал, пристрелю и разжалую. Через пять минут примчалась целая банда поддатых медиков, уложили меня на носилки и бегом потащили в своё логово. Думал потеряют по пути, так быстро они бежали в санчасть.

Осмотр показал, что у меня очередное сотрясение мозга. Все симптомы были на лицо. Непроходящая головная боль, головокружение и периодические попытки блевануть на докторов.

Придерживая мою голову над тазиком, Алексей задал дурацкий вопрос. — Ну, как ты?

— Я больше ничего не чувствую. Бу-э-э!

— ...здец! — Сказал капитан, глядя на подростка потерявшего сознание.

***

Вызванный к Берии начальник следственного отдела то и дело вытирал платком потеющий лоб и вспоминал заготовленные слова оправданий.

— Товарищ народный комиссар, мои сотрудники следовали вашему приказу о проведении полной проверки в отношении Николая Кувшинова, но из-за повышенной секретности, они не были поставлены в известность о его статусе и важности. Поступил сигнал от члена военного совета и следователь был обяз...

Нарком, перебивший отчитывающегося майора на середине слова, ёмко высказался по поводу умственных способностей самого начальника и всех его сотрудников. — Ты! Ты был поставлен в известность! Ты должен был контролировать ход проверки!

— Но Кувшинов первым полез в драку, к тому же член военного совета... — Майор снова не смог договорить. Инстинктивно отшатнулся от резко вскочившего наркома, потерял равновесие и упал на пол.

— Сукин сын, — прошипел взбешённый Берия упавшему мужчине, — если с Кувшиновым не наладится, я тебе лично голову откручу.

***

Дня через три, когда мне стало лучше, капитан Фокин, по приказу наркома теперь неотлучно находившийся рядом, соизволил заняться моим просвещением. Ему притащили кипу газетных подшивок и он, с утра до вечера, декламировал советскую прессу. С пафосом и гордостью, сообщал о важных боях, шахтёрских забоях, колхозных надоях и прочих свершений во всевозможных оях.

Выдержав неделю непрерывной политинформации я, понимая, что от постоянных коммунистических лозунгов и упоминаний Карла Маркса с Лениным мне становится только хуже, попросил найти что-нибудь обо мне. На следующий день, Фокин ознакомил меня с докладными и сводками из моего дела, где упоминались мои хулиганства. В частности, прослушал рапорт батальонного комиссара Симошенко, где Григорий Прохорович описывал, как я сбил Юнкерса из пулемёта и наш с Фёдором Михалычем многочасовой бой с чердака сельсовета. К рапорту прилагалось представление к награде, подписанное начальником штаба дивизии. А вот танковую колонну, что я притормозил, приписали к себе какие-то левые артиллеристы. В той сводке, где ими указывалось количество трофейной техники захваченной на дороге, почему-то никто не упомянул, что она была брошена замерзающими фрицами. Жлобы, хоть бы не ввали, описывая как готовили свою засаду и героическую

победу. А за фашистский штаб, с нашей стороны, подтверждений вообще не было, пришлось довольствоваться переводом немецкого донесения, найденного в ходе нашего контрнаступления. Алексей чуть ли не жмурился от удовольствия, зачитывая список погибших офицеров вермахта.

Под конец января, во время проведения очередной энцефалограммы, ко мне в гости заявился сам нарком. Сверкая улыбкой и своей залысиной, очкарик принёс целый мешок фруктов. Дождался окончания процедуры и вручил его, словно медаль за призовое место в марафонском беге. — Здравствуй, Коля. Ну, как ты? Есть улучшения?

Мне очень хотелось сказать ему всё, что я о нём думаю, но, к счастью, этому помешал врач. Невысокий, худощавый мужчина, неловкими движениями начал снимать с меня шапочку с датчиками, уронил её и заметался, не зная что выбрать — убрать всё по местам, или быстрее покинуть палату.

— Здравствуйте, Лаврентий Павлович. Всё нормально, головные боли уже не так мучают и при ходьбе почти не шатает. Можно сказать, готов к новым допросам.

Мрачно зыркнув исподлобья, Берия дал понять, что эта шутка была неуместной.

— Извините, это у меня нервное. — Поспешил исправиться. — Мне действительно стало лучше.

— Хорошо. А, как с твоими способностями? — Берия покрутил растопыренными пальцами руки перед собой. — Вернулись?

Можно подумать ему не доложили о моём самочувствии. Я ещё три дня назад (по секрету) шепнул Фокину о восстановившихся способностях. Так-то, они никуда не пропадали, но надо же было как-то отомстить следакам-мозгоклюям и дуболомам-конвойным за причинённые мне страдания.

— Да, Лаврентий Павлович, вроде бы всё нормализовалось.

Нарком повеселел. — Отлично! Тогда собирайся, поедем на твоё новое место службы.

Прикольно, у меня уже служба появилась. Без меня меня женили? М-да! Но делать нечего, с этим человеком спорить не принято. Собрал свои вещички в чемоданчик, любезно предоставленный Фокиным, и бегом из опостылевшей палаты. Сели в машину и (кто бы сомневался) поехали на Лубянку.

— Располагайся, чувствуй себя, как дома. Хе-хе-хе. — Хихикнувший (кошмарно выглядело) Берия обвёл помещение широким жестом хлебосольного хозяина. — Если, что-нибудь захочешь изменить, то не стесняйся обращаться к капитану. Алексей Валентинович тебе во всём поможет.

Ну, я бы не сказал, что это место для меня новое. Здесь, в своё время, Юрий Сергеевич меня держал под замком, после "йодной проказы" с курсантами.

— Лаврентий Павлович, в чём заключаются мои обязанности? — Решил прояснить главный вопрос. — Чем я буду здесь заниматься?

А заниматься мне пришлось проверкой руководящего состава НКВД, РККА и других высокопоставленных деятелей. Сидя в удобном кресле, или лёжа на диване следил сразу за четырьмя кабинетами, где проходили беседы. Приглашённые отвечали на ряд каверзных вопросов, заданных доверенными лицами, отобранных лично Лаврентием Палычем, а я записывал фамилии тех, кто начинал юлить, или обманывать внаглую и сигнализировал нажатием кнопки. В кабинете загоралась лампочка и человека переводили на четыре этажа ниже, где начинали колоть по взрослому.

В течение пары дней отработывали методику, после чего добавили прямую телефонную

связь с подвалом. В результате я смог сам задавать нужные вопросы и дело пошло быстрее. Когда человек слышал из настенного динамика "Ты убивал?", я видел его реакцию и задавал следующий вопрос. По сути, мне не нужны были их ответы, только реакции.

По вечерам, чтобы ни с кем не столкнуться, спускались с Алексеем по отдельной лестнице и выходили прогуляться на свежем воздухе. Затем возвращались, ужинали и ложились спать, чтобы с утра всё начать с начала.

Игнорируя враньё на вопросы о политических взглядах, неблагонадёжных родственниках и прочей мути, смог вычислить двоих работавших на англичан, одного поставившего сведения немцам и двоих, которые собирали доступную информацию про запас и только готовились к сотрудничеству с немецкой разведкой. Больше десятка было тех, кто совершил различные преступления уголовного характера. В основном, превышения полномочий, но были и изнасилования и убийства. В таких случаях я выезжал с охраной на места, где совершались эти злодеяния и показывал на спрятанные тела, орудия убийства, или похищенные ценности. Следователи радовались, как дети, получая в свои руки неопровержимые доказательства.

Постоянные работники уже стали привыкать к жиденьким очередям в коридорах наполненных генералами, директорами и секретарями различных комитетов. Вскоре, в высших эшелонах власти, пошли слухи о секретном устройстве для выявления преступников и предателей.

В зависимости от воздушных тревог, ежедневно проверял от ста до двухсот человек и в какой-то момент заметил, что перестал различать лица, звания, должности. Для меня всё превратилось в непрекращающийся обезличенный конвейер. Через месяц, когда почувствовал, что понемногу начинаю сходить с ума, в категоричной форме потребовал встречи с Берией.

Получив добро на аудиенцию, решил привести себя в порядок и, к своему стыду, обнаружил, что выгляжу как вокзальный бомж. М-да. Чучело огородное, а не герой советского союза. Стыдобища Все вещи обзавелись заплатками, а ткань на коленях и локтях засалилась, вытерлась до блеска и горбится пузырями. Что творилось на голове вообще не поддавалось критике, из-за шрамов мои отросшие волосы торчали, как у анимешного Наруто Удзумаки.

И какого хрена? Где хоть какие-то привилегии и где на фиг моя зарплата? Я что, за еду работаю? Где там мой верный Санчо Панса? Подать его сюда.

— Алексей! Мне нужна новая одежда и парикмахер.

Оказалось, что пошитая по спецзаказу форма давно уже готова и дожидается в шкафу на вешалке. Просто Фокин не видел смысла одевать новое для повседневной носки. Ну не гад ли он после этого, сам-то всегда с иголки одет. Ругаться с ним повременил, так как он, по его словам, был весьма неплохим парикмахером. "Я всю нашу коммуналку стриг, мне тебя подровнять — раз плюнуть." — Сказал он, доставая машинку для стрижки.

— Я так больше не могу, Лаврентий Павлович. Пятую ночь подряд кошмары снятся. — Пожаловался на непосильную нагрузку, почёсывая голову бритую налысо. — Боюсь, скоро начну ошибаться, или снова в больницу попаду, только уже к психиатрам.

Нарком внимательно выслушал мои жалобы и пообещал что-нибудь придумать.

— Завтра отдохни, а мы пока посоветуемся.

"Интересно, с кем это он собрался советоваться?" — Размышлял покидая кабинет.

***

Прочитав отправленную Берией служебную записку Иосиф Виссарионович поручил Поскрёбышеву пригласить Лаврентия вместе с Кувшиновым на встречу.

"Видимо настало время познакомиться с этим интересным юношей." — Подумал он, ещё раз пробегая глазами по тексту.

Не получив от хитрожопого очкарика определённого ответа вернулся обратно и, не раздеваясь, прямо в сапогах разлёгся на широком диване.

Значит до послезавтра можно отдыхать? Хм-м, тут надо посидеть и хорошенько продумать культурную программу так, чтобы никаких мыслей не возникало об осточертевших проверках. Повернул голову к сидевшему за письменным столом капитану, заполняющему журнал с ежедневным отчётом о моей работе. Нет, с ним проконсультироваться не получится, после того, как увидел плачевный результат его парикмахерского мастерства, сгоряча выдал, что больше с ним не разговариваю. А может прямо сейчас пойти, пока не стемнело? Плюнуть на все планирования, положиться на судьбу и шурануть, куда глаза глядят.

Поднялся и, пошарив по карманам старой одежды, нашёл таки монетку. Орёл, или решка?

Когда начал надевать верхнюю одежду, Фокин соизволил спросить, куда это я собираюсь.

— Да прогуляться захотелось. Лаврентий Палыч приказал отдыхать, а наше дело подчиняться. Ведь так, Алексей Владимирович?

Называется прогулялся. Поняв, что ограничиваться в своей прогулке окрестностями Лубянки я не собираюсь, Фокин позвонил оперативному дежурному и приказал готовить две машины с охраной на выезд.

— Ты обалдел? Какие две машины? Я погулять хочу. Просто пройтись по московским улицам, посмотреть как обычные люди живут, может с кем-то познакомиться и поговорить.

В общем, опять посрались. Отменять выезд капитан не стал, договорились, что доедем до какого-нибудь парка, там оставим машины и прогуляемся пешком.

Мне было в принципе без разницы, куда именно ехать, поэтому положился на мнение одного из сопровождающих, который предложил поехать в Сокольники, где он давеча познакомился с симпатичной барышней на какой-то лекции по истории.

Однако образованные у меня охранники.

***

— Да он прямо над нами!

— ... ну нельзя. Не положено... Николай, нет!

На выходе из парка, высокий и атлетично сложенный лейтенант артиллерии, с идущими под ручку двумя молодыми девушками, увидел ругающихся между собой людей в форме НКВД. Подойдя ближе он увидел, как молодой юноша стоявший в окружении восьми, более рослых, старших званием и возрастом, военных, чуть ли не кричит на них, показывая на вечернее небо, покрытое низкой густой облачностью.

— Смотри, Людочка, какой важный гусёк. Сам маленький, щупленький, а его слушают словно министра. — Сказала Валя, плотнее прижимаясь грудью к крепкому лейтенантскому локтю.

Прикрывая варежками лица, девушки дружно рассмеялись, чем привлекли к себе внимание энкавэдэшников.

— Проходите товарищи, не задерживайтесь. — Властным голосом произнёс повернувшийся к ним капитан.

Со смущённым видом девушки потянули своего кавалера прочь, но тот вдруг встал, как вкопанный.

— Марк, ты чего? Пойдём давай. — Валентина удивлённо посмотрела на замершего жениха.

— Коля?! — Вскрикнул лейтенант, неверящий собственным глазам. — Коля! Уцы! Помнишь меня?!

Капитан Фокин, вздёрнувший в изумлении бровь, увидел, как его подопечный подвергся необычному нападению. Бесцеремонно растолкав сотрудников охраны, здоровенный артиллерист облапил Кувшинова, приподнял и попытался задавить его в своих медвежьих объятиях. — Коля, живой!

— Отставить! Лейтенант, немедленно отойдите! — Увидев, что лицо Николая начало багроветь, Фокин не выдержал и схватил Марка за кисти рук, чтобы отцепить этого ненормального.

— Ху-у-ух. — Шумно выдохнул юноша, после нескольких быстрых вдохов. — Шалдин, разве можно так? Чуть не задушил ведь.

Успокоившийся Фокин, помог Николаю привести себя в порядок, одёрнув сбившийся на нём полушубок, после чего приказал лейтенанту предъявить документы и представиться.

Тот, с готовностью, протянул удостоверение личности и справку из госпиталя. — Лейтенант Марк Шалдин, командир взвода 37-миллиметровых автоматических зенитных орудий. Нахожусь в отпуске после ранения. — Он повернулся к своим спутницам, стоявшим в сторонке. — Товарищи, я только сегодня выписался из госпиталя. Вот, с невестой решили прогуляться по Москве. Они с подружкой здесь работают медсёстрами. — Шалдин показал на вход в Сокольнический парк.

Алексей уже хотел было задержать лейтенанта, для полного выяснения, но Николай, услышав о должности своего знакомого, возбудился и продолжил настаивать на своей безумной идее.

— Вот, спросите у зенитчика, он вам расскажет, что возможно, а что нет.

Все присутствующие, и энкавэдэшники, и девушки, перевели взгляды на артиллериста.

— ...?

Коля махнул рукой, привлекая внимание Шалдина. — Смотри. Допустим, над нами кружит фашистский самолёт. Мы можем сделать заградительный залп целой батареей? При условии, что мы знаем направление и точную высоту полёта. А?

— Вообще-то, так всё и происходит. — Пробормотал лейтенант, удивлённый таким вопросом. — А к чему ты спрашиваешь?

Коля взял капитана Фокина за отворот шинели. — Всё! Алексей Владимирович, хватит спорить, пошли на батарею.

В пятистах метрах от них, на месте летней танцплощадки, торчали направленные в небо зачехлённые стволы четырёх 85-миллиметровых зениток. Именно сюда повёл их Кувшинов, по пути раздавая указания спутникам.

— Товарищ капитан, растолкуйте командиру ситуацию. — Кувшинов показал на подошедший патруль, занимавшийся охраной периметра.

Лейтенант и его спутницы стали свидетелями того, как капитан НКВД, предъявив удостоверение и какую-то бумагу, буквально построил личный состав батареи по стойке смирно. А ведь Марк хорошо знал этих зенитчиков, когда его перевели в палату выздоравливающих, он часто приходил сюда во время прогулок с Валентиной. "Что же он

мог такого показать Сергею, чтобы тот согласился начать стрельбу без объявления воздушной тревоги и минуя непосредственное начальство." — Подумал Марк, наблюдая, как бойцы споро расчехляют орудия.

— Шалдин, иди сюда, помогать будешь! — Выдохнув морозное облачко пара, позвал Коля. — Ты давай крути, а я буду говорить, куда надо направить ствол. И остальные пушки надо также установить. Договорились?

Командир батареи, старший лейтенант Сергей Волошов, поинтересовался у Марка на какую высоту выставлять "трубки", и Шалдин, в это время крутивший штурвал горизонтальной наводки, вопросительно глянул на Кувшинова.

— Пять тысяч четыреста тридцать два метра. Хотя, нет... ставьте пять шестьсот — он поднимается.

Брови кадровых военных поползли вверх. Как! Не видно же ничего. Нет никаких данных от ВНОС и с ближайших аэродромов никто не звонил. Чудеса, да и только.

— Крути. Ещё... Ещё. Стоп! Теперь вверх по чуть-чуть. Стоп!...Назад капельку. Вот. Огонь!

— Бу-бу-ух!

Увидев траекторию пристрелочного выстрела и какое нужно брать упреждение, юноша удовлетворённо кивнул сам себе и принялся командовать остальными наводчиками.

Наступила тишина. Все замерли в ожидании.

— Коля поднял руку вверх. — Насчёт три. Раз... Два... Три. Огонь!

— Бу-бу-ух! Бу-бу-ух!... Бу-бу-ух! — Практически одновременно отгромыхали четыре громких выстрела.

Подносчики снарядов кинулись к орудиям на перезарядку, а остальные, ковыряясь в заложенных ушах, высматривали в тёмных небесах, куда же они стреляли.

Где-то высоко в облаках, сквозь их тяжёлую хмарь, вспыхнула тусклая искорка и, тут же угасая, полетела вниз.

— Звезда упала — можно загадывать желание. — Пошутила Валентина, притоптывая по скрипящему снегу ножками обутыми в белые валенки.

— Всё! Долетался голубь сизокрылый, в трёх километрах от нас упал. Со второго выстрела прямое попадание. — Сообщил довольный Николай через пару минут. Попросив у командира зенитчиков карту, он отметил место падения обломков. Затем, стянув ушанку, выдохнул. — Ху-у-у, жарко чего-то.

Заметив девичьи взгляды, обращённые на его бугристую макушку, он извиняюще развёл руками и показал на капитана. — Это всё вот он виноват, хреновенький из него парикмахер.

***

Утром, когда капитан Фокин позвонил и доложил Берии об очередном сбитем Николаем самолёте-разведчике, тот тяжело вздохнул. "Вроде и ругать не за что — хорошее дело сделал, а всё равно какой-то осадочек чувствуется." — Подумал он, услышав подробности.

— Где он сейчас?

— Спит. Ночевал в квартире покойного Геллера. Оказалось, что когда майор занимался его документами, он прописал к себе Кувшинова. Там были небольшие проблемы с управдомом. Квартира была опечатана участковым, но каким-то образом, управдом сумел оформить в неё своих родственников из области. Николай нашёл у него тайник с деньгами и золотыми украшениями. Вызвали наряд и оформили за мошенничество и растрату.

— Бурная у вас ночь выдалась. — По голосу наркома было не понятно — то ли он посочувствовал, то ли позавидовал.

— Товарищ народный комиссар, тут вот ещё что. Во-первых, у Николая увеличился радиус обнаружения. Насколько именно неизвестно, но немецкий самолёт летел на высоте пять тысяч шестьсот метров. А во-вторых, нашёлся один лейтенант, зенитчик. Мы его как раз у той батареи встретили. Я так понял, что он знает Кувшинова с июня сорок первого. Очень много про него рассказывал.

— Ты его задержал, или хотя бы данные записал?

В динамике телефона послышалось приглушённое хмыканье.

— А он тоже здесь, вместе с двумя медсёстричками из госпиталя, где он лечился. Одна из них его невеста, а вторая похоже влюбилась в нашего героя. До утра на кухне вдвоём ворковали.

— Понятно... Ну, что же. Заслужил, пусть отдыхает. Завтра, к одиннадцати привезёшь его ко мне. А этих... хм-м, гостей, всех на карандаш. С девушек возьми подписки о неразглашении, а лейтенанта вези к нам в управление. Надо бы про их встречи поподробнее узнать. И помягче там с ними. Хорошо бы его на эту девчонку привязать. Николай, парень молодой, горячий и, если он с ней любовь закрутит, у нас появится дополнительный крючок на него.

Берия немного помолчал, а затем продолжил, давая Фокину еще одно поручение. — Ты пошли кого-нибудь в нашу столовую к Назарычеву, пусть возьмёт для них спецнабор. Я распоряжусь.

***

Проснулся с внутренним ощущением, что я, наконец-то, дома. Словно вернулся из очередной "горячей" командировки и на кухне хозяйничает Вика, гоняя от сладкого нашу маленькую проказницу Машутку. Сейчас позавтракаем и пойдём на задний двор кататься с горки и лепить снеговиков...

Вошедший в спальню капитан Фокин спугнул это прекрасное чувство, посетившее меня впервые за долгое, очень долгое время.

— Подъём старший сержант! Там Терещенко такую вкуснятину приготовил — пальчики оближешь.

— Ой, а почему ты плачешь? — Высунулась из-за его спины любопытная мордашка Людмилы.

Рыкнув, запустил в них тяжёлой перьевой подушкой, выгоняя обоих за дверь. Скинул трусы и перебрался с перины в чугунную ванну, где окатил себя из лейки холодной водой. Бр-р-р. Добавил немного горячей и хорошенько, до красноты, растёр себя мочалкой. "Надо бы мыла хорошего найти." — Добавил себе в памятки.

Вытирался тем же самым льняным полотенцем, что и в прошлое посещение. Повезло этим хмырям, что они не успели загадить мою квартиру. Отсидкой в лагерях не отделались бы. Под кроватью нашёл чьи-то кожаные тапки без задников, оделся, поправил перевернувшуюся звезду на левой стороне груди, дающую +100 к харизме. Справа — потёр лысинку Владимира Ильича (ещё +50) и натянул сбрую плечевой кобуры с Маузером дающим + 200 к силе и поднимающим репутацию с фракцией НКВД до уровня превознесение. Вчера он мне очень пригодился в беседе с лживым управдомом. Когда этот говна кусок увидел чей на нём автограф, он чуть ли не начал гадить кирпичиками. Хм-м. Тоже мне, вомбат сталинского режима.

— Вобат-батяня, батяня-вомбат, летят кирпичи и жопы горят... — Напевая, только что придуманную песенку, вышел в гостиную.

— Доброго всем дня! — Поприветствовал компанию, собравшуюся за большим круглым столом.

Тут щебетали румяные девчонки, улыбчивый Марк возился с разделочной доской, собираясь нарезать сервелат для бутербродов, а Фокин, сложив руки на груди, пристально наблюдал за тихушником Терещенко, который только что слямзил с тарелки кусочек сёмги и пытался незаметно сунуть его в рот.

Откуда такое богатство? — Спросил у Алексея, после ответных пожеланий цвести и пахнуть.

Услышав, что продукты доставили по просьбе Лаврентия Павловича, у Марка выпал нож из руки. — От товарища Берии?!

Я пожал плечами, мол ничего удивительного в этом нет. Но у самого, внутри, заворочался червячок сомнения. С какого переляка?! С чего бы такой аттракцион невиданной щедрости? От этого жмота один единственный раз видел хорошее, когда тот притащил фруктов в больничку, и то, после того, как его подчинённые меня отдубасили в допросной. Что сейчас? Откуда беды ждать?

— Василий, спускайся к мужикам, мы пока перекусим. Я позвоню, когда будем выходить. — Фокин отослал Терещенко к остальной охране, расположившейся на первом этаже, в квартире управдома.

Ну, что сказать, такой стол только на большие праздники накрывают. Будем считать, что это мне подарок от судьбы за испорченный новый год.

Несмотря на весь сюрреализм происходящего после встречи со мной, девушки вели себя адекватно. Шутили, вкушали деликатесы и заговаривали на опасные темы в присутствии Фокина.

— А за этот самолёт Колю тоже наградят? — Спросила Валентина.

Да-да. Мне тоже интересно.

Наплевав на этикет, Фокин почесал затылок. — Такие вопросы не мне решать, но, вообще-то, это уже третий сбитый им самолёт, не считая того, что Николай захватил с фельдмаршалом.

Я скромно потупился под прожигающим взглядом Людмилы. Ну да, вчера я об этом не упоминал. Тут ещё и Марк добавил.

— Благодаря Колиному плану мы с партизанами целый аэродром на воздух подняли. Десятки самолётов взорвали. Он заранее закоп...

— Тихо. Тихо, товарищ Шалдин, эти подробности вы потом расскажете. Давайте лучше поговорим о сегодняшнем дне. Я предлагаю начать с похода в кинотеатр. Кто за?

Я посмотрел на капитана. — А разве Люде не надо работу? Ты же говорила, что тебе во вторую смену выходить.

Девушка покачала головой и её светленькие косички забавно затряслись. — Я попросила Алексея Владимировича и он позвонил нашему главврачу, чтобы Борис Васильевич дал мне отгул на сегодня. И Марк с Валечкой свободны. Пойдёмте в кино, ну пожалуйста. Сто лет там не бывала.

М-да. Детская непосредственность, в её женском варианте. Видела бы она вчера, как этот добренький Алексей Владимирович зубы управдому вышибал.

Валентина с Марком тоже согласились на кино. После тяжёлого ранения в грудь и

долгого лечения, Шалдин ещё нигде толком не бывал. Его доставили в Москву самолётом в конце декабря, и он был рад идее упасть нам на хвост. По ходу, зенитчик понял, что с такой крышей, в виде Фокина, нас ожидает шикарный отдых.

— В кино, так в кино. А что показывают? — Не устоял перед жалобным взглядом серых глаз. Эх, стервочка, издевается над маленьким, у меня от таких взглядов кровь уже закипает. Может сказаться больным? Отправить всех остальных, а её попросить поухаживать за мной? Не?

— Свинарка и пастух! — Выпалила Людмила, вероятно, опасаясь, что кто-нибудь успеет раньше и предложит свой вариант. — Пожалуйста, пожалуйста.

— Что ж, комедия — это хороший выбор. — Сказал капитан Фокин и, понимая, что остальные тоже не прочь посмотреть этот фильм, пошёл в прихожую к телефонному аппарату.

— Ура! — Взвизгнула Люда и бросилась ко мне на шею. — Мы идём в кино!

Ощувив, как моё лицо покрывается следами от поцелуев, с удовольствием притянул к себе девушку за тонкую талию и крикнул Алексею. — Нам с Людой два билета на последний ряд!

В стотысячный раз проверив, что я помню её адрес наизусть, Людмила чуть нагнулась и жадно поцеловала меня на прощанье.

— Пиши мне. — Прошептала в ухо и сбежала вниз по лестнице.

"Ага. Смс-ку пришлю." — Подумал, прослеживая её стройную фигурку до трамвайной остановки.

С улыбкой на лице, из квартиры первого этажа вышел Фокин. — Ну, что, тебя можно поздравить? Стал мужчиной.

— У-ё-о-у-у-у!

Я пропрыгал на одной ноге по лестнице и подобрал слетевший от удара тапочек. Возвращаясь в квартиру, переступил через скорчившегося на полу капитана. — Терпи, ты же мужчина.

Пора было выезжать на приём к Берии и я пошёл в спальню собираться. Натянуть гимнастёрку не успел, Алексей быстро оклемался и застал меня врасплох — задравшим руки вверх.

— Слушай, капитан, а сколько ты немцев убил? — Спросил увернувшись от ворвавшегося в комнату Фокина. Тот, придерживая левой рукой повреждённую промежность, с правой — снова целил мне в лицо. — Одного, двух, десятков? Ты руку-то опусти, или придётся объяснять Лаврентию Павловичу откуда у меня синяки.

***

"Теперь понятно с кем он советовался." — Допетрил, когда шёл следом за наркомом по ковровым дорожкам Сенатского дворца.

Сдавая пистолет суровому полковнику из охраны вождя, подышал на гравировку и любовно протёр рукавом. — Товарищ полковник, вы с ним побережнее, не поцарапайте.

На секунду Лаврентий закатил глаза, щепча что-то на грузинском, покачал головой, подталкивая меня к дверям. — Заходи.

Мы зашли в приёмную, где нас отметили в журнале посетителей и попросили расписаться.

— Проходите, товарищи. — Разрешил надувшийся от своей важности секретарь, дождавшись, когда минутная стрелка настенных часов достигла верхней точки. М-да уж, точность вежливость королей, впустил нас ровно в двенадцать ноль ноль.

— Здравствуйте, товарищ верховный главнокомандующий. — Поздоровался, но руку протягивать не стал. Мало ли, может с ним так не принято.

— Здравствуйте, здравствуйте. — Края широких усов приподнялись. — Можно по имени и отчеству.

Сталин прошёлся вдоль стола, выдвинув для меня стул. — Присаживайся. Не голоден? Может быть чайку?

— Спасибо, Иосиф Виссарионович. Не надо. — Остановил его, когда он уже потянулся к телефону.

— На нет и суда нет. Давай, Коля, познакомимся с тобой поближе, расскажи о себе, как так получилось, что у тебя появились такие необычные способности. Может от нечистой силы?

Сталин говорил быстро и уверенно. Негромким голосом он задавал вопросы, как будто

заготовил их заранее, в великом множестве. Я, как мог, отвечал, стараясь поспевать за его мыслью, но это было не просто. Мои ответы "не знаю" и "оно само как-то", его не сильно устраивали — ему подавай конкретику.

Во время разговора он часто поворачивался, то к Берии, то снова ко мне, и смотрел жёстким, проникающим в самое нутро взглядом, под которым было неуютно и как-то бздливо. "Словно филин высматривающий мышку в снегу." — Пришла в голову аналогия.

— Хорошо, я, кажется, понял. — Закурив папиросу, он помахал спичкой, посматривая на меня сквозь дым. — Николай, теперь хочу спросить о другом. Чего ты хочешь? — Увидев непонимание, продолжил выделяя интонацией каждое слово. — Как ты представляешь свою дальнейшую жизнь? Ты бы мог уйти, спрятаться и жить жизнью обычного человека, но ты решил воевать, как настоящий комсомолец и патриот. Готов ли ты отдавать все силы: для своей страны, для всего советского народа, для партии.

Жаль у меня нет минуты на размышления, как у знатоков из передачи "Что, где, когда", подошёл бы и звонок другу, или функция "убрать два неправильных ответа".

— Иосиф Виссарионович, готов отдать и отдам. Конечно же, я сделаю всё, что в моих силах. — Заявил решительным тоном, чего собственно от меня и ожидали, но не остановился на этом. — Служить своей родине и партии — это долг любого советского гражданина, а служить *лично* товарищу Сталину — великая честь. — Верно, я тоже умею выделять слова и смотреть особым взглядом.

У Берии всё поджалось.

Пока Сталин отвлёкся, чтобы стряхнуть пепел, я покосился на Лаврентия Павловича, молча слушавшего нашу беседу. По учащённому сердцебиению и напряжённым мышцам было очевидно насколько велико его волнение, хотя внешне нарком был совершенно спокоен. Хм-м, ему-то с чего нервничать?

— Всё таки надо было нам покушать. — Иосиф Виссарионович вкрутил бумажную гильзу в пепельницу и пригласил меня прогуляться с ним перед обедом.

— Лаврентий, ты вечером, к пяти часам, зайди обязательно, Георгий Максимилианович хотел кое-что обсудить с нами обоими.

Пипец. По ходу, Берию только что попросили на выход. Как бы это не вышло мне боком.

После ухода Лаврентия, Сталин достал из шкафа свою знаменитую шинель с фуражкой и мы пошли на выход. Проходя мимо полковника, я вопросительно глянул на оружейный шкаф, но тот, выпучив свои буркалы, яростно замотал головой из стороны в сторону. Ну и фиг с ним, лишь бы не заиграл куда-нибудь.

Морозная прохлада приятно охладила разгорячённое лицо.

— Иосиф Виссарионович, разрешите скажу чего действительно хочу. — Я посмотрел на глубокие оспины идущего рядом Сталина. — Перестать бояться. Бояться очередных проверок и допросов. Того, что моих немногих друзей будут использовать, чтобы влиять на меня. Хочу делать то, что действительно может принести пользу, а не сидеть безвылазно в подвале работая детектором лжи. Выискивать воров, убийц и предателей — задача сотрудников органов внутренних дел.

Я глубоко вздохнул, проверяя реакцию спутника. — Да, шпионов и предателей ловить нужно, но для этого не надо ждать, когда их ко мне приведут, дайте мне машину, людей и я вам каждый день буду привозить их пачками, пока всех не выведу. Предоставлю доказательства, найду их тайники, рации и связных.

Неожиданно для меня, Сталин согласился с моими предложениями, назвал их весьма разумными, но сразу стал объяснять почему это невозможно.

— Коля, ты очень умный юноша, должен понимать, что не всё так просто, одного моего желания здесь мало. Если ты считаешь, что страной управляет один лишь Сталин, то ты глубоко ошибаешься. У многих товарищей по партии возникнут вопросы, а на каком таком основании Сталин дал Николаю Кувшинову полномочия чинить самоуправства, а не пошлёт ли он его завтра за ними? У каждого могут быть свои грешки.

Остановились. Мы отошли уже достаточно далеко и пора было возвращаться, но я решил привести наглядный пример применения своих способностей.

— Видите за моей спиной, оконце под крышей? То, где прикреплен щит с маскировочным рисунком. — Понизив голос, показал на одно из окон внутреннего двора. — Там сидит человек, слушает о чём мы с вами сейчас говорим, и всё записывает в тетрадь. У него какой-то специальный прибор с наушниками. Он же не для немцев собирает информацию, и вряд ли делает это по вашему приказу. Я могу сообщить о нём вашей охране, или могу найти того, кто послал, а могу застрелить его с такого расстояния, что здесь даже не услышат выстрела.

***

"... Кремлёвская охрана проморгала лазутчика на своей территории." — По старой привычке думать во время ходьбы, Сталин мерил кабинет шагами. В его голове не укладывалось то, что он сегодня услышал и чему был свидетелем. О том, что за ним следили в кремле, в самом сердце столицы, и могли убить в любой момент, он не стал говорить даже Берии.

— Лаврентий, у тебя есть информация по детекторам лжи? — Спросил он у своего давнего товарища. — Почему у нас нет таких приборов?

— Как нет, есть, просто они ненадёжные. Там слишком всё расплывчато и неоднозначно, к тому же, у нас мало грамотных специалистов для работы с ними. С Кувшиновым всё по-другому, он за час проверяет столько, сколько с этими детекторами за неделю не проверишь, причём с гарантией — ни одного прокола не было.

Иосиф резко махнул рукой. — Нет! Больше он не будет этим заниматься. Ищи специалистов и доводи приборы до ума, чтобы в каждом городе были.

Берия переглянулся с Маленковым, вообще не понимающим причин происходящего, что же так возбудило Сталина? Что такого мог сказать Кувшинов?

— Нам необходимо учредить особый отдел для выявления шпионов и вредителей в рядах Красной Армии и передать его под управление Народного Комиссариата Оборона.

— Ещё один отдел для контрразведки? Зачем, всё это уже есть и хорошо работает.

Иосиф Виссарионович остановился напротив высокого окна. — Есть мнение, что для более эффективной работы в этом направлении нам нужно свести все органы контрразведки в отдельное управление.

Берия обеспокоенно повёл плечами. — Кто будет заниматься реорганизацией и кому будет поручено им руководить?

— Главным управлением контрразведки "СМЕРШ" будет руководить Сталин.

— Странное название, Иосиф Виссарионович. — Георгий Максимилианович посмотрел на Сталина. — Что-то означает?

— Да. Смерть шпионам.

***

За прошедшие три недели, со Сталиным, мы встречались ещё четыре раза, и каждое последующее посещение было всё более длительным. В основном, гуляли с ним по кремлёвским закоулкам, где по его просьбе, я рассказывал ему об окружающих нас людях. Кто приворовывает с кухни, кто спит на посту, а кто пришёл на службу навеселе. Объяснил ему, как у меня получается так точно стрелять и рассказал, какие картинки вижу при помощи запахов. Но эти аспекты его интересовали меньше, чем чтение человеческих реакций. Он даже предложил провести несколько экспериментов с незнакомыми мне людьми, где я задавал приглашённым вопросы и, по их реакциям, узнавал их имена, даты рождения и любые другие данные. После этих опытов, Сталин настоятельно потребовал, чтобы я занялся изучением иностранных языков, в первую очередь немецким и английским.

Беседуя с Иосифом Виссарионовичем, мне постоянно приходилось контролировать свой длинный язык, всё время хотелось ляпнуть что-нибудь умное: про предательство Власова, предупредить об атомных бомбах, попросить найти Михаила Калашникова. Сдерживался с трудом, если и предлагал что-то, то только касающееся моих способностей, ну, не считая таких мелочей, как название для СМЕРШа.

За мной сохранили мой кабинет в управлении, куда заезжал три раза в неделю, продолжив заниматься проверками. Только теперь моими основными клиентами были военачальники посаженные по доносам, выходявшие из окружений, или побывывшие в плену. Во внутренний двор управления заезжали целые колонны грузовиков, отправленные из фильтрационных лагерей для моей сортировки. У Фокина, с которым мы, наконец-то, помирились, в эти дни нередко сводило пальцы судорогой от постоянной писанины.

Заполненные капитаном списки, отдавали вместе с личными делами в секретариат Лаврентия Павловича, где, после окончательной проверки, перепечатывали для Сталина.

По моей статистике, среди сотен проверенных, было меньше пяти процентов настоящих предателей, так сказать идейных врагов. Были и патологические трусы, неспособные руководить, не то что красноармейцами, а даже своей женой. Не знаю, как этого объяснить, но их получалось вычислять ещё до того, как они вылезали из машин.

Я только и успевал диктовать Фокину, куда направлять очередного командира. Основную массу полностью оправдывали и восстанавливали в звании, прочих — рекомендовал оправдать, но разжаловать в рядовые. Непрошедших возвращали на доследование обратно в лагерь, но уже с чёрной меткой в деле, а за обнаруженных четырнадцать немецких шпионов Лаврентий Павлович приезжал благодарить лично. По четверым из этих сотен дал настоятельную рекомендацию расстрелять их на месте, как убийц, насильников и педофилов. Это были настоящие психопаты, недостойные ни одной лишней минуты жизни.

Спустя три недели после первой встречи с верховным, Берия ознакомил меня с приказом о назначении лейтенанта государственной безопасности Кувшинова Н.И. на должность главного инквизитора. Ха-ха-ха, шучу. Нет, корочки лейтенанта ГБ мне действительно дали, но с какой-то невнятной должностью заместителя начальника отдела оперативного учёта и статистики.

Замнач отдела в главном управлении (ещё только создаваемого) СМЕРШа? В шестнадцать лет? Ага, конечно. Но, вообще-то, — это действительно смешно, ведь я даже не знаю, кто там начальником. Епт-ыть, чей я заместитель, апостола Петра?

Фокину тоже выдали новые документы, в которых повысили его до майора. После чего Лаврентий Палыч сообщил о моём награждении и протянул орден Красной Звезды и медали

за Боевые Заслуги.

Жмоты! За самолёт и бой с Терентьевым дали медаль, ладно, годится. За колонну дали орден — тоже достойно. А за штаб где? За другие самолёты? Где награда за вычисленных предателей?! Жулики!

На следующий день после выдачи плюшек состоялась встреча с моими новыми подчинёнными.

— Здравствуй, Коля!

Ответно улыбаясь, встретил входящего в кабинет Леонида Сиверцева. — Уже старшой? Да ты оказывается карьерист. — Кивнул на шпалы в петлицах.

Следом за ним вошли остальные.

Витю Данилина также повысили, сравнив его в звании с Евгением Лобановым, который всё ещё ходил лейтенантом. Последним зашёл младлей Денис Дружинин, ведущий под руку радостного эмигранта. Несмотря на улыбку, видок у Алекса был не очень. Оброс, ссутулился, впалые щёки чётче обрисовали выпирающие скулы, а дёрганные движения и лихорадочный блеск в глазах давали повод заподозрить в нём героинового наркомана.

— Сержант государственной безопасности, Николаев Александр Романович. — Представил его Сиверцев.

Николаев, реально? Это такая шутка от Берии?

— Здравствуйте, товарищи. Хочу познакомить вас с вашим новым начальником майором Фокиным Алексеем Владимировичем. — Я оглядел будущих соратников. — Кто-то его уже видел и знает, а для других рассказываю, — это опытный и ответственный командир, с которым я успел плодотворно поработать, выявляя врагов нашего народа. В первую очередь, майор будет координировать действия нашего подразделения с другими службами и обеспечивать все материальные и технические нужды. Весь документооборот также на майоре, так что, со своими вопросами, жалобами, или просьбами обращаемся к Алексею Владимировичу.

Выстроившись вдоль стеночки мужчины, смотрели на Фокина, сидящего рядом со мной и на их лицах читалось, как скачут их мысли.

— Какое подразделение? Кто будет ставить нам задачи и в чём они будут заключаться? — С ожидаемым вопросом, вперёд выступил Леонид.

— Временно, ваша группа будет относиться к НКВД, но в ближайшем будущем вы станете сотрудниками главного управления контрразведки "СМЕРШ". Расшифровывается, как смерть шпионам. Вам надо объяснять, кто здесь главный по их нахождению? — Фокин поднял одну руку со стола и тыкнул на меня указательным пальцем. — Он будет ставить задачи. Вам всё понятно, старший лейтенант Сиверцев?

Лёня ответил "так точно" и сделал шаг назад, уступив очередь Николаеву (гы-гы-гы).

— Разрешите спросить...почему я?

М-да. Красноречиво. Ох-ё, Алексу ещё и передний зуб выбили. Ваще красавчиком стал.

— Потому что я настоял. Будешь у нас переводчиком и займёшься моим обучением немецкому языку. Или ты чем-то недоволен?

Он замотал башкой и его втянули обратно в шеренгу. Да уж, не хочет эмигрант обратно в камеру, а всё одно на рожон лезет. Воспитание, однако.

— Ладно, остальные вопросы будем решать по мере поступления. Сейчас грузимся в машины и едем на полигон. — Поднялся Фокин. — Встретимся с остальными членами группы.

— Погодите. — Я посмотрел на эмигранта. — Алексей, смотри, как сержант Николаев зарос. Давай, ты его подстрижешь и мы наконец выясним каковы твои настоящие навыки парикмахерского мастерства.

— Да пошёл ты...

***

Уважаемые читатели.

Не забывайте нажать ♥.

От вида ваших лайков пишется быстрее.

От Иосифа Виссарионовича, как известно, являющегося лучшим другом артиллеристов, был строгий приказ — "Без дальнобойной артиллерии и зенитных установок из города ни ногой." Это было сказано после моего подробного рассказа о сбитом над Москвой, с помощью 85-миллиметровой зенитки, немецкого самолёта-разведчика.

Вполне профессионально оценив мои возможности, Сталин предложил посоветоваться с одним умным человеком, который будет меня ждать на Софринском полигоне, чтобы с ним сообща выбрать для меня наиболее подходящее орудие.

"Там же проведёте тренировочные стрельбы. Твоё ниже-выше, левее-правее — никуда не годится. Будешь изучать термины и матчасть." — Обломал меня верховный, когда я уже размечтался о лёгкой поездке. Тогда-то я и решил включить в нашу группу хотя бы парочку специалистов по этому делу.

Ленивые люди, когда им надо, в состоянии так напречь свои извилины, что изобретатели-трудоголики от зависти могут удавиться. Мне, как очень ленивому индивиду — было надо, и я придумал использовать лейтенанта Шалдина, чтобы самому не учиться. Разузнал у Марка, какие именно данные нужны для наведения орудия по наземным целям и по воздушным, после чего, мне оставалось только потренироваться с ним в скоростной стрельбе.

Отправляя меня, Иосиф Виссарионович разрешил рассказать этому инженеру-конструктору о моих талантах, аргументируя тем, что этот человек способен создать что-нибудь конкретно для меня, а пока, подберёт наиболее приемлемое, из имеющегося в их арсенале.

Грабин. На полигоне меня встретил Василий Гаврилович лично, а его фамилию я помнил без всяких википедий. Талантище! Епт-ыть! Мне проводит экскурсию сам Грабин! Познакомившись, рассказал ему о способностях и показал их наглядно, после чего мы перешли к изучению моих ТТХ, которые пока измерялись лишь радиусом обнаружения.

Ещё когда лежал с сотрясением мозга, полученным в застенках "кровавой гэбни", понял, что мой дар изменился в лучшую сторону. Но, измерить расстояние до объекта и увидеть его — это разные вещи. Для точных замеров нужна была обширная прямая поверхность, а так как в городе было не до этого, и там мало прямых участков для тестирования моего виртуального дальномера, я обходился примерными значениями. Экспериментировать же, направляя внимание в небо, у меня не выходило — там не было предметов, на которых я мог бы сосредоточиться.

Четырнадцать с половиной километров — такой результат у нас вышел. Причём, как оказалось, он был плавающим. Когда я стоял на месте, всё было нормально, но стоило мне пойти в сторону метки, как я терял её из виду, и только метров через триста находил вновь. Останавливаюсь — всё в порядке. Создавалось впечатление, что моя способность запаздывает за мной. Василий Гаврилович назвал эти расхождения несущественными и неиграющими большой роли, посоветовав смотреть только те орудия, которые превышали бы эти параметры, причём, чем они будут больше, тем лучше.

Из показанных Грабиным образцов, мне больше всего понравилась 203-миллиметровая гаубица образца 1931 года, но когда мне сообщили с какой скоростью это чудовище передвигается, и какие ожидаются проблемы со снарядами, я передумал.

— Коля, не выдумывай. На таких дистанциях, да с твоей точностью, тебе и 152-миллиметровой будет за глаза. — Он показал на гаубицу, стоявшую на улице под чехлом. — Ей бы скорострельность добавить, и она стала бы для тебя самым лучшим вариантом.

По зениткам он сказал, что лучше той, из которой сбил над Москвой немца, я не найду. Меньше калибром — полно, а больше — вряд ли. Расставаясь, мы договорились, что я займусь стрельбами, а завтра подойду к нему ещё раз и он даст список того, что есть на складах из крупнокалибренного, с ленточным, или магазинным боепитанием.

***

По изрытому множеством сапогов снегу, тянулась длинная проплешина, ведущая к могучей 152-миллиметровой гаубице-пушке МЛ-20. По этой чёрной тропе, из мёрзлой, бугристой земли, брели заморенные тяжёлой работой, два молодых красноармейца. Не переставая материться, они упорно продолжали волочить двухколёсную тележку, нагруженную цилиндрами гильз, играющих под закатным солнцем мягким блеском начищенной латуни.

Вокруг орудия кипела бурная деятельность. Сновали подносчики, крутили штурвалы наводчики, что-то кричал заряжающий, а командир расчёта, младший лейтенант Пивников, получал от лейтенанта зенитчика, приехавшего вместе с пятёркой энкавэдэшников, указания для наведения. В свою очередь, залётный лейтенант, держа возле уха трубку полевого телефона, слушал невидимого ими корректировщика.

— Огонь!

После отмашки Пивникова грохочет выстрел. — Буд-ду-ум!

— Долго они ещё так?! — Прокричал майор Фокин лейтенанту Сиверцеву, надевшему танковый шлемофон, и потянул его на дорогу ведущую к арсеналу.

— Шалдин говорил, пока полностью не отработают взаимодействие!

— Он-то каким боком здесь нужен? — Спросил майор, когда они отошли от гаубицы, достаточно далеко для комфортного разговора.

Лейтенант посмотрел на Марка, занятого передачей данных для артиллеристов, увлечённо растреливающих мишени, установленных за десять с лишним километров отсюда. — Передаточное звено: он знает Колю, может перевести его подсказки на язык пушкарей, самый оптимальный вариант.

Отвернув лицо от пронизывающего ветра, Алексей посмотрел на чуть видневшийся краешек садившегося за горизонт светила, сплюнул и пошёл к машине, оставив лейтенанта за главного.

— Поехали, проведем этого барина. — Сказал Дружинину, сидевшему за рулём эмки. — Окопался там в тепле, а мы здесь должны мёрзнуть, неизвестно для чего.

***

Лёжа на мягкой кровати в гостевом домике, предназначенном для начсостава приёмных комиссий, через Шалдина, руководил действиями расчёта орудия.

— ... да мне без разницы, какое у вас там расстояние выставлено, из-за бокового ветра и траектория поменялась, и дальность уменьшилась. Поднимай давай и левее!... Так, погоди минутку. — Я обратил внимание на подъезжающего Фокина. Судя по недовольной физиономии майора, тот едет скандалить, что означало конец работе на сегодня. Что ж, и так пора было отдохнуть. — Давайте этот снаряд достреливаем и на сегодня всё... и чего, что они снарядов натаскали, пускай обратно везут. И вообще, приказы не обсуждают, а выполняют.

Закончив с последним выстрелом, положил трубку, встал, заправил покрывало и принялся одеваться. Закрывая дверцу платяного шкафа, посмотрел в зеркало. Отражение показало, что форма лейтенанта НКВД мне идёт.

За последние месяцы Коля Кувшинов неслабо прибавил в росте, а лицо округлилось до нормального, для шестнадцати лет, состояния. Что же до физических кондиций, то это тело и так было не обижено крепкими мышцами, и я тоже хорошо постарался, укрепляя его ежедневными упражнениями. Раньше, этого было не видно из-за сильной худобы, но теперь, когда отъелся, раздался в плечах, а руки в рукавах гимнастёрки перестали болтаться, натянув собой ткань. Ещё годик, и никто уже не признает во мне подростка, смело будут давать восемнадцать-девятнадцать лет. Почему я так уверен? Из-за выражения глаз, шрамов и ранних морщин. Война, вообще никого не красит.

— Сколько можно тебя ждать? Поехали! — Не дав сказать ни слова, погнал опешившего майора на выход. — Там в столовой такие красивые девчонки собрались. — В коридоре схватил с вешалки кожаное (подарок Берии) пальто и фуражку. — Быстрее, пока их не увели.

Алексей пришёл в себя залезая в машину. Уже занёс ногу в салон, остановился, повернувшись ко мне и спросил. — Ты чего несёшь, какие девчонки, тебя же Людмила в Москве ждёт?

Странный какой-то, мы же сейчас не в Москве.

***

Алёна Панько, машинистка из финчасти, так спешила на торжественный ужин, что забыла занести Марине Сергеевне папку с отчётом за последний квартал прошлого года. В тот период их чуть было не эвакуировали, что очень негативно отразилось на финансах, заложенных тютелька в тютельку. Теперь вот все мучаются из-за тех пертурбаций, до сих пор подгоняют реальные расходы и зарплатные ведомости, под установленный наркоматом бюджет.

— Ты куда без меня? — Ухватила её руку Фаина. — Вместе же договаривались идти.

Алёна тихонько фыркнула под нос и оглянулась на соседку по комнате. Пользующаяся у мужчин большей популярностью, та обладала длинными ровными ножками с мощными бёдрами пловчихи и большой мягкой грудью, которую она не стеснялась подчёркивать приталенными кофточками.

— Да я не в столовую. — Зарумянившись, начала оправдываться Панько. — Мне к Кириллу в ГСКБ забежать надо. Ой, забыла папку в кабинете.

Высокая брюнетка, с говорящей фамилией Гуляева, прищурившись смотрела на убегающую по коридору подружку. "Подозрительно, что-то она скрывает. — Подумала Фаина перелистывая в своей памяти странички с данными на всех потенциальных кандидатов, из-за которых Алёнка могла так смутиться. — "Наверное, это из-за сегодняшнего награждения у реактивщиков, где будут вручать грамоты за удачно проведённые испытания. Там вроде бы попадались симпатичные инженерики. Мне лучше показаться рядом с этой веснушчатой пигалицей, чем идти одной. Так, на фоне Панько, я буду смотреться намного выгоднее." Определив для себя цель, Гуляева присела в уголке у выхода, карауля Алёну.

В обеде, чтобы накормить, без малого, тысячу уставших после работы человек, в столовой было организовано посменное питание. И, наверное, только в праздники здесь собирались все вместе, используя просторное помещение вместо клуба. Также, тут было

весело илюдно по вечерам, когда многие из семейных живущих в посёлке уходили, чтобы поужинать дома, обменивая свои талоны на продукты.

Сегодняшний ужин не был праздничным, но и обычным называть его не получалось. Присутствовали все начальники цехов и мастерских, рядом сидели рабочие-передовики, взявшие на себя повышенные обязательства, здесь были инженеры, лаборанты, технологи и прочие представители умственного труда. Многие из гостей, сотрудники первого отдела уж точно, были в форме. Некоторые из них сверкали боевыми орденами и медалями, своим блеском привлекая к себе всеобщее внимание, вызывая у людей трепетное уважение к товарищам, успевшим проявить себя на фронте.

— Дорогие товарищи! Хочу поздравить всех с успешно завершёнными испытаниями! Не буду называть какого изделия, чтобы не злить наш особый отдел, но те, кто причастен знают о чём я говорю... — Выступил с речью главный, приехавший из штаба полигона вместе с двумя генералами из наркоматов боеприпасов и миномётного вооружения.

Все внимательно слушали длинную речь начальника полигона, терпеливо ожидая дальнейшей раздачи "пряников". Ведь, помимо благодарностей и грамот, ожидалось распределение пяти новых домов в посёлке, предназначенных для молодых семей и особо отличившихся в труде. Женщины, которых здесь было не меньше трети, ждали этого момента с присущим им нетерпением, что говорить, такого ажиотажа у них не было даже на празднике восьмого марта. Они оглушительно аплодировали после каждого предложения сказанного оратором, в надежде, что он не выдержит и приступит к самому интересному.

Уже вот-вот должен был наступить этот долгожданный для них миг, когда в помещение вошли трое приезжих сотрудников НКВД.

На полигоне хватало своих гэбэшников, и чаще полигон посещали военные, для консультаций и испытаний, или везущие трофейную технику, если кто и приезжал, то старались не привлекать к себе особого внимания. Эти были другие.

Фаина, сидевшая за крайним столом у окна, сразу прикипела взглядом к плечистому майору, пожалев при этом, что села так неудачно — их с Алёнкой практически не было видно от входа. Закусив нижнюю губу, она скользнула взглядом по залу, высматривая пустующие места. Жаль, но скорее всего, они сядут с противоположной стороны.

— ... за досрочное выполнение взятых обязательств, за каждодневный упорный труд, орденом на квартиру в новом доме, награждается коммунист, токарь пятого разряда Цинёва Екатерина Ульяновна! Давайте похлопаем товарищи!

Под сдержанные аплодисменты и свист, на пятак, где расположился президиум, вышла коренастая сороколетняя женщина. Принимая от главного в свои мозолистые руки поздравительную грамоту и ордер на квартиру, она торжествующе оглядела зал, ловя завистливые взгляды многочисленных конкуренток.

Алёна, закричав толстухе что-то поздравительное, так захлопала ладошками, что Фаине даже захотелось спихнуть её с лавки. Дурёха, они впятером живут в комнате, а у этой бабы теперь своя собственная квартира есть. Чему радоваться?

— Разрешите к вам присоединиться?

Девушка обернулась на тихий голос и застыла. "Майор!" — Мелькнула первая мысль. За первой, возникла продолжительная пауза — мыслительный процесс остановился. Словно дудочка факира, гипнотизируя танцующую кобру, перед глазами Фаины качалась золотая звезда героя советского союза. Зрочки девушки забегали туда сюда, от симпатичного майора к молодому пареньку. Один — красивый майор, в полном расцвете сил, а другой —

лейтенантик, слишком молодой для неё, но герой! А-а-а! Кого выбрать!

— Тише товарищи, ничего не слышно из-за вас. — Не оборачиваясь зашипела Панько. — Садитесь и не шумите.

***

Подтолкнув Лобанова дальше, пролез первым, занимая место на скамье слева от худенькой злючки, с копной соломенных волос на голове.

— Алексей Владимирович, а вы с той стороны садитесь. — Прошептал Фокину показывая вправо, на советскую копию Клаудии Кардинале.

У Женьки Лобанова жена уже есть, а попытка устроить личную жизнь майору, будет мне им зачтена, или я буду вынужден признать, что не разбираюсь в женской красоте, вон как уставился.

Видя, как моя соседка не отрываясь смотрит на происходящее действие, она была из не избалованных. Или с развлечениями здесь совсем всё туго?

— Меня Коля зовут, а тебя? Х-хы.

Потирая бок, в который только что вонзился острый локоток, невольно отодвинулся от такой опасной девчонки. Ну её, бешеная какая-то.

Спустя полчаса всё закончилось и по залу прошли добровольные помощницы, разнося по столам кастрюльки с супом и горячее на подносах. Всё остальное было уже расставлено. Нарезанный хлеб под салфетками, салатки, тарелки и вилки с ложками, имелись перед каждым гостем. В качестве напитков был чай, компот из сухофруктов и водочка в графинчиках, по двести грамм на человека.

Майор времени не терял, уже поглаживал брюнетку по приоткрывшейся коленке. Смотрел на них, но так и не понял, это юбка сама так задралась, или девушка не против ухаживаний и подтянула её. М-да, был бы постарше я бы сам сел справа, но не мне пытаться влезать на этот Эверест. Там такие возвышенности, что пока их покоришь, все силы кончатся. И помру я молодым, не от фашистской пули, а от крайней степени измождения.

— Товарищ Кувшинов, вас спрашивает Василий Гаврилович. — Подкрался какой-то посланец в кепочке.

Кивнул Алексею, чтобы он не беспокоился, выкарабкался из-за стола и пошёл следом за провожатым. Встретил бы такого в двадцать первом веке, принял бы за алкаша. Одежда, как из помойки, вся в заплатках, потёртая, а пиджак вообще перешитый из чего-то другого, вон следы от вспоротых швов. — А где он?

Мы вышли из зала и уже подходили к выходу, когда я опомнился и начал просматривать здание в поисках Грабина.

— Он с товарищем на улице курит, попросил вас к нему привести. — Солгал мужичок в кепке. На улице стоял какой-то импортный грузовик и четверо в красноармейской форме. Грабина среди них не было.

— А-а. Понятно. Сейчас, я только пальто накину.

***

Это последняя глава в этой книге, следующие приключения нашего героя ожидают Вас во второй части.

Больше книг на сайте — Knigoed.net